

охота

и охотничье хозяйство

5

2007

Фото на конкурсе

Фото К. Гриниха. Фотоконкурс «Охота и природа, 2006»

Статистика —

мониторинг —

управление

В. КУЗЯКИН,
доктор биологических наук, профессор

Всем понятно, что любая отрасль хозяйства человека базируется на статистике — систематизированном учете всех цифровых показателей, которые существуют в отрасли. Это не зависит от общественно-экономической формации в той или иной стране. Еще В. И. Ленин твердил: «Социализм — это учет, учет и еще раз учет». В любой капиталистической стране это было и есть само собой разумеющимся.

Теперь посмотрим, какая была статистика в охотничьем хозяйстве СССР и отдельно взятой союзной республике — РСФСР, а также в современной России.

В СССР единого управления охотничьим хозяйством фактически не существовало, каждая союзная республика вела хозяйство по-своему, по своим правилам охоты, своим ведомственным нормативно-правовым актам, согласно своей политике в этой отрасли. Формально был общий союзный орган: Главное управление по охотничьему хозяйству, заповедникам и охране природы Министерства сельского хозяйства СССР. Однако этот орган не имел своей разветвленной, региональной иерархически структурированной системы. Он даже не проводил определенную политику в области охотничьего хозяйства, а лишь собирал сведения о состоянии дел в охотничьем хозяйстве союзных республик для отчетов перед Правительством СССР и для информирования различных международных природоохранительных организаций.

Для сбора этих сведений была введена форма статистической отчетности «2-тп-охота», разработанная специалистами Главохоты РСФСР и утвержденная Госкомстатом СССР как обязательная для всех союзных республик, областей, автономных республик, краев, административных рай-

онов, отдельных охотничьих и промысловых хозяйств. По РСФСР обработку материала проводил Государственный комитет Российской Федерации по статистике (Госкомстат России), а именно — его вычислительный центр. Результаты обработки передавались для дальнейшего обобщения в Госкомстат СССР, а также во все государственные и общественные системы России, имеющие охотничьи или промысловые хозяйства в угодьях России. Таких систем насчитывалось в республике, например в 1984 году, 15, не считая мелких акционерных обществ, ТОО, МП. Материалы обрабатывались также отдельно по этим системам. Кроме того, отдельно обрабатывались материалы по районам проживания народностей Севера.

По форме «2-тп-охота» складывались по автономным республикам, краям, областям, затем по союзным республикам следующие данные: количество отчитавшихся предприятий, в том числе имеющих закрепленные охотничьи угодья; затраты на охрану, воспроизводство диких животных, включая биотехнические мероприятия, на содержание госохотнадзора и егерской службы охраны. Кстати, в том же 1984 г., когда рублевая валюта была еще достаточно стабильной, указанные затраты в России составили 24,8 млрд. руб., из них на проведение учетов численности животных — 689,9 млн. руб., на охотустройство — 382,3 млн. руб. По покупательной способности рубль в 1984 г. был сильнее рубля 2006 г. примерно в 70—80 раз.

Далее подсчитывались общие затраты на ведение охотничьего хозяйства, которые в нашем модельном 1984 г. составили в РСФСР 73,1 млрд. руб., в том числе за счет средств госбюджета — 17,1 млрд. руб. В сводках Госкомстата России ежегодно указывалась общая площадь охотничьих угодий по административным единицам, площадь закрепленных угодий, в том числе охваченная охотустройством, а также площадь, на которой был проведен в отчетном году учет численности диких животных (в 1984 г. — на 787,2 млн. га, хотя этот показатель имеет мало смысла). Суммировалась численность персонала, работающего в охотхозяйственной отрасли.

Следующие разделы отчетов Госком-

стата России касались видов и групп охотничьих животных. Копытные животные освещались все по видам, пушные звери — в основном по видам, но зайцы, куницы и некоторые другие группы — без дифференциации по видам, так же как утки и гуси в разделе пернатой дичи. По каждому виду или группе: общая численность, сколько было расселено особей в отчетном году, сколько добыто, в том числе сколько «реализовано». По копытным животным добычу и реализацию считали не только в головах, но и в тоннах. Если читателю интересно, то можно заметить, что в 1984 г. при добыче 86,7 тыс. голов копытных их общий вес составил 6,5 тыс. тонн.

В отчетах Госкомстата содержались сведения по искусственному разведению диких зверей и птиц: количество питомников, ферм, численность основного поголовья, деловой выход молодняка, затраты на содержание питомников или ферм, сколько реализовано: голов и в денежном выражении. Те же сведения приводились отдельно по фазану.

Показатели охраны госохотфонда заключались в количестве выявленных нарушений, рассмотренных административными органами и судами дел, сколько взыскано штрафов и исков в рублях (в 1984 г. — 27,7 млрд. руб.). Также приводились сведения о числе случаев незаконной продажи или покупки пушно-мехового сырья и стоимости сделок (в 1984 г. — на 1,6 млрд. руб.).

Как же можно расценить бывшую систему статистической отчетности? Отчетность по форме 2-тп-охота охватывала многие показатели работы охотхозяйственной отрасли. По меньшей мере руководящие органы охотничьего хозяйства в СССР и РСФСР могли ориентироваться в порядке величин, могли проследить тенденции изменений по годам, пятилеткам. Это была система (!), которая, к сожалению, исчезла вместе с распадом СССР. Конечно, эта система имела определенные недостатки, характеризовалась неточностью большинства показателей. Если данные по добыче охотничьих животных в форме «2-тп-охота» отражали более или менее точно официальную добычу животных, осуществляемую по лицензиям (разрешениям), то размер

охота

и охотничье хозяйство 5 2007

Ежемесячный иллюстрированный журнал.

Учредители: трудовой коллектив редакции журнала.

Свола обществ охотников и рыболовов РФ.

• Основан в октябре 1955 г.

добычи нелегальных видов животных мог иметь большие смещения величин. По охотничьим хозяйствам информация о добыче формировалась обычно по данным заполненных путевок, которые охотники сдавали в хозяйство после проведения охоты. Какие-то охотники сдавали эти путевки, другие забывали это сделать, а руководители далеко не всех хозяйств требовали обязательной сдачи путевок. Добыча на так называемой «свободной», то есть не закрепленной за хозяйствами территории, оценивалась по административным районам «на глазок», умозрительно.

Сложение количества добытых животных в районах, областях, краях, автономных, союзных республиках проводилось простым арифметическим суммированием. Естественно, что в эти данные не входила нелегальная добыча. Тем не менее суммарные данные в той или иной степени отражали по меньшей мере учетную часть нелегальной добычи.

Таким же образом, то есть суммированием по территориям, формировались данные по численности охотничьих животных. При этом нигде не указывалось, каким способом получены материалы по численности: то ли это результаты полевого учета, полученные неизвестным методом (авиаучет, зимний маршрутный, прогоню, окладом и пр.), то ли это глазомерная, можно сказать экспертная, оценка.

Главприрода СССР, не имеющая своих сотрудников на местах, могла пользоваться только этими данными. Специалисты Главохоты РСФСР, имеющей сеть таких сотрудников, безусловно понимали, что данные по численности животных не соответствуют реальности. Еще в конце 50-х годов прошлого века В. П. Теплов убеждал сотрудников Главохоты РСФСР в необходимости полевых учетов на больших территориях. В 1958 г. появилась методика комбинированного учета, часто называемая методикой Жаркова-Теплова. А в 1962 г. при Окском государственном заповеднике была организована «Группа биологической съемки» под руководством В. П. Теплова. Эта группа, укомплектованная квалифицированными молодыми специалистами — выпускниками биофака МГУ, руководила проведением зимнего маршрутного учета сначала в 12 центральных областях РСФСР, затем в 40 областях и автономных республиках.

В конце 60-х годов Окский заповедник перешел в ведение Главприроды СССР. Россия и Главохота РСФСР уже не могли распоряжаться и руководить работой Группы биологической съемки. Поэтому у специалистов и руководства Главохоты РСФСР родилась идея о создании в системе Главохоты своей, российской государственной службы учета (ГСУ) охотничьих животных России, используя штат государственных районных охотничьих инспекторов, егерский персонал охотничьих хо-

зяйств с закрепленными угодьями, общественных охотничьих инспекторов.

В конце 1968 г. была создана Центральная научно-исследовательская лаборатория охотничьего хозяйства и заповедников (ЦНИЛ Главохоты РСФСР). В 1970 г. перешел на работу в лабораторию Е. Е. Сыроечковский, которому было поручено руководство научно-исследовательской темой «Научные основы государственной службы учета». Ответственным исполнителем темы был Ф. Р. Штильмарк. Выполнение темы было направлено на формирование концепции создания и форм работы ГСУ. Ф. Р. Штильмарк, работавший до этого в основном в Сибири и на Дальнем Востоке, настаивал на том, что ГСУ должна опираться главным образом на анкетно-опросные методы учета животных, а из полевых методов он предпочитал учеты на пробных площадках. Это мнение не разделяли многие ученые в лаборатории.

Параллельно упомянутой работе в другом отделе лаборатории шли интенсивные исследования полевых методов учета животных. Проводилось, в частности, моделирование зимнего маршрутного учета (ЗМУ), ведением которого уже много лет руководила Группа биосъемки Окского заповедника. При моделировании были получены интересные результаты, например, подтверждающие теоретическую обоснованность ЗМУ. Велся расчет трудоемкости различных методов, объемов необходимых затрат на проведение учетов в масштабе России. В конечном итоге после нескольких лет неудачных попыток создать концепцию ГСУ выполнение темы было поручено отделу охотничьих угодий и охотустройства под руководством А. А. Вершинина. Отдел тут же был переименован в отдел учета охотничьих ресурсов. Работа началась с проведения производственных экспериментов по созданию ГСУ в пяти модельных областях РСФСР. На основе результатов экспериментов был разработан проект Положения о ГСУ, ряд методических документов. После кончины А. А. Вершинина в 1977 г. работы продолжались под руководством автора этих строк.

Идеи, положенные в основу работы ГСУ, были простые. Главным, но далеко не единственным методом был признан зимний маршрутный учет — самый простой, относительно малотрудоемкий метод, позволяющий привлечь к проведению учетов массовый контингент исполнителей. Служба учета должна быть построена на иерархической системе организации по схеме «вертикали» субординации государственной системы управления охотничьим хозяйством. Руководство проведением учетов на местах должны осуществлять районные охотоведы, численность которых в то время превышала 4000 человек. Массы учетчиков из общественных организаций и хозяйств могут быть привлечены к учетным работам на ос-

нове договоров о закреплении (аренды) охотничьих угодий, в которых обуславливалось обязательное проведение учетов животных во всех хозяйствах.

В середине 1979 г. Главохота РСФСР издала приказ о создании Государственной службы охотничьих ресурсов РСФСР (Госохотучет РСФСР). Приказ устанавливал, что кроме отдела учета охотничьих ресурсов ЦНИЛ, который должен был осуществлять научное руководство и методические разработки, создается специальная партия («Служба учета») в рамках Центральной охотустроительной (проектно-исследовательской) экспедиции (ЦПИЭ) Главохоты РСФСР, которая была обязана координировать работу службы учета на местах и обрабатывать полученные первичные данные учетов. Во времена правления Л. И. Брежнева создание даже такого маленького подразделения в государственных учреждениях было задачей почти нереальной. Тем не менее это было сделано неимоверными усилиями.

В ЦНИЛ Главохоты отдел учета охотничьих ресурсов, благодаря поддержке директора В. В. Дежкина, был значительно расширен. Максимальной численности он достиг в 1980 г. — 21 человек, техническими помощниками числились 12 человек партии «Служба учета» ЦПИЭ. После этого максимума штатов было только их сокращение, которое ускорилось со сменой руководителя Главохоты РСФСР. Партия «Служба учета» со временем была объединена с отделом ЦНИЛ. Инженерные работники понесли большие потери в заработной плате, и большинство из них уволилось, их ставки сразу сокращались. Затем Главохота РСФСР превратилась в Охотдепартамент МСХ РСФСР. Охотничье хозяйство России с каждым годом утрачивало свои позиции...

Было бы неправильным говорить, что единственной учетной системой в России был (и пока существует) Госохотучет России. Еще в начале 1930-х гг. в системе потребительской кооперации была создана так называемая «Служба урожая», которая впоследствии возглавлялась Всесоюзным НИИ охотничьего хозяйства и звероводства (ВНИИОЗ) Центросоюза, сейчас — ВНИИОЗом РАСХН. Эта система была построена на ином методическом принципе — на массовой сети добровольных корреспондентов, то есть на анкетном методе сбора информации. Сначала три, затем два раза в год «Служба урожая» рассылала анкеты своим корреспондентам, которые давали свою экспертную оценку уровня обилия охотничьих животных, дикорастущих растений, мышевидных грызунов как кормовой базы хищных пушных зверей.

На основе этих относительных оценок делались попытки прогноза численности животных и полезных растений. Иногда прогнозы были весьма удачными. Однако в системе Главохо-

ты РСФСР бытовало устойчивое мнение, что для государственного управления недостаточно иметь относительные показатели, ограничиваться определением тенденций обилия и прогнозами: нужны абсолютные показатели — в головах.

«Служба урожая» существует и сейчас, хотя массовые корреспондентской сети постоянно снижается. Тем не менее за свою многолетнюю историю эта служба накопила огромный материал. В последние годы велись исследование, на мой взгляд удачные, по математизации и программированию прогнозов, уточнению тенденций изменения обилия объектов промысла и охоты. Если интенсивно продолжать эти разработки, ведущиеся в основном И. Н. Соломиным, то со временем анкетно-опросные методы могли бы стать достойным и даже необходимым дополнением к полевым методам. Кстати, анкетно-опросный учет никогда не отрицался в системе Главохоты. Наоборот, в «Перспективной программе учетных работ Госохотучета РСФСР» такой учет предусматривался как один из 6—9 направлений учетов в разных регионах страны.

Историю учетно-мониторинговых систем в России не часто описывают в охотничьей литературе, поэтому мне хотелось показать, насколько долгим и трудным был путь создания в России системы и даже двух систем мониторинга охотничьих ресурсов, какие крупные силы привлекались к этой работе. В пылу перестроек и реформирований очень легко разрушить что угодно. Создать и развить — гораздо сложнее! Хотелось также подчеркнуть, что для управления охотничьим хозяйством страны необходим мониторинг ресурсов, к чему стремились многие крупные деятели охотоведения и охотничьего хозяйства. Что нужна именно система (!), пронизанная сверху вниз организационной и методологической связью, централизованным методическим руководством.

В наше время всеобщей компьютеризации открыты широчайшие возможности для построения такой информационной системы: статистики, учета ресурсов, мониторинга не только ресурсов, но и всей охотхозяйственной деятельности. Есть все возможности создания единой базы данных по охотничьему хозяйству России. Речь идет не только об обязательном возрождении государственной статистики. Целесообразно создать крупный информационный центр, возможно на базе существующего ФГУ «Центрохотконтроль».

Тех показателей, которые были в форме «2-п-охота», недостаточно для ведения охотничьего хозяйства страны. Нужен также учет охотников и даже владельцев охотничьего оружия. Нужна постоянно обновляемая база данных по охотпользователям. Сейчас же никто не знает, сколько охотничьих хозяйств есть в России, какой формы

собственности, что они имеют, каковы их площадь, продуктивность угодий и т. д.

Наконец, Государственной службе учета нужно выходить на выполнение «Перспективной программы...» хотя бы через 25 лет после ее утверждения. Зимний маршрутный учет — метод хороший, но с его помощью учитываются далеко не все виды охотничьих животных. Чуть меньше половины видов, значащихся в форме ЗМУ, не очень хорошо учитываются этим методом. ЗМУ не охватывает все зимоспящие виды, горных копытных животных, водоплавающих птиц, болотную дичь и пр. Водоплавающие птицы, например, составляют около 70—80 % всей охотничьей продукции России, но фактически они почти не учитываются. Хотя «Центрохотконтроль» издал прекрасные определители водоплавающих птиц и куликов с цветными иллюстрациями, с определителем видов птиц по крыльям, которым может пользоваться каждый охотник. Дело за малым — за организацией. И, конечно, за штатом. Службу учета нужно значительно расширить, пополнять квалифицированными кадрами. Не будет нормального управления охотничьим хозяйством страны, если не будет хорошего мониторинга: статистики и регулярного учета численности.

Автора очень беспокоят все действия, связанные с разграничением полномочий между федеральными органами и субъектами Федерации. Все управление охотничьим хозяйством, в том числе учет животных, передано в ведение органов охотничьего хозяйства субъектов Российской Федерации. Хорошо это или плохо?

Материалы, подготовленные для Государственной экологической экспертизы лимитов добычи ценных охотничьих млекопитающих в 2005 и 2006 гг., очень ясно показали, что субъекты Федерации очень разные. В одних из них охотничье хозяйство ведется на вполне хорошем уровне, на их территории наблюдается достаточно высокая численность многих обитающих там видов животных, виден высокий темп роста численности. В других — все наоборот: вместо угодий — пустыня, вместо роста численности — падение.

По моей личной экспертной оценке, как руководителя упомянутых экспертиз, управление ресурсами охотничьих животных вполне можно доверить 15—20 % субъектов Федерации. Примерно такое же количество административных единиц не вызывает большого беспокойства. В остальных использование охотничьих ресурсов ведется с хищническими настроениями. Либо очень безграмотно, либо неумело, непрофессионально. Вот это-то и вызывает опасение: ослабление федерального контроля полностью опустошит угодья в таких субъектах.

Я не сторонник чрезмерной централизации управления и контроля. В принципе каждый охотпользователь

должен иметь право регулировать использование ресурсов животных в своих угодьях в рамках федеральных и региональных правил охоты. Направленности деятельности разных охотничьих хозяйств может быть различным: иностранный охотничий туризм; удовлетворение запросов обществ, коллективов охотников; промысловая охота; получение максимальной охотничьей продукции или максимальной прибыли от обслуживания и т. д. От ориентации хозяйства зависят и оптимальные сроки охоты, и способы охоты, разрешенные, разумеется, и учитывающие избирательность каждого способа по добыче той или иной возрастной или половой группы животных. Думается, большой беды не будет, если в каждом регионе будет свой подход к использованию ресурсов, да и в каждом хозяйстве — тоже. Пусть учатся на своих ошибках. Когда, как говорится, «жареный петух клонет», ресурсы исчезнут, охотпользователи и региональные деятели потянутся к изучению опыта более прогрессивных хозяйственников и управленцев. Для этого федеральному органу нужно заботиться об интенсивном обмене опытом, о подготовке кадров, о подъеме уровня образования, охотничьей культуры и охотоведческих знаний.

Все это касается использования ресурсов. Особо подчеркиваю, что использование ресурсов и их мониторинг — это не одно и то же. Для мониторинга, учета, статистики нужна централизованная система! Субъекты Федерации не смогут объективно оценить численность животных по данным, собраным только на территории субъекта. В центральном звене Госохотучета проводится научный анализ и контроль учетных данных. Для этого сопоставляются материалы учетов на значительно большей территории, чем один субъект. Для анализа и расчетов численности животных используются данные инвентаризации, районирования охотничьих угодий, ландшафтного анализа условий среды обитания и т. д. Это целая методология, крупное научное направление, освоить которое некому во многих субъектах Российской Федерации.

Таким образом, хозяйствовать можно по-своему, но разрушать систему мониторинга Госохотучета России крайне нежелательно. Пожалуйста, хозяйствуйте как хотите, но будьте любезны, давайте объективные статистические сведения, проводите добросовестные учеты по единым методикам и формам, разрабатываемым федеральным центром мониторинга. Это поможет и каждому региону, и каждому охотпользователю. Это позволит заблаговременно выявить неправильность ориентации хозяйства. Это поможет государственному контролю ведения хозяйства везде и всюду. В этом и заключается управление.

В майское утро

Уже цветет калужница, а тетеревиный ток на торфяных картах еще бурлит по утрам.

Над лесом приподнялось солнце. Ток словно закипел. Два тетерева сшибались друг с другом так, что клубком катались по земле, как мартовские коты в драке. Другие петухи тоже взбодрились.

Но все это происходило слишком далеко от скрад-ка.

Решил: или подманю тетеревов, или напугаю. Будь что будет. Стал что есть силы чуфыкать и шлепать себя руками по голенищам резиновых сапог, подра-

жая хлопанью тетеревиных крыльев.

И случилось чудо. Один из тетеревов, разогретый дракой, взлетел и, шипя крыльями, шлепнулся прямо возле скрадка. Откуда ни возьмись, перед ним оказался второй. Тоже не робкого десятка.

Вскоре почти весь ток играл вокруг скрадка, потому что сюда же прилетели тетерки.

Удалось поснимать косачей во всей их весенней красе.

Анатолий СЕВАСТЬЯНОВ
Фото автора

Наука о вальдшнепе

Фото А. Севастьянова

М. ПАВЛОВ, биолог-охотовед,
эксперт-кинолог Республиканской категории

В 2003 г. «Издательский Дом Вече» обогатил отечественное охотоведение публикацией прекрасной книги «Вальдшнеп и охота на него» известного журналиста и российского охотника-орнитолога Сергея Юрьевича Фокина в соавторстве с биологом-охотоведом Петром Анатольевичем Зверевым. Прочитав книгу, я узнал, что в пределах России при ежегодной добыче менее 200 тыс. вальдшнепов около 150 тыс. составляют трофеи при отстреле на весенней тяге и до 50 тыс. — при охоте осенью с подружейными собаками.

В добавление к этим сведениям не лишним, пожалуй, будет огласить и данные учета результатов моей личной охоты за 5 десятилетий. Охоты, состоявшейся с 50-х гг. прошлого века, поначалу в охотугодах Подмосковья, а затем большей частью в вятских лесах Кировской области. В означенный период мною было добыто 266 вальдшнепов, в том числе 145 — на тяге в годы разрешаемой десятидневной весенней охоты (попутно с 60-х гг. добыто 486 селезней, 19 гусей, 17 глухарей и 7 козачей), и 121 вальдшнеп — за 1070 выходов на охоту с подружейной собакой в летне-осеннем охотсезоне (попутно за то же время добыто 962 дупеля).

Небезынтересны и имеющиеся у меня данные анкетного опроса в охотсезон 1965 г. 105 охотников, проживавших в 11 наиболее обжитых районах Кировской области. Результаты такого опроса свидетельствовали о том, что в

тот сезон здесь был добыт 101 вальдшнеп, но 58 из них оказались в составе трофеев 12 охотников одного района (из 21 опрошенных) при максимальной добыче 17 вальдшнепов на одного охотника. В двух районах, где было опрошено 18 охотников, вальдшнепов в составе их трофеев вовсе не оказалось. Тогда как всеми опрошенными охотниками в этих 11 районах было добыто 646 рябчиков, 306 тетеревов, 140 глухарей, 578 зайцев-беляков и немало другой разной дичи. На фоне этих сведений в книге С. Фокина и П. Зверева потрясающими стали сообщения о добыче вальдшнепов в местах их зимовок: в частности, до 200 тыс. лишь на Украине и до полутора миллионов только во Франции, где, как и в Италии, при строгих формах регламентации добычи этого лесного кулика он издавна относится к самым популярным объектам охоты. Авторы упоминают и о том, что в последние годы, с развитием охотничьего туризма, десятки групп итальянских охотников со специально обученными собаками приезжают в район Причерноморья и Прикаспия в известные места пролета и зимовок российских вальдшнепов. Тут каждый тур охотников длится от 7 до 10 дней, позволяющий команде из 5—7 охотников добыть до 300 и более вальдшнепов. Организаторы же такого охотничьего туризма получают до 100 долларов США с одного охотника за суточную охоту (в Европе спрос на эту дичь велик, особенно перед Рождеством).

В книге «Вальдшнеп и охота на него» профессионально изложены научные сведения по биологии вальдшнепа. Для любого многоопытного охотника-легашатника, равно как и эксперта, определяющего полевые достоинства легавых собак, опубликованная уважаемыми авторами книга примечательна также и тем, что в ней уделено внимание и вопросу об обонянии птиц. Правда, в разделе «Загадка органов чувств» ясно написано: «Обоняние вальдшнепа не изучено», тогда как «известно, что у большинства птиц из всех органов чувств хуже всего развито обоняние». Приводится суждение французского охотника (тонкого наблюдателя), считающего, что «вальдшнеп прекрасно чувствует своих врагов — охотников, собак и диких хищников», в доказательство приводящего «множество фактов очень своевременного бегства вальдшнепов, вроде бы не объяснимых никакими другими причинами, кроме как запахом охотника» (стр. 17—18).

Так вот, вникая в такого рода суждения, я, в свою очередь, на основе многолетних охотничьих наблюдений склонен считать, что обоняние (чутье) птицам вовсе не свойственно. Оно отсутствует даже у птиц, питающихся падалью. Но, как бы взамен чутью, у многих видов птиц удивительно сильно развито зрение (орлы, вороны). Что это так, ведомо любому наблюдательному охотнику, предпочитающему охоту с подсадной уткой; как бы ни пахла подсадная, селезень и на ветерок не

подлетит и не подплывет к ней, если не услышит ее криканья и не увидит, где она сидит, его подзывая. Так уж, видно, устроен животный мир: многие звери, и особенно насекомые, наделены потрясающей силой чутья, тогда как рыбы и птицы лишены этого элемента. Поэтому в недавнее время удивлением стало, когда было установлено, что каждый член бобровой семьи со дня рождения имеет свой индивидуальный запах, позволяющий знать, кто в семье есть кто, а также то, что волки способны запоминать запах следов человека, преследовавшего их, и при причувании таких следов предпочитают уйти в другие укрытия.

В книге о вальдшнепе на тот же счет следует отметить и сообщение ее авторов об оригинальном устройстве его клюва, в кончике которого, как оказалось, находятся нервные клетки, улавливающие вибрацию почвы, сигнализирующую о нахождении там живых беспозвоночных, составляющих пищу этого кулика. Да и вообще, как отмечает далее, вальдшнепу свойственно обнаружение пищи способом «тремблинга».

Однако нельзя оставить вне внимания и такого рода высказывание: перо любой птицы, смазываемое ею выделениями, как известно, копчиковой железы, так сильно пахнет, что—де лишь поэтому легавая собака, приученная к поиску определенных видов пернатой дичи, причувывает их с дальнего расстояния. Я же следом должен сказать, что на сегодня это весьма и весьма не простой вопрос. И не простой уже потому, что неясными остаются причины таких известных явлений, когда после дальнего причувывания собакой того же вальдшнепа, как и дупеля, но затем намертво сбитых выстрелом, та же собака зачастую находит их лишь тогда, как только увидит. Или почему после подъема этих птиц с первого травянистого места собака в случае их затаивания в другом таком же месте нередко уже их и не находит? Да и почему же в покое, как правило, остаются наземно гнездящиеся птицы, когда они усаживаются на кладку для высиживания потомства?

К сожалению, суждений по данному поводу в рассматриваемой книге о вальдшнепе практически нет. И нет даже при том, что в разделе «Время охоты» ее авторы (стр. 237) пишут, что этот кулик после пробуждения «приводит в порядок оперение и начинает вновь искать пищу, ковыряясь в опавшей листве и, естественно, оставляя след». В разделе «Спасительное укрытие» (стр. 249) авторы сообщают, что при охоте со спаниелем после дождя необходимо «видя, что собака работает по свежему наброду...» забегать вперед. Ну а после этого (стр. 254) повествуют о том, что вальдшнеп, стремясь избавиться от преследования собаки, «...как заправский заяц, делает «скидку» со своего следа...».

Естественно, неизбежен и вопрос к

авторам: а каким же запаховым веществом наносит на почву свой след, создавая в результате даже ледовые наброды, эта некрупная птица? Правомочность этого вопроса в данном случае заключается в том, что научные сотрудники ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства установили, что, в отличие от зайца, на лапках дупеля, бекаса, так же как и тетерева, никаких пахучих желез нет. Нет у птиц и потовых желез — в жару они сидят или летают с открытым клювом. Невольно напрашивается вывод, что запаховым веществом у представителей пернатой дичи, способствующим охотничьим собакам находить места кормежек и сидок птиц, являются газовые выделения содержимого их желудочно-кишечного тракта. Эти выделения, весьма интенсивные у всех жирующих птиц, явно имеют видовые различия, определяемые разным составом потребляемой ими пищи. Вместе с тем, потребуются тогда еще и признать, что таких выделений может и не быть, если птицы, узрев преследование, в страхе затаиваются. Проявление этого явления признают и авторы книги, отметившие (стр. 255) этот своеобразный феномен, заключающийся в том, что—де «...некоторые птицы, в том числе и вальдшнеп, способны как бы удерживать свой запах и даже несколько изменить его, находясь в состоянии стресса».

Жирующая или сидящая птица как бы «прокуривает» место своего нахождения, если только не испускает свой запах только на ветер. Подтверждением тому может служить обстоятельство, хорошо известное опытным охотникам-легашатникам — то, что их собаки четко прослеживают тетеревиные наброды, но при этом нередко и спарывая их выводки.

Я был удивлен, когда однажды на испытаниях континентальных легавых, работающих по водоплавающей дичи, немецкие эксперты, специально приглашенные на испытания, продемонстрировали такой пример: к озеру с плесом и зарослями розога, в которых были устроены прокосы для последующих наблюдений, один из них поднес нелетную кряковую утку, содержащуюся в вольере. У уреза воды эксперт выщипал у утки несколько перьев возле анального отверстия. После этого он, тут же высадив утку, дал ей возможность улечь в розоговые заросли. Спустя пару минут подвел своего курцахаара, помог ему сначала обнюхать место с выщипанными перьями, после чего по команде пустил в поиск уплывшей утки. Испытуемая собака точно поплыла по тому запаховому «следу», который был результатом проплыва утки по розоговым зарослям. Из зарослей утка вскоре была выжата собакой на озерный плес. Когда участники испытаний подошли к озеру, спугнули более полусотни диких кряковых уток.

Хотелось бы призвать авторов книги о вальдшнепе к организации специальных научных исследований, включающих преднамеренные эксперименты, нацеленные на разрешение этого очень важного вопроса. Только результаты таких исследований позволят наконец экспертам объективно оценивать полевые достоинства легавых собак. Для разрешения такого рода задачи потребуются профессиональная, дорогая и очень, очень не простая работа. Однако в настоящее время она может быть осилена, если станет предпочтительной для членов известной научной группы специалистов по изучению вальдшнепа, успешно возглавляемой многоопытным орнитологом Сергеем Юрьевичем Фокиным.

Фото В. Животченко

Сергею Александровичу КОРЫТИНУ — 85 лет

Известному охотоведу, доктору биологических наук профессору Сергею Александровичу Корытину 17 апреля 2007 года исполнилось 85 лет. Он родился в семье артистов драматического театра. Прошел войну в составе Тихоокеанского военно-морского флота. Обучался на факультете охотоведения и звероводства Московского пушно-мехового института, был оставлен в аспирантуре у профессора П. А. Мантейфеля. А потом всю жизнь работал во ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства: многие годы руководил лабораторией экологии и этологии, ныне трудится в должности профессора-консультанта.

Научное творчество С. А. Корытина отличается новизной. Всю свою большую жизнь он шел нехоженными тропами. Сполна испил чашу трудностей «белой вороны». В аспирантуре удивил своего руководителя, предложив собственную тему исследования: изучение возможностей применения снотворных веществ для отлова диких животных и транспортировки их в состоянии пониженной активности. Шутники называли «снотворную тему» «смехотворной», и утверждение ее на ученом совете проходило с большими сложностями. Для проведения масштабных экспериментов Корытин организовал кружок студентов, в котором состояло около тридцати человек.

Несмотря на мрачные предсказания скептиков, работа увенчалась успехом. Был разработан новый метод: с помощью снотворных приманок поймали несколько десятков лисиц, енотовидных собак, волков, шакалов, росомех, зайцев-русаков и иных зверей, не считая множества ворон и сорок, а также других птиц. Проведившиеся исследования послужили толчком к подобным разработкам во всем мире. Особенно широкие поиски велись с использованием «летающих шприцев», начиненных снотворными и другими обезвреживающими веществами.

Затем С. А. Корытин погрузился в изучение другой научной целины: обоняния, возможности управления поведением зверей с помощью запахов, их роли в сигнализации и ориентации животных. Позже ею стали заниматься многие ученые. Одновременно С. А. Корытин шел к следующей проблеме. Известно, что охота — и промысловая, и любительская — основана на знании повадок зверей и птиц, особенностей их поведения. Поведение животных разных видов во время преследования собакой, человеком, при беспокойстве их в убежище, в норах, дуплах, на скоплениях корма, при опасности, ранении, пленении, освобождении. Реакция лисицы, волка и других зверей на различные орудия лова, приманки, лыжню, снегоход, выстрел, собаку, различные звуки, запахи и предметы — вот далеко не полный перечень этологических вопросов, интересующих охотника и оховеда. С. А. Корытин приступил к системному, последовательному изучению проблемы с использованием эксперимента, разрабо-

Сергей Александрович Корытин

танных им методик, обобщению и осмыслению бесчисленных фактов. В результате возникло новое научное направление охотэтология — поведение животных в связи с охотой и охотхозяйственной деятельностью. И Сергей Александрович является его основоположником.

В последнее десятилетие С. А. Корытин, параллельно основным исследованиям, занялся историей охотоведения в России. Родились два фундаментальных труда: «Звери и люди» (Корытин, 2002) и «Храм Дианы на Пехре» (Корытин, Игнатьев, 2006). Первый посвящен охотоведческой науке, а второй охотоведческому образованию.

С. А. Корытин обнаружил явление физико-химической экстраполяции у животных, связь обоняния хищных зверей с эволюцией видов, уровня изменчивости поведения животных с солнечной активностью и ряд других неизвестных феноменов. Предложил 7 новых исследователь-

ских методов. Вместе с учениками разработал ряд практических руководств и устройств: экспресс-метод оценки и тренировки обоняния, методика зимнего учета на замкнутом маршруте, рецептура нескольких приманок, устройство для самокольцевания животных, два прибора для определения расстояний, несколько конструкций ловушек и др. Восемь его разработок зарегистрированы в качестве изобретений.

Интерес к научному творчеству Сергея Александровича усилился. Только за 2006—2007 гг. пять его книг («Повадки диких зверей», «Поведение и обоняние хищных млекопитающих», «Животные — наркотики — человек», «Человек и медведь», «Приманки зверолова. Управление поведением зверей с помощью апелленгов») были переизданы различными московскими издательствами. В общей сложности он опубликовал более 350 работ, в том числе 13 книг, и лишь две из них написаны в соавторстве.

Под руководством Сергея Александровича Корытина защищено семь кандидатских и докторских диссертаций. Он впервые разработал и читал курс этологии студентам-оховедам Кировского сельскохозяйственного института. С. А. Корытин имеет 13 правительственных военных и трудовых наград, удостоен золотой и серебряной медалей ВДНХ и 10-ти различных знаков отличия. Он «Заслуженный работник охотничьего хозяйства России», почетный член Росохотрыболовсоюза. Имя С. А. Корытина занесено в Книгу почета ВНИИОЗ.

Громада свершенных полезных дел стала возможной благодаря увлечению наукой, огромному трудолюбию и целеустремленности, жесткой экономии времени. Сергей Александрович создал свою философию жизни, которая обеспечивает ему эффективность труда, благоденствие души и поддержание здоровья.

Главное для Сергея Александровича — это получение радостей. Во всем: в ра-

Аяно-Майский район Хабаровского края, 90-е годы

боте, в общении с людьми, в духовной жизни, в быту. Человек рожден, чтобы наслаждаться жизнью. Но не во вред себе и другим. Самую надежную радость дает интересное дело, размеренный системный труд, направленный на достижение одной или нескольких целей.

Природа и охота — неиссякаемый источник получения радостей. Это не только трофей, но и приключения, познание тайн и секретов диких животных, общение с красотой. А красота возвышает, облагораживает, умиротворяет и манит к себе. Красота — мощный источник наслаждения и стимул для совершенствования человека.

Необходимо осознать свои недостатки,

научиться руководить собою, уметь управлять своими мыслями. Важно полюбить дело. Любую работу, даже сначала неинтересную, стараться исполнять на самом высоком уровне, добиваясь максимального качества и красоты, применяя не только умение, но и фантазию, выдумку. Намечать плодотворные темы, запрограммироваться. А дальше тема постепенно обрастает мыслями, сама притягивает наблюдения. Работа идет автоматически и днем и ночью, во сне, на подсознательном уровне. Только успевая записывать. Имея долгосрочные планы-программы, организм человека вынужден настраиваться на их выполнение, а значит и на долготлетие. Надо радоваться

выглянувшему солнышку, вкусной каше, белоснежной сорочке, звонку приятеля и т. д., бояться дивана и телевизора.

Вся жизнь С. А. Коротина подтверждает верность своим взглядам. Несмотря на годы, Сергей Александрович не снижает интенсивности труда. Полон творческих планов, и можно надеяться, что он еще не единожды порадует нас новыми интересными книгами и разработками, приятным и вдохновляющим общением с ним. Пожелаем юбиляру здоровья и дальнейших успехов.

В. САФОНОВ,
член-корреспондент РАСХН,
главный научный сотрудник ВНИИ
охотничьего хозяйства и звероводства

Из опыта применения, Магнум 12/76

Посетители выставки «Охота и рыболовство на Руси» задавали много вопросов по снаряжению охотничьих дробовых патронов Магнум калибра 12/76. Анализируя состав охотничьего оружия отечественного и зарубежного производства, можно сделать вывод, что основная масса ружей выпускается калибра 12/76. Как конструктор охотничьих патронов, занимаясь различными экспериментами при отработке охотничьих боеприпасов, сравнивая полученные значения, могу сделать заключение, что дробовой патрон Магнум 12/76 с весом дроби 50—52 г превосходит по кучности на дальние дистанции дробовые патроны с весом дроби 32—36 г и патроны Полумагнум с весом дроби 40—42 г.

Проводимые опытные отстрелы патрона 12/76 с использованием баллистического ствола МЦ 16—12 с дульным сужением 0,5 мм (получок) и длиной ствола 750 мм на дистанцию 35 метров показали следующие результаты (см. таблицу), при этом скорость замерялась в 10 метрах от среза ствола, а кучность измерялась по стодольной мишени диаметром 750 мм.

Не буду вдаваться в математические расчеты и поясню: преимущество патрона Магнум 12/76 в том, что на одинаковую дистанцию стрельбы в сравнении с обычными патронами в мишени диаметром 750 мм будет всегда больше пробоин за счет большего количества дроби в снаряде.

Использование тяжелых патронов Магнум 12/76 требует специального оружия. Сразу скажу, что стрелять постоянно такими патронами из двустволок неприятно, лучше всего с отдачей справляются газоотводные полуавтоматы МР-153, Сайга-12, Браунинг-Голд, Беретта и др.

Есть мнение, что газоотвод снижает начальную скорость дроби (пули), считая, что это чепуха. Разгон снаряд получает на участке ствола до газоотводных отверстий. Поэтому скорость никак не может упасть. Кроме того, через газоотвод сбрасывается избыточное давление и, в конечном итоге, сни-

жается дульное давление. Как следствие, увеличивается кучность и равномерность дробовой осыпи, снижается отдача, меньше подбрасывает ствол. Проведенные сравнительные испытания из ружей МЦ21-12 и МР-153 показали, что при одинаковых патронах одной партии начальные скорости дроби одинаковы, а кучность у МР-153 значительно выше при одинаковом дульном сужении 1,0 мм, хотя длина ствола у МР-153 была 710 мм, а у МЦ21-12 750 мм.

При самостоятельном снаряжении патронов Магнум 12/76 с массой дроби 50—52 г нужно убедиться, что ружье рассчитано на такие патроны и имеет длину патронника 76 мм. Для снаряжения берется пластмассовая гильза 12 калибра длиной 76 мм, высота основания гильзы значения не имеет, это только внешний вид. Капсюля желательнее КВ-209, КВ-22 или их зарубежные аналоги. В качестве порохового заряда рекомендую порох «Сунар-42 магнум» или обычный «Сокол», навески в пределах 2,4—2,5 г. На порох установить пых-контейнер. Дробь берется № 4—0000 весом 50—52 г. Не рекомендуется использовать дробь мельче № 4, в этом нет смысла, а то получится из пушки по воробьям. Не беда, если пых-контейнер короткий и дробь находится выше лепестков, деформации подвержена в основном нижняя часть снаряда, а она защищена. Закатку патронов производят как методом «завальцовка», так и методом «звезда», при последней увеличивается кучность, если используется дробь № 4—1.

Имея 22 года охотничьего стажа, я испробовал различные виды охоты, но основные — это охота по перу осенью и весной, зимняя охота на зайца и лису. Любого охотника всегда волнует мысль взять дичь на пределе ружейного выстрела, с Магнумом 12/76 это возможно. В осенне-зимний сезон 2005—2006 г. у меня была возможность полностью испытать «магнумы» в деле. Охотясь поздней осенью на утиных перелетах в дельте реки Свияга, мой МР-153 давал возможность надежно сбивать одним выстрелом 1—2 крякашей или свиязей на дистанции 50—60 метров. Там же мне удалось сбить гуся-гуменника дробью № 00 на высоте, как мне показалось, более 80 метров.

Зимние охоты показали, что заяц-русак надежно поражен дробью № 0 на 70 метров, а лиса № 00 на 60 метров, при этом в цель попадало от 3 до 6 дробинок. Дульное сужение использовал 1,0 мм, большее только увеличивает деформацию крупной дроби и, как следствие, снижается кучность.

Не забывайте об охотничьей этике, вы на охоте, а не на боевых действиях. Берегите дичь, не стреляйте «очередями». Цените каждый выстрел, не плодите подранков, подранил — обязательно добери. Патрон Магнум необходим для стрельбы без подранков, чистый выстрел всегда удовольствие, цените это. Создаваемые новые виды оружия и патронов служат для совершенства ружейной охоты, а не для хищнических целей, помните это.

О. АНТОНОВ,
председатель охотобщества ПОЗИС,
конструктор охотничьих патронов

Порох	Масса пороха, г	№ дроби	Масса дроби, г	Сред. скорость, м/с	Макс. скорость, м/с	Разброс скорости, м/с	Макс. давление, Кгс/см ² -Мпа	Кучность, %
Сунар-42 (магнум)	2,5	00	50	352	354	4	763-77	69
Сокол (штатный)	2,5	00	50	353	358	8	696-71	68
Сунар-42 (магнум)	2,45	4	52	327	334	10	738-75	59

Тетерева с передатчиками

А. СИВКОВ, старший научный сотрудник заповедника «Пинежский»

Начиная с 1999 г. в заповеднике «Пинежский» совместно с норвежским сельскохозяйственным университетом ведется изучение экологии тетеревиных птиц. Цель исследования — выявление важных аспектов экологии, влияющих на успешность существования вида, путем проведения параллельных наблюдений в значительно удаленных друг от друга участках обитания (Норвегия и Архангельская область). Работа ведется с использованием современного метода полевых исследований — радиопеленгации.

Тетерев широко распространен на территории нашей страны, к тому же это птица оседлая и легко переносит соседство человека. Тетерев всегда являлся объектом пристального внимания и изучения, но тем не менее и в настоящее время остается много неясного в его экологии. Область оптимального распространения тетерева находится в лесостепной зоне. Поэтому в северных лесах неблагоприятные природные факторы проявляются особенно сильно и численность его подвержена годичным колебаниям. Понятно, что поведение птиц на территории заповедника, где нет ни одного населенного пункта, отличается от поселения птиц густонаселенных районов. Но итоги полевых наблюдений будут интересны широкому кругу охотоведов и охотников.

Метод радиомечения в настоящее время широко используется за рубежом, так как позволяет изучить те вопросы экологии зверей и птиц, которые обычными методами изучить невозможно. Главное его отличие от многих традиционных методов в том, что, проводя наблюдения, мы имеем дело не с абстрактными особями вида, а с вполне конкретным зверем или птицей. Например, во время наших работ после отлова и мечения тетерев возвращается на свой участок обитания. Но теперь за его перемещениями можно следить на расстоянии днем и ночью, зимой и летом до тех пор, пока птица жива или работает передатчик, который позволяет птицам вести себя самым естественным образом.

Тетеревов для радиомечения ловили во время весеннего токования специальными сетями, выставляемыми на территории тока. Каждую пойманную птицу взвешивали, обмеряли, кольцевали, а затем на шею укрепляли передатчик-маяк весом 20—22 г, который постоянно подает радиосигналы. Дистанция, с которой можно услышать сигналы маяка, около 2 км. Время работы зависит от модели радиопередатчика и составляет от 16 до 33 месяцев.

В мае 2004 г. за три ночи было поймано 23 тетерева, из них поместили

17 птиц (15 самцов и 2 самки). Остальные птицы были только окольцованы и отпущены. Одного из окольцованных самцов удалось отловить на следующий год. Весной 2005 г. пробный отлов начали в конце марта, основной провели в апреле, а закончили в мае, отловив 3 самок. Теперь уже на двух токах было отловлено 38 птиц и на 34 из них укрепили маяки. В начале периода все отловленные самцы имели небольшие брови. Поскольку отлов велся длительное время, удалось проследить, как за этот период менялось поведение птиц. Некоторые испытали легкий стресс, после которого сутки сидели в снегу и позволяли подойти человеку на расстояние вытянутой руки. Отловленные в середине мая бровастые забияки уже в сетях пытались клонуть руки и, возвращаясь на ток следующим утром, снова попадали в сети. В итоге работ из 24 самцов одного тока 12 были с передатчиками, которые им абсолютно не мешали и не пугали других тетеревов.

Не обошлось и без курьезных случаев во время отлова. Бывало, попавшийся самец активно бьется в сети и тем самым иногда вызывает нападение другого самца, который, в свою очередь, также попадет в сеть. Для того чтобы попавшаяся птица не пугалась, ей на голову надевали простой черный плотный носок, а уже потом выпутывали из сети. Тетеревов с носками на голове укладывали в небольшой мешок и переносили на место, где их обмеряли и навешивали им передатчики. Процесс этот длительный. Последней из 4—5 птиц приходится сидеть в мешке по 30—40 минут, а если утро с заморозком, от которого руки становятся непослушными, то и того дольше. За это время некоторым птицам удавалось совершить побег из мешка с носком на голове, а один тетерев даже попытался улететь. Со стороны было интересно смотреть, как взлетевшая птица сразу же садится, растопырив лапки, и выгибается неестественным образом, ожидая удара о землю. К счастью, в данном случае вместо земли был мягкий болотный мох. Беглеца быстро отловили и водворили обратно в мешок.

Отлов птиц и навешивание маяков — это подготовительный этап основной работы. В дальнейшем наблюдения за мечеными птицами велся следующим образом. Каждый передатчик-маяк подает радиосигналы определенной частоты, приемник настраивают на эту частоту и при помощи специальной антенны улавливают направление источника сигнала. Наблюдатель подходит к птице и поднимает ее «на крыло», чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Затем при помощи спутникового

навигатора фиксируют координаты точки обнаружения, кратко описывают станции пребывания, отмечают других особей, когда таковые оказываются рядом. Если от последней «встречи» прошло 2—4 дня, то птицу не поднимают, но фиксируют ее местонахождение. Работа велась ежемесячно круглый год, за исключением периодов сильных морозов (ниже -20°C), когда приемники не работают.

Анализируя полученные данные, выяснили следующее: самцы в течение

Тетерева готовы к выпуску

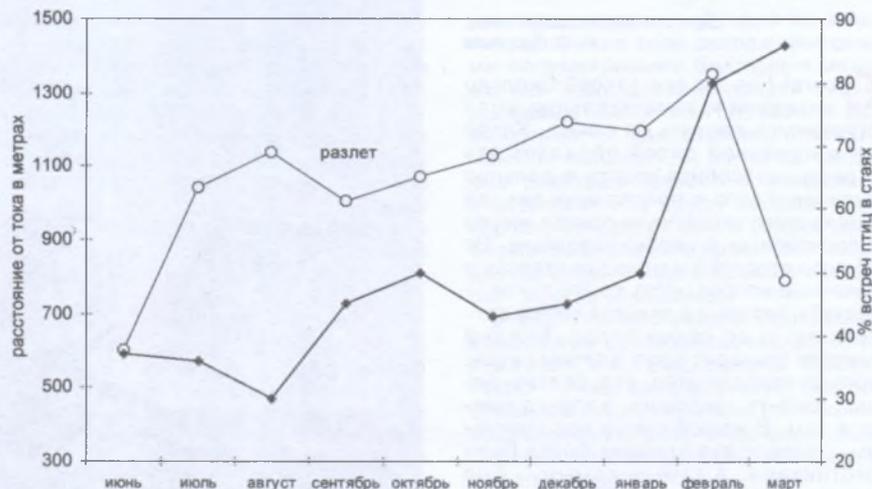
Матерый тетерев с радиопередатчиком

Отпускать меченых тетеревов следует со снега

всего года находились в основном на расстоянии 1000—1500 м от тока, при этом лишь отдельные особи улетали дальше 4 км (см. табл.). В течение лета величина разлета от тока постепенно увеличивалась, немного уменьшаясь в сентябре, а затем вновь увеличивалась и достигала максимума в феврале. В марте самцы подтягивались к токам и проводили там всю весну и начало лета. Стаи пребывания менялись в зависимости от сезона года. Лето тетерева проводили в березовых молодняках на старой гари, а в августе перемещались в ельники-черничники. С установлением достаточно высокого снегового покрова птицы находились в разреженных ельниках и березняках вокруг небольших болот. Поведение холостых самок, отловленных в 2004 г., было похоже на поведение самцов.

ИЗМЕНЕНИЕ ВЕЛИЧИНЫ РАЗЛЕТА И ПРОЦЕНТ ВСТРЕЧ В СТАЯХ ТЕТЕРЕВОВ ЗА ПЕРИОД С 2004 ПО 2005 гг.

Все три самки, пойманные в 2005 г., загнездились. Они устроили свои гнезда на расстоянии от 800 м до 3 км от тока. Затем с выводками все летние месяцы придерживались ельников по краям небольших болот. Две самки долгое время находились с выводками в радиусе 200—5000 м от своих гнезд. Третья за 1,5 недели прошла (с выводком из 8 птенцов) 3 км, но это по прямой, в дальнейшем ее суточные перемещения доходили до 500 м. В конце августа выводки окончательно распались, но самки продолжали оставаться в тех же местах, где были с выводками.

До работ по радиомечению тетеревов считалось, что зимой часть их из заповедника откочевывает на 15 км в долину р. Пинеги, так как встреч на территории начиная с декабря становилось намного меньше. Во время проведения исследований выяснилось, что зимой самцы находились в радиусе 1,5 км от тока и свыше 90% подъемов в дневное время происходило из снега. В сильные морозы тетерева покидают снег на час-полтора, чтобы набить зоб березовыми сережками и почками, а затем снова зарываются в снег. Поэтому видеть птиц можно только случайно, если наткнуться на стаю сидящих в снегу тетеревов, а поэтому и встречи птиц в прежние годы были редки.

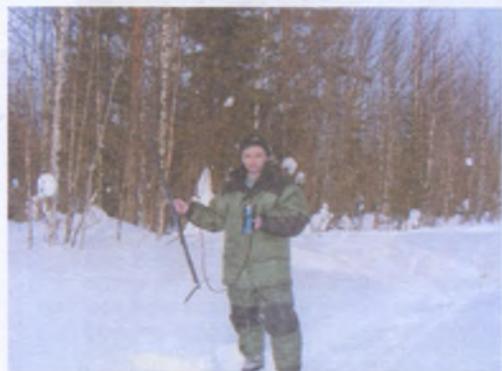
За весь период наблюдений 2004—2005 гг. достоверно установлена гибель 16 птиц от различных хищников. Два самца были добыты куницей, а остальные — ястребом-тетеревятником, причем ястреб нападал на тетеревов в течение всего года. Судьба нескольких птиц неизвестна, так как сигналы маяков перестали поступать, хотя срок их работы еще не истек. Обычно неповрежденный передатчик погибшей птицы продолжает работать, даже если длительное время находится в глубоком снегу, сырой подстилке или в воде (при условии, что кончик антенны будет находиться выше поверхности воды).

В настоящее время ведется полевая работа по сбору максимально возможного объема первичных наблюдений. В ближайший полевой сезон планируется детально изучить поведение самок с момента устройства гнезда и до времени полного распада выводка. Необходимо выяснить, насколько самцы и самки привязаны к своим токам, как меняется поведение птиц в период высокой и низкой численности. Следующим этапом будет обработка собранной информации, проведение сравнительного анализа экологии птиц в удаленных друг от друга участках обитания.

Тетерева-самцы — птицы компанейские. Встречи в стаях составили около 45% в осенний период и 80% в конце

ДИСТАНЦИЯ РАЗЛЕТА ТЕТЕРЕВОВ-САМЦОВ ОТ ТОКА В ПЕРИОД С МАЯ 2004 ПО ИЮЛЬ 2005 г.

Месяц	Количество (подъемов)	Расстояние, среднее	Расстояние, минимум	Расстояние, максимум	% в стаях
июнь	49	603	190	3040	37
июль	41	1046	200	4700	36
август	14	1139	420	2400	30
сентябрь	11	1006	430	1320	45
октябрь	8	1074	390	2560	50
ноябрь	7	1131	770	2460	43
декабрь	9	1221	520	2940	45
январь	6	1199	240	2300	50
февраль	10	1356	1230	1590	80
март	14	792	400	1420	86

Радиослежение за мечеными тетеревами

Самки с носками на головах ведут себя более спокойно, чем петухи

Тетерев с радиопередатчиком покидает места отлова

Одни охотники поймут меня.
И. С. Тургенев

Охота! Что же это такое? Сколько пытливых и замечательных умов стремились постичь ее смысл. Какой же магической силой обладает эта страсть, способная увести в дальние дали молодого и преклонных лет, да еще хворого человека на поиски встреч с прекрасным и необыкновенным. Не обошли стороной и меня эта страсть и извечный вопрос: «Что же это такое — охота?», который я задавал себе с детских лет и до седых волос. Каждый охотник приходит в охоту своим путем: кого-то привели отец, дед, братья, дядя, кого-то товарищи, а кто-то пришел сам. В нашей семье все мужчины — отец и два старших брата были охотниками. А самым-самым... был дед по отцу Степан. Об охоте он знал все. И хотя был стар и немощен, но оставался моим наставником в охотах на уток, тетеревов и лис зимой на засидках у привады вплоть до моего шестнадцатилетия. Выходит, что охота заложена во мне на генном уровне.

Виктор Федорович Гуров

С охотой об руку по жизни

Отец держал гончую и борзую «Догоняй». Он был убежденным собачником, а братья баловались еще охотой и с ружьями. Война все расколола надвое — «до и после». Отец ушел на фронт. Братья продолжали травить зайцев, и это как-то помогало с едой, пока гончую не сняли волки. Потом старший брат ушел на войну. Борзая без дела зачахла и пропала. Отец вернулся калек и охотой больше не занимался, а братья разъехались по белу свету в поисках своего счастья.

Жили голодно. Особенно летом. В сенокосную пору дед Степан практиковал охоту на коростелей способом «выжидания». Он копал ямку и, опустив в нее ноги, сидел на земле, понатыкав перед собой кустики. От ямки по просьбе деда отец или мужики делали верные прокусы. В те времена в наших оренбургских степях коростелей было много. И они, бегая по лугу в поисках корма, выбегали на прокусы и попадали под выстрелы деда. Иногда он посылал нас, 9—11-летних пацанов, побегать по лугу и погонять птиц. Нам дедовский пассивный способ охоты не особо нравился. Хотелось самим пострелять, но дед не позволял брать ружье по причине нашей физической малосильности. Он научил нас охотиться с 20-метровым обрезком мелкочаистой сети.

Заслышав голос коростеля, мы с другом Сашкой Безруковым быстро полукругом обметывали предполагаемое место нахождения птицы и резво зигзагами прочесывали участок, зорко наблюдая за сетью. Как только заме-

чали дергание сети, бесстрашно бросались голыми животами на птицу, давая ее или скручивая ей голову. Конечно, с высоты сегодняшнего «гуманного» времени наш способ смотрится варварским. Но в те голодные годы 15—20 добытых дедом Степаном и нами птиц были весомой добавкой в полевой кулеш.

Отец, видя мою неумную страсть к охоте, отдал мне в безраздельное владение берданку 28 калибра, с которой я с 12 лет самостоятельно бегал по нашим степям и лазал по берегам Большого Кинеля. С тех далеких времен и на всю оставшуюся жизнь охота овладела моей душой.

Меня частенько брал с собой товарищ отца по бывлым охотам, однорукий объездчик дядя Костя Митянин. Когда он утром заезжал за мною, я уже догадывался: дядя Коля вечером «употребил» и ему в пути нужен внимательный слушатель. Мать не одобряла нашу дружбу, отпуская меня, ворчала: «Связался черт с младенцем». Но для меня не было большего счастья, чем езда с ним по степи в поисках дудаков (дроф). Я стоял на дрожках за спиной у дяди Кости, вертя головой по сторонам, слушая его вполуха о прошлых охотах, о том, что сегодня дичи поубавилось и дельных охотников нету. Кого фрицы поубивали, кого покалечили. Он показывал на пустой рукав и с горечью заканчивал: «И-и-их, жисть!»

Я всегда первым замечал дудаков и сдавленно выдыхал дяде Косте в затылок: «Вон они!» И ящерницей соскальзывал с дрожек, вжимался в ковыльную

землю, разогретую солнцем, и ждал, когда дядя Костя объедет дроф и «стронет» их на меня. Ерзая голыми пятками по колючкам, я страстно молил: «Боженька, миленький, пошли их на меня, ну чего тебе стоит».

Господи! Как все это было давно. А услужливая память продолжает подсовывать картинки прошлых лет, подернутые романтической дымкой детских охот, которые своей просветленной радостью и сегодня заставляют трепетно биться сердце. Закрыв глаза, воочию вижу себя восседающим за спиной у дяди Кости, держащего на коленях дрофу, пахнущую вольной степью, гордо поглядывающего по сторонам и всем своим видом говорящего: «Смотрите, какой я охотник!» Да, это была охота.

Как все мальчишки моего возраста, я начал покуривать. Верхом тогдашнего шика было иметь блестящий портсигар с тремя богатырями на крышке. Меня пытались отучить от курения. Бесплезно. А дед отучил в одну ночь — с неудавшейся охоты на лису. Я все сделал, как он учил. Но лиса обошла вокруг копейки, где я сидел, и ушла. Дед бумкнул в стороне и с лисой пришел ко мне. Я ему рассказал о хитрой кумушке. Он, не дослушав меня, сразу назвал причину: «Курил по дороге? От тебя и сейчас разит табачищем». И закончил: «Бросай это дело, если хочешь быть фартовым». Увлечение охотой уберегло и от других пагубных привычек, особенно от алкоголя, к которому я всю жизнь оставался равнодушным.

Взрослые, видя, как я увлеченно во-

жусь с ружьем и патронами, не раз предупреждали: «Помни, ружье один раз в году само стреляет». Но я себя считал уже большим, и эти слова не «застреливали» в моих ушах — до тех пор, пока «не пролил людскую кровь». Готовясь на тетеревиный ток, снарядил три патрона и решил проверить, как они бьют. Какая в деревне выбирается цель для испытаний? Правильно. Дверь бани. После выстрела из бани донесся истошный вопль: «Убили-и!» Дверь настежь, и из бани выскочил блаженный Петюня с капелькой крови на щеке. Дробинка, попав в щель между досками, поразила его спящего. Он бродил по окрестным станицам. Сердобольные казаки его подкармливали и одевали. Ночевал где придется, чаще в протопленных банях, благо их никогда не запирали. Я до осени был отлучен от ружья, а в станице меня ехидно называли «охотничек». С этого происшествия на всю жизнь усвоил правило — соблюдай меры безопасности в обращении с оружием.

В 6—7 классах я много читал об охотах и охотниках, и меня все сильнее захватывала эта страсть. Бродя с ружьем, я часто представлял себя в походах Арсеньева с его верным Дерсу или с Тургеневым и его Ермолаем на пруду из рассказа «Льгов». В 14 лет я уже знал всех зверей и птиц своих степей, их повадки и места, где их можно найти, метко стрелял и охотился наравне со взрослыми. Но спроси меня тогда кто-нибудь, что такое охота, я бы не сумел ответить.

Наступил 1954 год — год подъема целины. Что тогда началось! Понаехало народу. Даже из Москвы! Понагнали множество тракторов и машин. И загудела наша степь! Начали пугами рвать ее грудь. Трактора и машины сновали по степи без дорог. У многих целинников были ружья. Шоферы и трактористы стреляли дроф, стрепетов, кроншнепов, тетеревов и зайцев прямо из кабин. Я в смятынине все спрашивал отца и дядю Костю: «Как они могут, что они могут!? Ведь еще Петров день на наступил!» А они считали, что это и есть охота. Вещими оказались слова С. Т. Аксакова. Как будто предвидя грядущие перемены, он писал в «Семейной хронике» про Оренбургскую губернию:

*Чудесный край, благословенный,
Хранилище земных богатств,
Не вечно будешь ты, забвенный,
Служить для пастырей и паств!
И люди набегут толпами,
Твое приволье полюбя,
И не узнаешь ты себя
Под их нечистыми руками!
Помнут луга, порубят лес,
Взмутят в водах лазурь небес!
И в глубь лесов, и в даль степей
Разгонят дорогих зверей!*

Я чувствовал себя, как некрасовская Саша. И никак не мог понять, зачем стране нужен «большой хлеб», если даже тот, который выращивали мои земляки, не всегда успевали вовремя убрать. Я с болью в душе и щемящим

чувством любви к своей малой родине смотрел на преобразившуюся степь. Глаза то и дело спотыкались о проплешины убранных полей и зияющую чернотой зябь, уходящую за горизонт. И как радостно толкалось в груди сердце, когда взор набегал на островок девственной степи, где под порывами ветра волнами ходил седой ковыль. Глядя на эти седые волны, я представлял себя на капитанском мостике боевого корабля. Дитя войны. О другой профессии, кроме защитника Отечества, и не мечтал. Учился хорошо, надеясь реализовать свою мечту — быть военным моряком.

В нашей станице была только школа-семилетка. И я отправился в самостоятельное «плавание» по жизни. Уехал к старшему брату Валентину в г. Энгельс Саратовской области. Там пошел работать на лесозавод и продолжил учебу в ШРМ (школа рабочей молодежи). Брат свел меня с охотниками своего возраста. Они меня зауважали: за внимательное отношение к ним (многие из них были фронтовиками), за мою силу, выносливость и меткую стрельбу. У меня хватало сил на работу, учебу и встречи с девушками. Правда, меня больше влекли заволжские дали с озерами, камышами и утками.

Средний брат Владимир, закончив службу, остался жить в г. Кингисепе Ленинградской области. К нему переехали родители с младшей сестрой Ниной. Мать звала к себе. Я рассудил так: Ленинград — колыбель российского флота, раз так, значит, там мне будет легче реализовать свою мечту. И вот я в Кингисепе. Снова работаю и учусь в вечерней школе. Сошелся с местными охотниками. А дичь здесь была-а: гуси, утки, глухари, тетерева, куропатки, рябчики и вальдшнепы. Я, стелняк, быстро освоился в ленинградских лесах. Моих товарищей удивляло, как я легко устраивал быт в лесу. Кроме хлеба, соли, маргарина, котелка с кружкой и спичек, ничего не носил. Еда — в лесу и на озере. Я без труда ориентировался в лесу и почти всегда выходил к тому месту, откуда вошел в него. Эти навыки в дальнейшей жизни не раз меня выручали.

После окончания школы решил поступать в 1-е Балтийское высшее подводное училище. Но медицинская комиссия забраковала. От постигшей неудачи сходу сдал экзамены в 1-й (опять первый. Нигде и никогда не хотел быть последним) медицинский институт им. Павлова. Прозанимавшись два месяца, быстро понял: не мое. В 1956 г. был призван в армию. Служил в ГСВГ (Группа советских войск в Германии). После окончания учебки стал командиром танка ПТ-76. На тактических занятиях меня удивляло обилие зайцев. Они были такие ленивые, что подпускали на 3—4 м. Разве их сравнишь с нашими шустряками? Я посчитал такое «отношение» зайцев как неуважительное к

русскому охотнику. В одно из занятий, вооружив свой экипаж анкерными полуметровыми болтами и метая их, как наши далекие предки палки, мы похода наколотили 7(!) зайцев. Командир роты, сам охотник, похвалил меня за смекалку. А когда мы дырявым танковым брезентом «нацедили» в заброшенном пруду здоровенных карпов, авторитет мой в глазах офицеров-охотников вырос. Они меня иногда брали с собой на охоту на зайцев, косуль и кабанов.

В 1957 г. я поступил в Московское командное общевойсковое военное училище им. Верховного Совета РСФСР. Учеба давалась легко. Был постоянным участником всех стрелковых соревнований вплоть до окружных. Стрелял из снайперской винтовки и имел 1-й разряд.

В 1959 г. женился. Своей будущей жене сказал, что парень я хороший. Не пью, не курю. Есть только один «недостаток» — я охотник. Она по незнанию этому «недостатку» не придавала значения. И когда моя Мария пыталась возражать по поводу очередной охоты, я ей говорил: «А помнишь? Я тебя предупреждал...» Оба, довольные приятным воспоминанием, смеялись. И так всю жизнь шагали и шагали об руку с моей охотой.

После окончания училища проходил службу в Ленинградском военном округе командиром взвода. Вот тут все, что дала мне охота, проявилось сполна. В те послевоенные годы огневой и тактической подготовке уделялось самое пристальное внимание. Зимой систематически по неделям выходили в зимние лагеря. В чистое поле. Ни казарм, ни кухни. Все сами. В первый же выход я со своим взводом из нарезанных снежных «кирпичей» построил жилище, обложив его внутри еловым лапником, из него же устроили постель, сделали печурку из подручных материалов, обогрели его жилье и готовили на ней пищу. Однажды с проверкой приехал командир полка и, зайдя в нашу «землянку», удивился теплу, свету и приятному запаху свежатины. Поинтересовался: что варим? Когда узнал, что в кашу добавлены тушки белок, спросил, как добыли. Пришлось признаться, что настрелял белок из малокалиберной винтовки. Думал, что меня накажут за использование винтовки не по назначению. Но на совещании командир полка поставил меня в пример и объявил первую в лейтенантской службе благодарностью.

Охота мне помогала легко переносить тяготы и лишения воинской службы. Я сам и мои воины лучше всех стреляли, действовали на «поле боя», бегали кроссы, и за успехи в боевой и политической подготовке я был представлен к ордену Красной Звезды. Кочевая жизнь армейского офицера способствовала познанию животного мира в разных уголках нашей необъятной Родины. Меня, старшего лейтенанта, ко-

мандира роты, отпустили учиться в Академию им. М. В. Фрунзе. И здесь я не оставил любимого увлечения. Организовал на курсе охотничий коллектив, ездили на охоту на лося, кабана и зайцев. Весной охотились на уток и вальдшнепа. Организовывал и проводил соревнования по стендовой стрельбе. В академии я серьезно увлекся стендовой стрельбой и в 1968 г. выполнил норму мастера спорта СССР.

После окончания академии проходил службу в Киевском военном округе на должностях командира батальона, заместителя командира полка и командира мотострелкового полка. Времени на охоту оставалось все меньше и меньше, тем дороже были дни, когда удавалось вырваться на охоту. Зажатый требованиями уставов и приказами воинских начальников, там я обрел долгожданную свободу. Свободу не того, «что хочу, то и ворочу», а свободу духа — остаться наедине с самим собой, насладиться пением птиц, журчанием воды за кормой лодки, отдохнуть у охотничьего костра с традиционным чайником над ним, ощущением единения с миром природы. Нет, я не ханжа. И мои слова не следует понимать, что я этаким влюбленный в природу и все живое созерцатель и мечтатель. Меткий выстрел для меня — награда за трепетное ожидание, за стоическое терпение в преодолении трудностей на пути к заветному трофею. И как ликовала душа, сколько радостных чувств поднималось из ее глубин, когда удавалось метким выстрелом оборвать стремительный полет цирка или быстрый бег зайца.

В семье подросток сын, и я его стал приобщать к охоте и стендовой стрельбе. Учить, как когда-то учили меня. Я доволен, что мне это удалось. Он дельный охотник. Прилично стреляет на стенде, где не единожды занимал призовые места.

Проходя службу на военной кафедре Украинской сельхозакадемии, задумался над тем, что я всю жизнь беру у природы зверей и птиц. А не пора ли тебе, Виктор Федорович, попытаться кое-что вернуть матушке природе? Задумано. Сделано. Я прослушал курс лекций на лексфаке по охотоведению и после окончания службы устроился работать охотоведом.

Не один год с добровольными помощниками с разрешения властей г. Киева у моста «Метро» производил отлов в марте месяце зимующих крякв. Птицам подрезали крылья и выпускали в ближайшее охотхозяйство. На открытие охоты в хозяйстве заметно больше стало уток. Заготавливали венники, зарабатывали в колхозах кукурузу, свеклу, зерноотходы, и все это добро шло на подкормку животных зимой. Если требовались живые деньги моим подшефным хозяйствам, то везли венники и свежескошенную траву в Киевский зоопарк. Работа оказалась интересной. Я испытывал глубокое удовлетворение от своего труда, когда видел

богатые трофеи утятников, счастливые лица охотников, взявших косулю, кабана или лося из «урожая» с охотничьего поля, в возделывании которого я и принял участие.

Парад суверенитетов вынудил вернуться в Россию. Сын учился и работал в МВТУ им. Баумана. На Украине родных не было. А здесь все было знакомое и родное. Активно включился в стендовую стрельбу. Неоднократно занимал первые места на первенстве совета ВОО Московского военного округа и Московского округа ПВО. Стал регулярно выезжать в знакомые охотхозяйства. Появились новые знакомые, товарищи и даже друзья.

Бывая на охоте, с интересом присматривался к людям, пытаюсь постичь, что же такое охота и кто мы, современные охотники. В наш стремительный век все быстро меняется. Меняется природа и — к сожалению, не в лучшую сторону — наше отношение к ней. Это особенно ярко проявляется в открытии летне-осенней охоты. Тихое августовское утро мягко переходит в погожий день. Но красота исчезает, когда видишь, как перепуганные утки носятся в разных направлениях и обстреливаются на любой высоте, куда «дробь не пролетит и половинки». И вдруг на всю округу: «Вась, а Вась! Гляди, попал!» Больно видеть, как из стаи

Раненая птица в камыши валится,

Раненая птица стреляна в крыло.

Так и хочется крикнуть:

Эй! Охотник! Эдак не годится.

Сотворил ты с птицею черное ведь зло.

Но разве докричишься до темной души, упакованной в новенький камуфляж и перетянутой дорогим патронташем, набитым заграничными патронами. Немного успокоившись, пытаешься оправдать этого горе-охотника: «Да он не прочел ни одной хорошей книги об охоте, с ним рядом не было такого отца, как мой, и дяди Кости Митянина. Он искренне верит, что это и есть охота. А как было бы здорово, — если бы отец, вручая сыну ружье и благословляя его на занятие охотой, напутствовал такими словами: «Дарю тебе я страсть свою охотничью, и будь с ней в радости, и будь в беде. Жизнь, в которой присутствует охота, благословенна».

Ведя разговор об охоте, не могу обойти значения в ней такого животного, как собака. Я держал английского сеттера, ягдтерьера, и сегодня мою душу согревает и радует на охоте английский спрингер-спаниель Рада. Охота без собаки, на мой взгляд, многое теряет. В памяти воскресает одна из охот сезона 2006 г. Луг, кочки с осокой, мочажинки с ржавой водой и скачущая впереди Рада, а за нею, обливаясь потом, пробираюсь я:

*Две трепетных души, две половинки
Слились в одну под именем любовь...*

к охоте.

А когда трофеем оказывался мастерски сработанный бекасик, радости нашей не было предела. Прав был тонкий знаток правильной охоты С. Т. Аксаков:

«Кажется, что можно найти привлекательного в этой охоте! Но именно в том и состоит тайна всех охот, что их нельзя объяснить и определить».

Сколько благородных душ коснулась охота своим божественным крылом? Увлелка и повела по просторам нашего отечества, открывая такие дали, такие богатства, какие не знаю, есть ли еще где на белом свете. Наполняет сердце истинного охотника ощущением необыкновенного душевного подъема, чувством гордости, что он русский человек, что у него есть прекрасная Родина — Россия.

Ах, охота, охота! Что же ты делаешь с влюбленными в тебя? Какими трудностями их испытываешь на верность тебе, как долго порой заставляешь ждать миг удачи и как преображаешь восприятие мира, одарив долгожданным трофеем. Хотя минуту назад дождевые капли, пробиравшиеся за воротник, или колючий снег, таявший в рукавах, заставляли думать: а не лучше ли было бы остаться дома?

Что же заставляет охотника отправляться за сотни километров, преодолевать различные тяготы? Неужели добыча? Но ведь зачастую его трофеем может быть одна-две пенькастые утки и целый зайчишка. Иногда он и вовсе возвращается пустым. А во что ему обошелся этот выезд?

Охоте какова цена?

С ответом не спешите.

И чем измерена она — по-здоровому решите.

Нет, не добыча движет охотником. Страсть, свобода, желание стать самим собою, общение с природой, ее обитателями и возможность наслаждаться чувством прекрасного, прикоснуться к таинству вечного. И имя это — Охота.

«Человек с ружьем» - еще не ОХОТНИК

Г. КИЗИЛОВ, биолог-охотовед

Так уж повелось, что охота была жизненной необходимостью человека на протяжении многих тысяч лет. Ведь до появления земледелия и животноводства, когда человек смог получить все необходимое для жизни (пищу, одежду) от результатов своего труда на земле, он был вынужден выживать за счет собирательства и охоты.

Охота. Она уже (за очень редким исключением) давно не является способом добывания средств к существованию. Она превратилась в дань традиции с сохранением элементов национальных культур, в средство релаксации. После интенсивных психологических нагрузок, испытываемых человеком от жизни в плотном окружении себе подобных, хочется уединиться. Вот тут и выходят на первый план древнейшие занятия: сбор грибов и ягод, рыбалка и охота.

Каждый выбирает то, что ему ближе по духу. Что движет человеком, выбравшим охоту? Кого-то приводит в охоту отцы, старшие братья, другие родственники, соседи. Этот традиционный путь, наверное, самый легкий и самый удачный. Кто-то приходит в охоту сам. Не имея среди близких людей охотников, он сам ищет таких же увлеченных, входит с ними в более близкое общение. Так возникают охотничьи компании. Есть еще один путь, особенно часто встречающийся в последнее время. Это мода. Охотником нынче быть модно, то есть «круто». Во-первых: охота связана с оружием, а оружие — это «круто». Во-вторых: охота — это, как правило, мужское занятие. А мужская компания, да еще с оружием, — это уже «очень круто». В-третьих: охота связана с выездом на природу, то есть с техникой. А мужская компания с оружием, да еще на «крутых» машинах, — это уже «круче крутого».

Вот здесь возникает самый важный момент: какое отношение имеет эта вооруженная команда к охоте? Вполне возможно, что в основе этой команды здоровое охотничье ядро: один или несколько человек, имеющих представление об охоте, соблюдающих охотничьи законы и традиции. Если этого нет, если эти люди «не делают погоду» в данной компании; то горе и такой компании, горе и людям, им повстречавшимся, горе от них и природе. По моей собственной классификации это — самая низкая (в профессиональном смысле) категория охотников — «человек с ружьем». Это не их вина, это их беда. Сегодня, чтобы стать «человеком с ружьем», нет необходимости вступать в общество охотников. Для этого достаточно просто получить охотничий билет у районного охотоведа и приобрести ружье. Нет необходимости заручаться двумя рекомендациями членов общества охотников, как нет и необходимости писать заявление в первичный коллектив, быть принятым

в него на общем собрании, нести ответственность за свои поступки в охотничьих угодьях перед рекомендовавшими тебя охотниками и перед всем охотничьим сообществом (коллективом). Здесь нарушается главное условие в охоте — преемственность, традиция. Кому не знакома картина, когда за взрослым охотником идет его сын, или внук, или соседский парнишка? Для меня это самая отрадная картина. Так с пяти примерно лет начинал со своим отцом ходить на охоту я сам. Мне повезло — мой отец был охотником. Так начинается приучение будущего охотника к лесу, к ориентированию на местности, к обращению с оружием и огнем в лесу. Для зрелого охотника это просто внутренняя потребность — передать свои знания и опыт новичку. Так мастер передает свои навыки ученику. Это своеобразный мастер-класс. И прошедшему такой мастер-класс невозможно оставить в лесу не затушенный до конца костер, отстрелять тетерку с выводком «неспелых» тетеревят или с лабаза медведицу с медвежатами. С каждым походом в лес в душу входит уважение к природе, к зверью и птице, а самое главное — уважение к себе (если, конечно, есть за что себя уважать). Ружье на плече еще не означает, что ты можешь палить во все живое только потому, что оно попало тебе на глаза. Будет ли человек в здравом рассудке косить косой ботву цветущего картофеля? Возникает вопрос: а зачем? И ответ: он же не получит урожая. А будет ли охотник по дороге на ток стрелять рябчиков и зайцев? Зачем? Он же не получит урожая осенью. Если он охотник, то не будет. Если он «человек с ружьем», то ему урожай осенью не нужен. Ему нужна «дичь» сегодня и сейчас.

Этот вопрос не так уж безобиден для всего нашего охотничьего сообщества, ведь на виду зачастую именно они — «человеки с ружьями». И по ним судят о нас, охотниках. Ведь там, где идет беспорядочная пальба по бутылкам, нормальному охотнику не место. Но окружающие этого не знают и считают, что это и есть самые настоящие представители племени охотников.

В данной ситуации проще организовать пару соревнований по стендовой стрельбе перед открытием охоты и дать возможность охотникам вдоволь настреляться. В районе этот вопрос решить довольно просто: пара металлических машинок, тарелочки и открытое место вдали от населенных пунктов. Следующий этап превращения «человека с ружьем» в охотника — это выставка собак. На ней он наслушается много интересного и о породах собак, об их применении, о результативности таких охот. Не забывайте, что охотник с собакой — это уже другая ступень охотничьего мастерства. Так постепенно, шаг за шагом, из «человека с ружь-

ем» может получиться охотник-любитель. Это уже вторая, более серьезная и более почетная ступень.

А дальше, если повезет, если в нем есть интерес к познанию нового, то будут следующие шаги: первый — это чтение охотничьей литературы, в том числе журнала «Охота и охотничье хозяйство», подписка на него. Потом пойдет изучение способов стрельбы и снаряжения патронов, стремление к постоянному общению с себе подобными. И, наконец, если охота станет «пуще неволи», если вместо хоккея или футбола вы стремитесь в лес, если все ваши мысли замыкаются на оружии и снаряжении, на собаках и планах охотничьих экспедиций, пусть даже в соседний район или область, — поздравляю: вы «повернуты» на охоте. Вы — Охотник. Кстати, это далеко не самая худшая категория людей. В наших рядах Лев Толстой, Иван Тургенев, многие писатели, артисты, деятели культуры и науки, полководцы и просто много на первый взгляд обычных, но по сути своей замечательных людей, замечательных уже своим отношением к природе, да и к окружающим их людям тоже.

Когда-то, студентом, в туристическом походе в начале мая я попал в места, где, по моим понятиям, должна была проходить тяга вальдшнепа. Основной состав группы — студентки педагогического института. Я предложил посмотреть на тягу вальдшнепов желающим, но сказал, что больше двух человек не возьму, чтобы не было слишком шумно. Мы отошли от лагеря не более чем на 300—400 м. Вечер был чудный: теплый и тихий. Сразу вспомнилась «Анна Снегина» С. Есенина: «Был вечер задумчиво-чудный, как дружба улыбка в лице». И вот первое «хорканье». Вальдшнеп летит прямо на нас. И тут началось. За зорьку мы увидели и услышали более десятка птиц. В абсолютной темноте вернулись в лагерь к костру. Сели ужинать. Мои спутницы были молчаливы, а их подруги, наоборот, шумны и возбуждены. Они просили поделить себя увиденным. И тогда одна из ходивших на тягу сказала: «Это надо видеть». Она благодарила меня и еще добавила: «Представляете, мы могли прожить всю жизнь и даже не подозревать, что рядом с нами существует такая красота».

Я обращаюсь к вам, друзья ОХОТНИКИ, с просьбой. Если в своем окружении вы видите взрослого мужчину, страдающего от внутренней неустраивенности, или подростка, мающегося бездельем, предложите им свою компанию в выход на охоту. Лучше, если это будет весной на тетеревином или глухаринном току или на вальдшнепий тяге. Возможно, вам повезет и вы зароните искру охотничьей страсти еще в одну душу. А это значит, что в нашем «полку» прибыло.

Моя Синяя птица

М. КАЛИНИН. Фото А. Савченко

В послевоенные годы подавляющее большинство студентов-охотников Ленинградской Лесотехнической Академии (ЛТА) заболели птичьей болезнью — «глухариной лихорадкой». Этому способствовали многие обстоятельства: собственный учебно-опытный Лисинский лесхоз (часть бывшей царской Гатчинской охоты) с сохранившимися еще царскими глухариными токами; неременная обязанность членов студенческого кружка научного охотоведения — участвовать в послевоенной проверке и инвентаризации токов; превосходные лекции охотоведов — сначала профессора Г. Г. Допельмаира, позже Пospelова и В. И. Дементьева, страстного глухарятника А. А. Ливеровского, и, наконец, обилие самих глухарей в лисинских лесах. Я, как председатель кружка научного охотоведения, принимал самое активное участие во всех этих делах. Очень скоро простое выполнение учебных и научных заданий переросло в нечто большее и превратилось в «глухариную лихорадку». В те далекие годы весенняя охота продолжалась месяц. Я уезжал в лес заранее, еще в марте, чтобы побегать на лыжах по насту, поискать глухариные чертежи, порадоваться «Весне Света».

Когда возвращался, оказывалось, что я уже отчислен — «как не появившийся на сессии», но так как я был хорошим спортсменом: играл за академические команды в футбол и волейбол и был чемпионом вузов Ленинграда по стрельбе, что весьма ценилось, то меня вскоре восстанавливали. Академию в то время мы называли не Лесотехнической академией, а спортивной академией с лесотехническим уклоном. Да и экзамены после сессии я сдавал хорошо.

Все лисинские тока еще со времен Гатчинской охоты были учтены и обследованы. Некоторые существовали более 100 лет. К ним даже были проложены так называемые «царские дороги» от Лисинского дворца до лесного квартала, где находился глухариный ток. Отдельные тока поражали обилием птицы. Хорошо помню ошеломляющее впечатление, которое производили «гремящие» тока. В них глухарей было так много, что даже невозможно было их сосчитать не только утром во время песни, но даже на вечернем подслухе.

Однако тока в северной части лесхоза, вокруг дворца и поселка Лосино-Корпус посещались охотниками, они были легкодоступны из-за хороших дорог. Поговаривали, что на кордон «Зверинец» наезжают даже члены Ле-

нинградского обкома КПСС. Глухариная охота на токах — сугубо индивидуальная, требующая полного сосредоточения и тишины, не терпящая постороннего вмешательства. Это заставило меня переместить свои глухариные поиски в южную часть лесхоза, в Дубовицкую лесную дачу, в район уничтоженных во время войны деревень Русское и Финское Веретье, Толстово, Абрамов Клин и полуживой деревни Еглино. В результате настойчивых поисков я нашел много разнообразных (по количеству петухов) глухариных токов и много лет в одиночестве охотился на них. Правда, был один ток, отмеченный еще в описаниях Гатчинской охоты, на котором я однажды видел двух охотников, которые, по местной легенде, носили оттуда глухарей «бельевыми корзинами». Ток действительно был классический: на краю огромного мохового болота, в разреженном сосняке большой площади, с чистым «полом», где легко бегать птицам, спустившимся на землю. К сожалению, я попал на этот ток после того, как он был выбит начисто, даже глухарок не осталось. У меня было много других, более далеких токов, на которых охотился я один.

Однако пришло новое горе лесозаготовки. Пришлось мне уходить дальше, к границам Новгородской области. И там я нашел хорошие тока, на одном из которых мы с профессором А. С. Мальчевским сделали превосходные магнитофонные записи, используемые до сих пор и в граммофонных пластинках, и для озвучивания различных кинофильмов. Расположены они были среди огромных болот на границе Ленинградской и Новгородской областей. Ходить туда приходилось за 20—30 км от железной дороги по бездорожью и мхам, с тяжелым рюкзаком, через минные поля. Зато, преодолев долгий путь, я попадал в чарующий мир тишины и непуганых птиц, филинов и черных аистов, лебедей и глухарей. Там я построил «урасу», подобие индейского вигвама: остов из длинных жердей, воткнутых вертикально и соединенных верхними концами. По бокам они были оплетены ивовыми прутьями, под которые втыкались еловые лапы. Располагаясь внахлест, они напоминали черепицу и создавали непробиваемую снегом и дождем стенку. Наверху имелось отверстие, куда выходил дым от костра. На два лежащих чурбача клал жерди, на них лапник, получалось удобное ложе. Дыру-вход занавешивал пустым рюкзаком. Когда на болоте бушевала непогода, в урасе было уютно и тепло. Лежа на «кровати», я доставал из-под

Глухариные чертежи нужно начинать искать уже в марте

Глухарь стал птицей моей жизни

нее заранее приготовленные короткие полешки и подбрасывал в костер. Часто, приходя весной, я обнаруживал в своем шалаше зимний глухариный помет. Мошники тоже пользовались моим жилищем!

Несмотря на крайне бережный отстрел — один петух за весну, ток начал хиреть. Он и так был небольшой — 5—6 поющих петухов. Целый год я гадал о причинах снижения числа глухарей. Причины открылись, как это часто бывает, неожиданно. По пути на ток я обратил внимание на суковатую разлапистую сосну. В ее кроне громоздился большой рыхлый помост-гнездо из толстых сучьев. Под гнездом валялись остатки пути глухарей. Пернатый хищник собирал богатую дань с близлежащих токов! Меня сильно заинтересовало это гнездо, и я решил посмотреть, что в нем есть. Я полез на сосну, а мой приятель с ружьем подстраховывал меня снизу. Поравнявшись с платформой гнезда, я попытался заглянуть в него. Но стоило моей голове показаться над гнездом, как на меня бросилась огромная птица. Она сбила шапку с головы, и неизвестно, как бы дальше развивались события, но тут раздался выстрел, и орлица спланировала на болото. Конечно, по современным меркам это варварство.

Дальнейшим своим отношением к птицам я постарался искупить это невольное преступление. Гнездо принадлежало паре орлов беркутов, облюбовавших эти глухие безлюдные болота для своего проживания. Из гнезда я вынул единственное яйцо и привез его в университет. Оно весило 160 г, то есть в четыре раза больше обычного куриного. К сожалению, выдуть и сохранить его для коллекции не удалось, так как в нем был уже сформировавшийся птенец (это происходило в середине апреля). Подобный случай описывает Н. Н. Граков для Архангельской области, где он обнаружил на току останки шести глухарей, правда не указав, жертвами какого хищника они стали. После описанного случая ток стал расти, и когда мы пришли туда для магнитофонных записей, там уже пело более 10 петухов.

Я искал тока всю жизнь. Искал в Ленинградской, Новгородской, Псковской областях, в Карелии, на Южном Урале и т. д. Всего мною было найдено и проверено около 100 глухариных токов. Из многих охотничьих дел: натаски легавых собак, снаряжения различных охотничьих патронов, подготовки подъездного челна, нагонки гончих, поиска глухариных токов — последнее люблю больше всего. Это занятие стало моей неизбывной страстью. Меня преследовал навязчивый сон: я стою на возвышенности посреди лесов и болот, а оттуда поднимаются высокие столбы желтого дыма, указывающие места глухариных токов. Каждое пребывание в лесу я рассматривал как возможность обнаружить заветное токовище. На

северо-западе России глухарь экологически связан с сосной. Ее хвоя составляет основу его зимнего питания. В сосняках чаще всего и располагаются глухариные тока. Помню, долго искал ток в однообразных сосновых борах Псковской области. Глухари были, а где поют — никак установить не удавалось. Помогло гнездо зяблика. Внутри оно было отделано характерными блестящими перышками с шеи глухаря. Можно было предположить, что зяблик собирал их на месте весеннего ристалища краснوبرовых рыцарей. Проверка подтвердила мое предположение. Так зяблик «подвел» глухарей. Много поучительного и любопытного в научном отношении пришлось наблюдать, разыскивая токовища. Так глухарь стал птицей моей жизни. Многолетнее пристальное наблюдение за этой чудо-птицей дало много нового, а постоянная охота выработала определенный кодекс поведения, основанный в первую очередь на бережном отношении к глухарю.

1. Охотиться только на токах, найденных тобой.

2. Охотиться в одиночку, без спутников, для более полного эмоционального воздействия.

3. Подслух обязателен! Если на току менее 4—5 петухов, охота недопустима!

Мною было найдено около 100 глухариных токов

4. Стрелять только утром, под песню. Стрельба влет и петухов, токующих на земле, недопустима! Именно при этом более всего вероятности подстрелить глухарку, чему масса примеров.

5. Свято соблюдать старинное правило русских охотников: «Один патрон — один глухарь». То есть подходить к поющему глухарю максимально близко. Я, например, считал успешным только такой выстрел, после которого глухарь падал на землю и не хлопал крыльями. Этому, кроме близкого расстояния, в значительной мере способствовало тщательно пристрелянное ружье, патроны собственного снаряжения.

Я был изумлен и крайне расстроен, прочитав у уважаемого Михаила Владимировича Андреевского, что он «в 1886 году на токах в 27 верстах от Петербурга добыл 18 и упустил ранеными 7 глухарей». Вот тебе и правило: «Один патрон — один глухарь». А ведь Михаил Владимирович был опытный охотник, хороший стрелок и обладал надежным ружьем. Следует предположить, что при наличии большого количества птицы он не церемонился с выстрелом и, надеясь на ружье, часто стрелял глухарей с предельных дистанций.

Горжусь тем, что за долгие годы охоты я не сделал ни одного подранка и уж тем более не подстрелил ни одной глухарки. Ни разу не стрелял по каким-то предметам, принятым за глухаря. А ведь я активно охотился на токах. В 50-е годы была весна, когда я взял 19 глухарей и 3 петухов за одно утро. В последующие годы я ограничивался 1—2 глухарями за весну, и то в разных районах и даже областях.

Глухаря с полным правом можно называть национальной ценностью России. Чтобы обеспечить сохранность этого вида птиц, следует крайне бережно относиться к его использованию. «Особенно осторожно нужно подходить к предоставлению охотничьих туров для охоты на токах иностранным охотникам. Сейчас, в погоне за валютой, наши хозяйства нередко идут на определенные нарушения, чтобы обеспечить добычу глухаря и не сорвать контракт», — писал Н. Н. Граков в 2002 году. Как тут не вспомнить пророческие слова А. Скалона: «Виджу деньги, становлюсь зверем».

На охотах в Таджикистане, в горах Тянь-Шаня, я встречал синих птиц — это крупные дрозды, отличающиеся изысканными сине-фиолетовыми тонами темного оперения. Подобно сказочным виденьям, они возникали в брызгах горных водопадов. Солнечные лучи высвечивали их сияющее лилово-синее оперение. Но подлинной Синей птицей, птицей моего счастья, всегда летевшей передо мной и звавшей меня в неизведанные дали, был и остается глухарь — родного леса «гордый государь».

ПАНТОВКА

Темная летняя ночь, вокруг глухая тайга. Вы сидите на лабазе либо в скрадке около солонца в ожидании подхода крупного быка-пантача и невольно вздрагиваете от каждого шороха. Поистине это одна из таинственнейших охот.

Добычу марала ведут ради лобовых пантов — неокостеневших рогов с частью лобных костей. Из них изготавливают лекарственный препарат — пантокрин.

В настоящее время его производят в основном из спиленных рогов оленей, содержащихся в оленесовхозах. При таком способе происходит значительная потеря крови, но наиболее ценными считаются панты, взятые вместе с лобной костью у отстрелянного быка-пантача. Промысел ведут на солонцах в начале лета. Именно в этот период олени испытывают соляное голодание и активно идут на солонцы.

В ряде мест сибирской тайги имеются природные солонцы, а если таковых нет, охотники создают их искусственно. Для этого на расчищенной площадке заостренным колом делают несколько отверстий, которые заполняют поваренной солью, а также поливают землю рассолом, лучше горячим. Дожди размывают соль, и она пропитывает весь слой земли.

У солонца заранее делают либо скрадок на земле, либо лабаз на дереве. Весь строительный мусор при этом необходимо убрать подальше и закопать, чтобы попусту не тревожить зверя. Также при устройстве скрадка необходимо учитывать направление господствующего ветра. В идеале нужно найти такое место, где ветер тянет в одном направлении, а не крутит по всей местности.

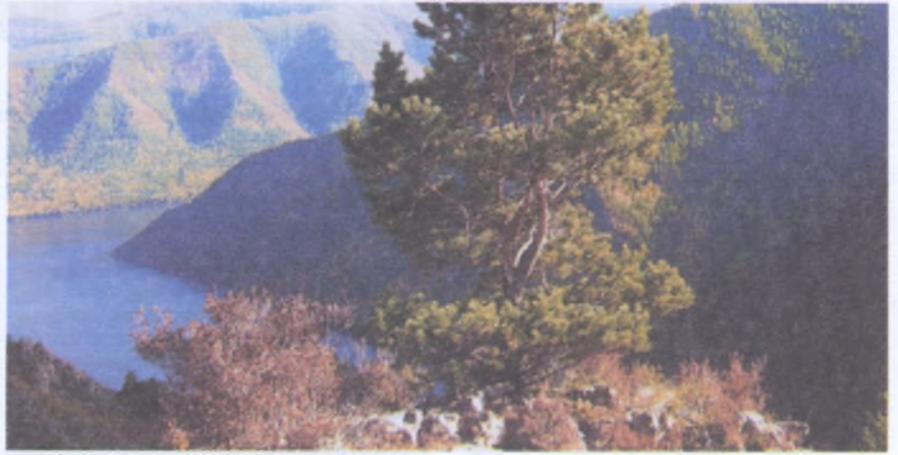

Охота на солонцах происходит в основном в ночное время, но на засидку охотник должен придти еще засветло, соблюдая при этом все меры предосторожности — как при подходе, так и в самой засидке. Как говорят старые промысловики: «Идешь за зверем, сам зверем будь. Не шуми, не кури, знай себе прислушивайся да приглядывайся». Чем холоднее и светлее ночи, тем скорее марал появится на солонце. В дождливую ночь, а тем более в грозу, звери на солонцы не ходят. Олень подходит к солонцу с подветренной стороны, дабы убедиться, не пахнет ли человеком. Затем убедившись в безопасности, марал тихо подходит к солонцу и начинает медленно, не переставая прислушиваться, есть солонцеватую землю. И как только разохотится, прожует да проглотит несколько раз, тут уж теряет всякую осторожность. Вот тогда охотник выбирает момент и стреляет.

Сам выстрел происходит накоротке, так что лучше стрелять из гладкоствольного ружья, целясь в переднюю часть туловища, но при наличии ночного оптического прицела можно использовать и нарезное оружие. Торопиться с выстрелом не стоит, так как марал, пришедший на солонце ночью, если ничего не заподозрит, пробудет на нем до утра, а вот испуганный не появится в этом месте все лето. Тяжело раненный марал бежит, как правило, вниз под гору, а легко раненный — вверх. Для добора подранка лучше использовать собаку.

Марала, добытого на солонце, нужно побыстрее оттащить метров на 100 в сторону и вырубить панты вместе с лобной костью, которую немедленно надо омыть чистой водой и обвязать травой (крапивой), чтобы мухи не отложили туда личинок. Только после этого приступают к разделке туши.

Л. МАМОНОВ
Фото автора

Охота на бурого медведя на Камчатке

С. УСИКОВ. Петропавловск-Камчатский. Фото И. Середкина и С. Тишкевича

То, что бурый медведь — сильный, опасный зверь и охота на него требует очень серьезного подхода, признает любой охотник — от опытного промысловика, на счету у которого не один десяток «мишек», до дилетанта, видевшего медведя лишь в зоопарке. Говоря слово «охота», имею в виду именно ее, а не расстрел в упор обесиленного, загнанного вертолетом или снегоходами зверя. Я, конечно, понимаю разницу между исконно русским понятием «охота» и заграничным сафари, непонятно мне лишь одно — почему мы всегда перенимаем из чужого опыта самые неприглядные и отрицательные стороны, будь то хоть искусство, хоть бизнес или еще что-либо. В охоте это выражается принципом «клиент всегда прав», доведенным до абсолютной беспринципности, отсюда и стрельба по всему живому с помощью всяческих транспортных средств. И если на фотографиях, время от времени появляющихся на страницах охотничьих журналов, вы видите рядом с «добытым» зверем довольноные, в два подбородка и три подзатыльника «лица» без намека хоть на каплю усталости и пота, к тому же при полном отсутствии нужного снаряжения, кроме оружия, знайте: это не охотники, а медведь убит именно вышеописанным способом. Говорю так, поскольку мне на собственном опыте известно, сколько усилий и упорства требуется, чтоб действительно, по-настоящему охотиться и добыть столь желанный трофей.

На территории Камчатской области охота на бурого медведя проходит дважды в год — весной и осенью. Весенняя охота длится ровно месяц, обычно открывается 20—25 апреля. Осенью сроки, конечно, более продолжительны. Недавно губернатором Камчатки принято решение о запрете весенней охоты на бурого медведя с 2005 года, хотя оно и оспаривалось Камчатоблохотуправлением. Оценивать это решение однозначно трудно — с одной стороны, численность зверя в области, судя по результатам учетов, довольно стабильна, с другой — популяция стремительно «мельчает». Но если разобраться, виной тому почти исключительно пресс весенней иностранной трофейной охоты, «благодаря» которой встретить действительно крупного медведя на Камчатке становится все сложнее. Тогда и надо прекратить «иностранку», почему из-за нее должны страдать свои, местные охотники? Ко всему замечу, что именно весной, когда обзор позволяет видеть зверя на значительном расстоянии, да еще есть возможность «читать» след на снегу, наносится наименьший вред медведю в смысле отстрела самок

с медвежатами. Конечно, присутствует и браконьерская добыча ради желчи, когда, как говорится, бьют все, что шевелится, однако данный контингент «охотников» меньше всего волнует, открыта ли охота вообще. Так, несколько лет назад в Корьякии, на реке Ука, инспекторы рыбоохраны обнаружили на месте браконьерского стана около 50 медвежьих черепов и шкур без когтей. Ясно, что зверя уничтожали ради желчи систематически, без разбора. В подобных масштабах могут «работать» только организованные группы браконьеров, в распоряжении которых для заброски и вывоза из труднодоступных районов имеются вертолеты или высокопроходимая гусеничная техника. От безнаказанности браконьеры наглеют до такой степени, что бьют медведя прямо в заказниках и заповедниках. В 2003 году в заказнике «Река Удочка» Усть-Большерецкого района было убито с вертолета 10 медведей, у которых вырезали только желчь. Естественно, никого виновного не нашли и не наказали. И получается, что законопослушный охотник сидит дома, а браконьер круглый год выбивает медведя всеми возможными способами безнаказанно, так как случаи поимки на месте единичны. И еще один момент — с 1 января 2004 года вступил в силу Закон № 148-ФЗ, подписанный Президентом. Там почему-то бурый медведь камчатских популяций оценен в два раза дороже своих российских собратьев. С какой стати, позвольте спросить? Чем наши медведи так отличаются от себе подобных? Может быть, питаются долларами? Так не растут эти бумажки в наших лесах! Если умники, писавшие подобную галиматью, этого не знают, так не хворые поди могли бы и спросить. Еще одна неприглядная сторона закона в том, что охота становится все более недоступной людям со средним и малым достатком. И неужели авторы и вдохновители этого закона думают, что человек, у которого в жилах течет охотничья кровь, будет спокойно взирать на то, как какие-то дяди из центра пытаются лишить его любимого занятия? Вопрос, по-моему, риторический. Просто-напросто плюнет на эту бумажку и продолжит охотиться и будет по-своему прав, что не удивительно. Удивляет, по-моему, другое — создание необдуманных правовых актов, прямо толкающих человека на неправомерные поступки. Я вовсе не оправдываю браконьерство и прекрасно понимаю необходимость борьбы с ним, но для чего прямо или косвенно способствовать пополнению его рядов, не понимаю.

Где-то в первой декаде апреля бурные медведи начинают покидать свои бер-

логи. Некоторое время, приблизительно-но дней пять, медведь далеко от зимнего убежища не удаляется, устраивая лежки рядом, ведя малоподвижный образ жизни, как говорят, «досыпает». Затем в поисках пищи уходит, стремясь к освобожденным от снега участкам, полянам, а также богатым прошлогодним урожаем площадям стланика, ягодников и пр. Переходы зверей бывают довольно большими, их не смущают ни высокие хребты, ни огромные безлесные пространства, ни вскрывшиеся ото льда водные преграды. В обильных кормовых местах медведи задерживаются вплоть до полного таяния снегов, тем временем прорастают первые побеги трав, тоже занима-

ющих не последнее место в весеннем рационе косолапов.

Смысл и суть весенней охоты на бурого медведя в следующем — увидеть зверя, подойти на выстрел и добыть его. Но прежде чем воплотить эту простую формулу в жизнь, нужно заиметь необходимое снаряжение, и сначала об этом, поскольку поверхностный подход здесь неминуемо приведет к усложнению, а то и к срыву охоты. Итак, нужны: лыжи, белый маскхалат, бинокль, солнцезащитные очки и крем, хороший нож. Об оружии и одежде поговорим позднее, как и о питании.

Лыжи нужны широкие, лучше подбитые нерпой или камусом. Кроме того, древесину необходимо защитить от мокрого весеннего снега олифой либо водостойким лаком — впитавшее влагу дерево делает лыжи тяжелыми и плохо управляемыми. Площадки под крепления желательно проверить на предмет надежности соединения с лыжей, опять же из-за повышенной влажности — из намокшей древесины шурупы вылезают, словно из масла. Однажды такая «мелочь» испортила мне день охоты: провалившись в пустоты лежащего под снегом кедрового стланика, я пытался вытащить лыжу и после очередного рывка извлек ногу вместе с креплением и торчащими из площадки шурупами. Пришлось возвращаться за несколько километров к машине по старой лыжне, благо в багажнике были инструменты и саморезы, что позволило привести лыжи в порядок. Так что лучше будет носить с собой небольшую отвертку с шурупами — поможет в случае чего.

Белый маскхалат должен отвечать следующим требованиям: быть легким, непромокаемым, непродуваемым и одновременно «дышащим», прочным. Соединить все эти качества вместе, по моему, невозможно, но основные (для весны) все-таки реально. Хорошо показал себя маскхалат из импортного материала «Lutrella» (100% полипропилен). Он очень легкий, не промокает, малопродуваем, прекрасно стирается в теплой воде. Из недостатков отмечу невысокую прочность, а также то, что он боится огня и у костра в таком маскхалате не посидишь — материал просто начинает плавиться.

Бинокль вполне достаточно иметь 8—10-кратного увеличения и минимального веса — ходьба на лыжах по пересеченной местности заставляет учитывать каждую сотню граммов. Габариты тоже имеют значение — разумеется, не в ущерб техническим данным. В этом смысле неплохо показали себя малогабаритные бинокли фирм «Tasco» или «Sturman», например 10х30 или 14х32. Выказывания некоторой части охотников об излишестве бинокля при наличии на оружии оптических прицелов переменной кратности явно несостоятельны, поскольку длительное время вскинутым карабин не удержишь, а иногда приходится осматривать местность подолгу, и сделать это поможет лишь бинокль.

Но вернемся непосредственно к процессу. При установлении возможного места охоты прежде всего охотник руководствуется определением наличия зверя по следам. Обнаружить их весной можно порой на значительном расстоянии даже и без бинокля, нужна только солнечная погода, и цепочки следов отлично видны на склонах сопки и увалов. Тут надо не спешить и либо самому менять угол наблюдения за одним каким-то участком местности, либо, оставаясь на месте, предоставить эту работу солнцу. Через небольшой промежуток времени на снегу, возможно, проявятся признаки присутствия медведя, одного или нескольких. В любом случае чем больше следов вы видите, тем лучше. Есть и другие способы определения мест скопления зверя. К примеру, заметив район с богатым урожаем шишки кедрового стланика, можно быть уверенным, что весной туда пожалует не один медведь, так как они отлично запоминают такие кормные места. Даже при большом слое снега, когда стланик еще полностью скрыт, весной звери идут туда и поедают шишку, откапывая ее из-под снега. Опытные охотники знают и постоянные маршруты зверей при их весенне-осенних миграциях. Как правило, они придерживаются определенных переходов, как наиболее удобных и коротких по расстоянию. Пользуются вниманием медведей места, где есть возможность найти остатки прошлой годней лососевой рыбы. Во время весенней бескормицы это неплохое подспорье. Привлекает медведей весной и морское побережье, а именно литораль — приливо-отливная полоса моря. Тут всегда есть что-либо съестное — различные моллюски, крабы, выброшенные морем останки погибших морских зверей и тому подобное. Особенно это проявляется в северных районах полуострова, где перепад уровня вод один из самых больших на планете и во время отлива оголяется дно на многие сотни метров.

Найдя след медведя, важно правильно определить его характер. Если след петляет, часто меняет направление, то скорее всего зверь задержится в этом месте на некоторое время и есть шанс застать его. В случае, когда след идет в одном направлении, не сворачивая, наверняка медведь «ходовой» и, несмотря на свежайшие отпечатки, вряд ли его перехватите, даже если вы видите медведя. Ведь спокойный ход зверя лишь кажется медленным, что весьма обманчиво, к тому же медведь сохраняет заданный темп движения довольно длительное время. Однажды из чистого интереса я засек время, понадобившееся средней величины медведю, чтобы преодолеть по снегу крутой подъем (угол склона около 60 градусов) сопки, высота которой над уровнем моря составляла по карте свыше 900 метров. Ушло на это у него 40 минут. По моим расчетам, даже тренированный охотник затратил бы на такой маршрут минимум 3,5—4 часа. Ин-

тересно и то, что медведи, похоже, совершенно не боятся высоты. Их нередко можно наблюдать в горах, около многометровых обрывов и пропастей, любят они также развлекаться катанием по снежникам, лежащим на крутых склонах, при этом, чтобы набрать скорость побольше, зверь разгоняется на лапах и, падая со всего маха плашмя брюхом на снег, скользит вниз. Есть и такие «спецы», технике которых могут позавидовать и некоторые горнолыжники. Спускаясь на лапах по склону, они умело гасят скорость заправским слаломским торможением, закладывая изящные виражи.

Определить свежесть следа весной на снегу не так просто, как может показаться поначалу. Конечно, если перед вами отпечатки, где даже складки подошвы сохранились, думать нечего и, видимо, стоит оглядеться вокруг — зверь наверняка очень близко. Когда же след не настолько свеж, нужно учитывать некоторые нюансы: температуру воздуха, характер ветра, состояние снегового покрова, активность солнца и тому подобное. В жаркий солнечный день свежайшие отпечатки уже за час-полтора могут принять вид следов полусуточной давности. При прохождении медведя по тенивому склону, куда солнечный свет практически не проникает, может создаться впечатление достаточной свежести при виде следа и двухдневной давности. Наивысшую точность в определении, конечно, может дать лишь опыт и практика. Отпечатки, помимо прочего, дают и важную для охотника информацию о величине, упитанности и приблизительном весе зверя. Примерно можно установить вес и возраст медведя по ширине мозоли передней лапы, существует таблица, определяющая вес зверя по отпечатку передней лапы. Впрочем, при одних и тех же размерах последней показатели могут сильно различаться, что зависит от упитанности зверя, на нее указывает степень вдавленности лапы или глубина отпечатка, естественно с учетом твердости грунта.

Следующим этапом охоты является обнаружение непосредственно самого зверя. Для этого желательно занять точку с хорошим обзором и с помощью бинокля тщательно осматривать местность. Процесс этот может затянуться на довольно длительное время, однако спешить здесь не нужно, тактика охоты в том и состоит — сперва увидеть медведя, а затем уже определять возможность подхода на выстрел. Наблюдать надо за тем сектором, откуда дует ветер, ибо только здесь возможен надежный подход. Обнаружить движущегося зверя несложно, тем более на белом снеговом фоне. Посложнее это сделать, если тот в неподвижном состоянии или находится на лежке. Как правило, медведь ложится на отдых, особенно в жаркую, солнечную погоду под прикрытием веток кедрового стланика, около каменных останцев и прочих укрытий. Все такие места необходимо обшаривать оптикой с особым

вниманием, примечая детали, указывающие на присутствие зверя. Иногда неожиданную услугу в этом деле могут оказать другие обитатели леса, например вороны. Был случай, когда стая птиц «навела» нас на крупного медведя-каннибала, задравшего двух медвежат и устроившегося для трапезы на укрытой от посторонних взглядов площадке за плотной стеной мощного стланика. Без помощи ворон обнаружить зверя в таком месте было бы крайне затруднительно. О самом каннибализме среди медведей можно сказать то, что они поедают себе подобных довольно часто. Грешат этим и крупные, и молодые особи, независимо от пола, как в голодное время, так и при обилии корма во время нереста лососей. Одни пожирают собратьев, погибших без их участия, а другие — почти всегда это взрослые, крупные самцы, — умерщвляют жертву сами, пользуясь первым же представившимся шансом.

Увидев медведя, не стоит суетиться, срочно собираться, лучше будет немного проследить за ним, возможно зверь ляжет на отдых или начнет кормиться. Вероятен и такой вариант, что тот и сам приблизится на расстояние выстрела либо значительно сократит дистанцию, чем облегчит в какой-то степени вашу задачу.

Из всех органов чувств у медведя наиболее всего развито обоняние, что вовсе не значит, что слух и зрение у него являются ущербными. Медведь прекрасно видит рыбу в воде, чутко реагирует на чуждые, не характерные для окружающего фона звуки. Запах является решающим и определяющим поведением зверя аргументом. Весьма показательными в этом смысле являются совсем не единичные случаи, когда при отстреле одного из нескольких пасущихся на тундре недалеко друг от друга медведей, естественно при условии подхода «на ветер», даже всегда осторожные мамы с медвежатами-сеголетками приближаются к охотнику на несколько десятков метров, демонстрируя откровенное любопытство

и пробуя поймать запах опасности. Чтоб отогнать зверей, приходится кричать размахивать руками.

Ветер — самое важное обстоятельство, которое нужно учитывать при охоте на медведя. В полное безветрие уверенное скрадывание зверя оказывается под вопросом — в каждый момент малейшее дуновение может донести до него запах охотника и сорвать охоту, да и звуки, производимые человеком, глушатся плохо. Но, понятно, отказываться от попытки не стоит, необходимо пользоваться любым представившимся шансом. И если медведь отвлечен — скажем, кормится на шишке или ловит лососей, — может, удача и улыбнется охотнику. Вообще, начиная охоту, желательнее сразу учитывать генеральное направление ветра и, как говорится, плясать от этого, по ходу дела внося коррективы. На Камчатке некоторые ветры связаны с определенными морскими событиями, приливами или отливами, например, и зная о времени их наступления, можно с достаточной точностью прогнозировать направление и даже силу ветра, охотясь на побережье либо в относительной близости от него.

Бывают, конечно, случаи, когда охотнику просто везет: совпадает и ветер, и ход зверя, но так получается редко. Однажды, «нарезав» приличный круг по сопкам и почти замкнув его, мы неожиданно наткнулись на «парной» след большого медведя, шедшего навстречу северо-западному сильнейшему ветру, из-за которого в солнечный майский день нам пришлось надеть белые хлопчатобумажные перчатки — так мерзли руки. Четкие отпечатки тынули по высокогорной заснеженной тундре, где первыми островками лежали оттаявшие участки буро-красной растительности. Хороший обзор позволял применить бинокль, но ничего увидеть не удалось, хотя свежесть следа явно указывала, что зверь далеко уйти не мог. Я еще внимательней осмотрелся, обратив особое внимание на места, где постарался бы укрыться медведь — кочки, отдельные кусты

кедрового стланика. Безрезультатно. Вот цепочка следов дошла до первой полянки и вроде потянулась далее, все кругом открыто, но где же зверь, а? Какая-то деталь на полянке меня явно смущает, но какая, пока не понимаю, нечто не вяжущееся с общей обстановкой, но что? Пожалуй, только вот этот бугор, на котором под ветром волнами ходит растительность, и тут бьет как током: да ведь «бугор» — здоровенный медведь, а «растительность» — шерсть, нещадно полоскаемая ветром. В сорока метрах от нас лежит медведь, настолько идеально слившийся с окружающим фоном, что понадобилось немало времени, чтоб рассмотреть его на таком ничтожном расстоянии. Плавным жестом указываю на зверя напарнику и одновременно понимаю, что он никого не видит. Уже вслух, довольно громко произношу: «Медведь!», тыча в сторону зверя пальцем. Ну наконец-то! Широко раскрывшиеся глаза лучше слов дают понять состояние охотника, оно и ясно — человек охотится первую весну, и сразу такое везение — обозреть осторожного зверя так близко, безо всякого бинокля! Нужно стрелять, но сперва немного поменять позицию, сдвинувшись чуть в сторону. Шуршим лыжами по хрусткому насту — медведь поднимает голову, смотрит прямо на нас несколько секунд, кажется бесконечно долгими, и снова ложится. Явственно понимаю, что тот нас просто не видит. Невероятно, непонятно, уму непостижимо, но это так. Вот оно, самое железное доказательство, что обоняние для медведя — чувство важнейшее и превалирующее над остальными! Предлагаю напарнику стрелять первым, на себе показывая, куда выцеливать, и смещаю несмолотного вправо — если зверь начнет уходить, будет удобнее стрелять. С лязгом начинает работать «Вепрь», и вижу, что первые пули стригут снег на бугре за медведем — явно обвыслил охотник, что немудрено, волнуется сильно, конечно. Подпрыгнув, словно пружина, медведь несется на нас, нет, не нападая, а скорее обманутый эхом и ветром. Третий выстрел, и его будто сковырнуло — со всего хода зарывается мордой в снег, но по прижатому ушам и вздыбленному загривку видно, что жив и скорее всего быстро «оклемается». Медлить ни к чему, стреляю за ухо — зверь расслабляется и слегка заваливается, вот теперь точно все. Кстати, пуля, «уронившая» медведя, попала, как впоследствии выяснилось, совсем не в убойное место, а именно в переднюю кромку лопатки, и осталась в ней. Неплохой аргумент для любителей порассуждать о слабом останавливающем эффекте пуль калибра 7,62 мм. Оно, конечно, слабее, чем у девятимиллиметровых пуль, но не настолько, чтобы пренебрежительно отзываться, все-таки медведь был с шириной передней лапы 19,5 см и весом около 300 кг.

Никогда заранее не знаешь, насколько далеко уйдешь от базового лагеря, поэтому вопрос питания охотника стоит не на последнем месте, тем

более весной, да еще при очень пере-
сеченном рельефе, требующем допол-
нительных сил. Тут просто необходим
горячий чай, да и простой бульон. Тер-
мосы любого объема малопригодны
из-за веса, занимают немало места, и
самый оптимальный вариант — вскипя-
тить воду на месте привала. Костер
сразу отпадает, так как дым способен
отогнать осторожного зверя на многие
километры. Остается выбор между ста-
рым добрым бензиновым примусом и
складной портативной газовой плиткой
на импортных пропановых баллонах.
Практика показала низкую эффектив-
ность последних — при температурах,
близких к нулевым, баллончики замер-
зают. А вот советский туристический
бензиновый примусок безотказно слу-
жит не один год. Имеется, правда, один
нюанс при его эксплуатации, а именно
разжигание. Если этот процесс прово-
дить обычно, то, кроме сильного за-
копчения посуды, существует риск рас-
пространить вокруг стойкий бензино-
вый «аромат». Чтоб этого избежать,
лучше обложить поддончик горелки
маленькими кусочками сухого спирта.
По прогорании спирта остается зажечь
примус, и тот сразу нормально рабо-
тает. В качестве посуды можно исполь-
зовать литровые баночки из толстой
жести, они легки, а емкости вполне
хватает на чаевку для двух человек.

Одежда нужна теплая, но не тяжелая.
В солнечный день хорошо на голову
надеть кепку с большим козырьком,
который поможет защитить лицо от
снежного ожога. Солнцезащитный
крем тоже весьма эффективно решает
этот вопрос. В рюкзаке или на себе
надо иметь теплый шерстяной свитер,
не помешает и спортивная шапочка. На
«верхах», в сопках и хребтах, даже при
солнце ветер пронизывает насквозь
пропотевшего на подъеме охотника, и
во избежание простуды нужно под-
одеть теплые вещи, а на голову шапку.
Пригодятся и белые хлопчатобумажные
перчатки, чтобы защитить руки от хо-
лодного ветра. Они не толстые, плот-
но облегают пальцы и не мешают
стрельбе. Никогда не будет сильной
обузой и смена теплого нижнего белья,
а на случай весеннего дождя со снегом

поможет легкая непромокаемая накид-
ка. В итоге получается приличный спи-
сок, и невольно думаешь: а не слиш-
ком ли много, как выражается один мой
знакомый, «лохмотьев»? Если бы с вы-
сокой точностью можно было предска-
зывать весеннюю погоду, к примеру, на
Камчатке, вероятно, вполне можно и
обойтись без всего этого, но иногда и
охотники с большим опытом, как гово-
рится, «попадают». В памяти случай,
когда поднявшись с напарником на
горное плато, через полчаса мы оказа-
лись в сильнейшей мокрой пурге, пред-
ставлявшей разительный контраст с
тихой солнечной погодой внизу. Види-
мость пропала полностью, налипаю-
щий на накидки снег вкупе с ветром
заставлял нас буквально трястись от
холода, и это при том, что мы надели
под куртки свитера. В таких условиях
охота стала невозможной, и пришлось
поскорее спускаться по первому же
попавшемуся распадку. Встав пе-
редохнуть, я случайно оглянулся наверх
и, несмотря на снежную кисею, увидел
большую черную точку на краю сосед-
него распадка — медведь! Только по-
года позволила нам разминуться со

зверем буквально в 60 метрах, причем,
не подозревая о его присутствии, мы
говорили в полный голос и шумели лы-
жами. Оставив напарника для коррек-
тировки, я снова начал подъем, быст-
ро забыв о холоде и мокрой одежде.
Сильно подстегивало и то, что в опи-
сываемых условиях представился, по-
жалуй, один шанс из сотни и упускать
его было непозволительной роскошью.
Со всеми предосторожностями я под-
нялся на траверс медвежьей лежки, но
каким-то образом учувший опасность
зверь подхватился раньше, чем попал
в поле моего зрения. Увидел я его, ког-
да тот трактором ломился по стланику
противоположного склона распадка
наверх. Стрелять в такой ситуации, ко-
нечно, можно, однако шансов немно-
го, поскольку полуболобочечные пули,
попадая в упругие ветки стланика, ме-
няют направление. К моему счастью, на
пути медведя попался участокмоло-
дого полуметрового стланика, и как
только зверь высочил на него, прогре-
мел выстрел. Медведь тут же упал, а
так как склон был очень крут, доволь-
но резко покатился вниз. «Вот и отлич-
но, с доставкой зверь», — мелькнуло в
голове, но радоваться оказалось рано-
вато — миновал поляну, медведь зас-
трыл в зарослях. Пока я пробирался к
нему, промок до последней нитки — с
веток градом лилась вода. Переканто-
вав медведя на более-менее удобное
место для разделки, я наскоро наломал
толстой березовой коры (а кора нашей
камчатской березы хороша тем, что
при желании ею и печку топить можно,
да и жар от нее бешеный) и разжег ко-
стер. После того как переоделся в теп-
лое запасное белье, жизнь стала весе-
лее, правда, не оказалось сухой пары
носок и пришлось сушить на огне мо-
крые. Попив же горячего чаю с коньяком
у костра, ощутил себя самым счастли-
вым охотником на свете. С той поры я
еще больше утвердился в нужности за-
пасного белья, и пакет с ним не выни-
мается из рюкзака круглый год.

Окончание следует.

Русский охотничий спаниель — чемпион породы Солли (вл. Горностаев) на выставке

Идеальный спаниель

А. МАЦОКИН. Фото В. Животченко

В этой статье мне хотелось бы попытаться разобраться в специализации такой группы пород охотничьих собак, как спаниели. Не вызывает сомнения тот факт, что современные породы спаниелей произошли от собак, которые использовались для выпугивания дичи из зарослей под сокола или в сети. Можно предположить, что для ловли сетями более эффективными оказывались собаки, способные после обнаружения дичи двигаться в ее направлении настороженно, вплоть до остановки или укладывания перед ней, заставляя дичь затаиваться. Особенно добычливой охота с такими собаками была на таящуюся дичь на участках с невысокой растительностью, что позволяло охотникам накрыть последнюю сетью. Предки этих собак, по всей видимости, и послужили исходным материалом для создания современных пород легавых. А что же спаниели? Мы знаем, что не всегда не всякая дичь при возникновении опасности затаивается, многие виды предпочитают спасаться бегством, забиваться в крепи. Очевидно, что для того чтобы принудить такую дичь покинуть заросли, от собаки

вместо настороженного движения требовался напор, а вместо стойки — прыжок. Видимо, такие собаки составили генетический фундамент будущих спаниелей. Появление огнестрельного охотничьего оружия и развитие культуры охоты окончательно развело этих птичьих собак по разным группам пород — легавых и спаниелей. Одна группа получила свое название по манере работы по птице: pointing dogs (указывающие собаки), или setters, в русском языке легавые, а другая сохранила за собой название «испанка», полученное птичьими собаками, предками как легавых, так и спаниелей предположительно в XII—XIV вв.

Способность спаниеля эффективно работать в зарослях вовсе не означает, что его нельзя использовать для охоты на таящуюся дичь в угодьях с низкой растительностью, хотя в такой охоте он уступит легавой как минимум в величине обыскиваемого пространства (из-за своего укороченного поиска) и однозначно потребует от охотника большего совершенства в стрельбе навскидку (из-за отсутствия стойки).

Возможность относительно эффек-

тивного непрофильного применения спаниелей на охоте позволила отечественным популяризаторам этой группы пород сформировать в среде не только рядовых охотников, но и в среде заводчиков миф о ее универсальности: «...спаниели — наиболее универсальные подружейные собаки» (Янушкевич О. И.¹); «Спаниель является универсальной собакой при охоте по пернатой дичи» (Пупышев П. Ф.²); «Объясняется такой интерес к этой породе довольно просто универсальностью спаниеля» (Валов Н. А.³). Надо признать, что миф об универсальности спаниелей на первом этапе продвижения этой группы пород в нашей стране сыграл положительную роль в их распространении среди охотников. Другими словами, популяризаторы охоты со спаниелем очень удачно использовали извечную мечту начинающего российского охотника (да, наверное, не только российского) иметь универсальную охотничью собаку. Ведь ни для кого не секрет, что не имея возможности завести собаку на каждый вид охоты, наш охотник приспособливает гончую для выгона уток, а легавую использует для охоты в лесу или зарослях и т. д. и т. п. Но в отличие от заводчиков-спаниелистов, никому из заводчиков-гончатников или легашатников не пришло в голову назвать легавую или гончую универсальными собаками и тем более вести отбор собак по этому признаку.

Следует отметить, что немцы попытались создать из легавой, заметьте, не универсальную, а разностороннюю собаку, но, как мне представляется, их эксперимент нельзя признать очень удачным. В сравнении с островными легавыми континентальные явно уступают в скорости хода и в манере причуивания, а сравнение их работы по зверю с лайками практически всегда будет не в пользу немецких собак. С большими оговорками можно, наверное, вести речь об универсальности лаек, но внутри этой группы пород уже давно существует разделение на зверовых лаек и лаек-мелочиц.

Но вернемся к спаниелям. То, что может быть хорошо для первоначальной популяризации породы, не всегда хорошо для сохранения и совершенствования ее рабочих качеств в перспективе. Желание сделать из спаниелей универсальных собак в конце концов привело к тому, что в 1971—72 гг. вместо единых правил испытаний спаниелей по полевой, болотной, боровой и водоплавающей дичи 1954 года, были разработаны отдельные правила испытаний спаниелей по утке и отдельные — по болотной, полевой и боровой дичи. Причем правила испытаний по болотной, полевой и боровой дичи стали предусматривать выявление и оцен-

¹ Янушкевич О. И. Охотничьи качества спаниелей.

² Пупышев П. Ф. Спортивная охота с легавой.

³ Валов Н. А. Спаниель вчера, сегодня и завтра // Охота и охотничье хозяйство, № 4. — 1972.

ку способности спаниеля к настороженному движению к птице после обнаружения ее запаха, очень удобную для охоты по затаивающейся птице (дупель, бекас) — потяжки: «Потяжка — настороженное замедление хода спаниеля в поиске в момент причувствования дичи для уточнения места ее нахождения». Кстати, по сравнению с правилами 1954 года изменилось определение «подводки» и вместо прежнего: «Под подводкой понимается резкое изменение поведения собаки с момента причувствования дичи, проявляющееся в напряженности и возбудимости собаки и переходе ее на прыжки, чередующиеся с короткими приостановками, а также в стремлении собаки верхним чутьем определить местонахождение птицы, чтобы заключительным прыжком поднять ее на крыло под выстрел» — появилось более абстрактное определение: «Подводка — переход спаниеля на более быстрые движения в направлении к птице до подъема ее на крыло».

Разработанные в то же время правила испытаний спаниелей по утке, выявления и оценки способности спаниеля к настороженному движению к птице совершенно логично не предусмотрели. Поскольку очевидно, что способность спаниеля к настороженному движению к птице при работе по утке ему будет только вредить. Ведь для того, чтобы выбить птицу из крепей, нужен напор, который является следствием способности собаки без задержки, смело и решительно устремляться в сторону обнаруженной птицы, то есть способности, прямо противоположной способности к настороженному движению в ее направлении. Конечно, замедление спаниеля после обнаружения им затаившейся птицы очень удобно, при такой манере работы строгая птица меньше его пугается и охотник может лучше подготовиться к выстрелу. Но надо отдавать себе отчет в том, что это же замедление спаниеля в работе по бегающей птице, как правило, приводит к тому, что птица просто убегает с чутья и собаке приходится ее снова разыскивать. Логику введения в правила испытаний спаниелей по болотной, полевой и боровой дичи требования настороженного движения к обнаруженной птице как-то еще можно было понять, если бы мы испытывали спаниелей только по дупелю или по бекасу, т. е. вдруг задалась целью перелетать спаниелей преимущественно для охоты на строгую, таящуюся дичь. А если объектом испытаний по этим правилам будет фазан, куропатка или коростель? Охота на эти виды наряду с охотой на утку, в отличие от охоты на дупеля и бекаса, для спаниеля профильная. Зачем спаниелю настороженно красться к фазану или к коростелю? Здесь, как и в работе по утке, задержки противопоказаны, наоборот, нужны скорость и решительность, иначе эти «бегунки» «дотянут» осторожную собаку до кустов, а оттуда ей их вообще никогда не выбить!

Что же получается? Правила испытаний спаниелей как по болотной, полевой и боровой дичи, так и по утке являются основными. В то же время всем известно, что количество испытаний по утке в целом по стране значительно меньше испытаний по болотной и полевой дичи, а значит, в племя идет огромное количество собак, проверенных только по правилам испытаний спаниелей по болотной, полевой и боровой дичи. Получается, что с 1972 года мы этими правилами начали изламывать комплекс врожденных рабочих качеств спаниеля, приспособлявая его для охоты по таящейся птице на участках с низкой растительностью, потихоньку уничтожая в наших спаниелях то самое качество (способность смело и решительно устремляться к обнаруженной птице), которое, по существу, является одним из главных признаков породы! Более того, в последнее время бесстрашных, дерзких и решительных спаниелей клеймят холериками, путая в большинстве случаев охотничью страсть с неуравновешенным типом высшей нервной деятельности или оправдывая этим клеймом неудачи начинающих спаниелистов, в натаске своих собак. Не поэтому ли на Всероссийских состязаниях мы очень редко видим собак, способных справиться с задачей выгона лысухи из камыша или подъема коростеля из высокой травы?

Мечту сторонников универсальности вывести на базе спаниеля собаку, одинаково эффективную для всех способов охоты по птице, иначе как вредным заблуждением не назовешь. Если, конечно, мы не ставим перед собой цель вывести «пралегавую» или «праспаниеля» — посредственную «универсальную» собаку.

Исходя из всего вышесказанного думаю, что нам надо перестать создавать правила испытаний спаниелей по разным видам дичи, а сосредоточиться на разработке единых правил, которые могут полностью выявить и оценить все врожденные рабочие качества спаниелей. Цель испытаний — отбор производителей по врожденным рабочим качествам, которые определяют специализацию группы пород, а никак не проверка пригодности использования собаки для охоты на те или иные виды дичи. Я считаю, что правильно в книге Власова Н. Н., Камерницкого А. В., Медведевой И. М.⁴ указывается: «Племенное значение имеют полевые испытания собак по тем видам дичи, для охоты на которую они выводились». Спаниели выводились для охоты на бегающую, плавающую, предпочитающую крепкие места дичь, следовательно только по такой дичи и в таких местах можно выявить и правильно оценить все его врожденные рабочие качества, в том числе основную особенность работы спаниеля — способность выпугивать. Отказ от выведения универсального спаниеля отнюдь не означа-

ет, что рядовой охотник сможет использовать представителей этой группы пород только для выпугивания и подачи битой дичи из зарослей. Спаниелей отличает от других пород и его особенная способность работать чутьем. Многовековая практика использования спаниелей на охоте для выгона дичи из крепкого места не могла не развить в целом по породе доминирование следового чутья, так как в зарослях распространение запаха от птицы затруднено и работа по следу в таких условиях, как правило, оказывается более результативной: «Верхним чутьем называют тот способ поиска, при котором собака ловит запах непосредственно с воздуха, а не с земли. Нужно считать, что лучшим способом поиска по следу является работа нижним чутьем. В этом случае собака не сбивается благодаря ряду несущихся и путающихся между собой по ветру запахов, а более внимательно и четко дифференцирует их, беря непосредственно с земли» (Языков Вс.⁵). Другими словами, спаниель очень эффективен в тех местах, где возможность применения верхнего чутья ограничена. В то же время многие наши спаниелисты как-то пренебрежительно относятся к нижнему чутью спаниелей. Большинство экспертов не уделяет должного внимания проверке его качества на испытаниях, ошибочно полагая, что о качестве нижнего чутья можно судить по качеству верхнего чутья, а собаку с верхним чутьем можно легко научить работать нижним. Приведу другую точку зрения по этому вопросу: «Я также убежден, что как верхнее чутье, так и нижнее у разных собак может быть и сильным, и слабым, независимо от манеры причувствования. Все внимание собаки с верхним чутьем сосредоточено на возможности поймать по воздуху малейшие признаки запаха непосредственно от самой дичи — и это для нее главное, почему она и игнорирует ее следы. А собака с нижним чутьем ищет прежде всего запах следа, а все другие для нее второстепенны. Безусловно, что верхочут и собака с нижним чутьем реагируют и на все второстепенные для нее запахи, но лишь при повышенной их концентрации. Вот почему, на мой взгляд, следовая собака причувствует птицу или зверя лишь на близких расстояниях, а верхочут совсем не отмечает несвежие следы» (Шиян Р. И.⁶).

Приемы работы чутья относятся к врожденным свойствам охотничьей собаки. «Что лучше всего характеризует собаку в работе? Ее ход и приемы, которыми она обнаруживает присутствие дичи, иначе говоря, ее приемы чуяния. И то и другое является следствием ее психического склада, а последний — следствие строения ее мозговой коры — носительницы высшей психологической деятельности животного».

⁵ Языков Вс. К работе по чутью (окончание). Собаководство, № 7. — 1931. — С. 4.

⁶ Шиян Р. И. Полевой досуг гончих Н. Новгород. 206. С. 72—73.

(Менделеева-Кузьмина М. Д.⁷). Поэтому я не могу согласиться с утверждениями некоторых наших весьма уважаемых экспертов о том, что собаку можно «научить работать чутьем». Максимум, что может сделать натасчик, — это поставить собаку в условия, где она быстро проявит и разовьет те приемы чужения, которые заложены в нее природой. Но все усилия даже самых лучших натасчиков будут тщетны, если они захотят развить в верховчуте от природы нижнее чутье или наоборот.

Дальнее чутье, главный бриллиант в короне рабочих качеств легавой собаки, не должно быть фетишем для спаниелистов. На что действительно надо обращать особое внимание, так это на способность спаниеля умело сочетать разнообразные приемы чужения. Причем надо понимать, что ни о качестве нижнего, ни о качестве верхнего чутья нельзя судить по манере спаниеля нести голову при отработке запаха, так как высокое или низкое положение головы в этой работе будет зависеть от многих факторов: от того, насколько запах следа свежий, от характера растительности, ветра, погоды или, наконец, просто от врожденной манеры держать голову. Для подтверждения своей мысли приведу одну цитату из статьи Налетова А. Н.⁸: «...по проверке оказывалось, что осматриваемые собаки обладали самым посредственным чутьем, а просто их владельцы увлеклись красотой работы своих собак, а главное их манерой работы во время приучивания. Я, понятно, не хочу этим сказать, что собак с дальним чутьем нет, они есть, я их видел, но то, что для одного охотника дальнее чутье, в глазах другого охотника это только манера высоко и красиво держать голову». Исходя из этого, единственным критерием в оценке качества чутья спаниелей, по всей видимости, следует признать скорость и четкость в достижении результата поиска.

Я убежден, что присуждать спаниелям дипломы высоких степеней, ставя высокий балл за чутье только по так называемой лучшей работе по перемещенной птице — неправильно, поскольку такими методами оценки чутья мы неизбежно стимулируем разведение верховчутых спаниелей, мало пригодных для своей профильной работы — охоты по бегающей птице в крепких местах. Я ни в коем случае не хочу умалить важность верхнего чутья для спаниеля, при помощи которого он безошибочно находит битую птицу и локализует преследуемую для точного выпугивающего прыжка, но следует признать, что дальние работы верных следовых спаниелей всегда будут скорее исключением, чем правилом.

Сравнительно небольшая дальность

прихватки запаха от самой птицы, что связано еще и с малым ростом большинства спаниелей, с лихвой компенсируется их удивительной способностью сочетать различные типы чутья в зависимости от погоды, местности, ветра, поведения птицы. Зворыкин Н. А.⁹ в своей работе называет такую схему работы чутья смешанной: «Смешанная работа складывается из проявлений преимущественно верхнего чутья обоих оттенков (высокого верха и верхней следовой работы) с использованием, где нужно, некоторых приемов нижней следовой работы. Это чрезвычайно удобная и добычливая комбинация всех приемов работы чутья и особенно ценная для работы по куриным». Только, в отличие от легавых, спаниелям приходится гораздо чаще использовать не некоторые, а все приемы нижней следовой работы, а вот «где нужно» они должны использовать верхнее чутье.

В чем спаниели уникальны, так это в умении пользоваться чутьем. Слагаемые этого умения — собственно чутье, наследственное охотничье поведение и уровень высшей нервной деятельности, помноженные на индивидуальный опыт. Даже очень чутьистый, но бестолковый спаниель, перевозбудившись, может нестерпимо долго кружить по набродам, будучи не способным осознать, что птицы там давно уже нет.

Конечно, чутье — важнейшее качество охотничьего спаниеля, но для успешного выполнения своей работы одного чутья ему недостаточно. Для подтверждения своей мысли приведу выдержку из работы Крушинского Л. В.¹⁰ с соавторами: «Качество следовой работы собаки в значительной степени зависит от качества ее чутья. Вместе с тем необходимо отметить, что ни в одной из трех групп сопоставления оценок чутья и следовой работы не дало полного совпадения. Среди собак с отличным чутьем оказались особи, плохо работающие по следу, и, наоборот, некоторые собаки со средним чутьем показали отличные результаты в работе по следу. Таким образом, результаты проведенного сопоставления показывают, что роль чутья в следовой работе хотя и весьма значительна, но не всегда является решающей... Следовая работа и условия, в которых она происходит, гораздо сложнее, чем отыскивание мяса в опыте по определению чутья, и требует у собаки кроме острого чутья и других качеств. Большое значение, несомненно, имеет степень и характер развития у собаки основных безусловно рефлекторных реакций... и типологических свойств высшей нервной деятельности, а также степени приученности собаки к поиску и запо-

минанию определенных запахов...». Искать дичь там, где вероятность ее обнаружить наименьшая; быстро разбираться в несметных набродах; при потере запаха дичи или ее следа продолжать его поиск осмысленно и целеустремленно; экстраполировать увеличение концентрации запаха следа на приближение к самой дичи, с тем чтобы мгновенно локализовать ее верхним чутьем, — для всего этого помимо хорошего чутья спаниелю нужна еще и хорошая голова. К сожалению, оценка интеллекта спаниеля правилами испытаний спаниелей по болотной, полевой и боровой дичи возможна только в разделе «Постановка и послушание». В этом отношении правилам испытаний по утке «повезло» больше, так как гра-

Русский спаниель Руслан, вл. А. Прошин

фа «Мастерство» и требование целесообразности в поиске в разделе «Поиск на суше», такую возможность экспертам дает.

Интеллект спаниеля в полной мере проявляется в поиске и отработке прихваченного запаха. Механически правильный челнок спаниеля в поиске на открытом участке говорит о способности спаниеля усваивать требования охотника — очень важное качество, которое должно оцениваться в разделе «Постановка», но ничего не говорит о его охотничьем уме. Поэтому на охоте и испытаниях у спаниеля нужно ценить осмысленный и целесообразный поиск с учетом местности, ветра и повадок дичи и очень критично относиться к собаке, которая челочит, как заведенная, без учета направления вет-

⁷ Менделеева-Кузьмина М. Д. Типы работы легавой (Окончание) // Собаководство и дрессировка, № 5. — 1926. — С. 8—10.

⁸ Налетов А. Н. О чутье подружейных собак // Собаководство и дрессировка, № 17. — 1927. — С. 10—11.

⁹ Зворыкин Н. А. Оценка легавой на охоте // Питерский охотник.

¹⁰ Крушинский Л. В., Флесе Д. А. и Рылов В. В. Чутье собак и его роль в поиске по следу.

ра и характера местности. Думаю, что большинство со мной согласится, что такое качество спаниеля, как быстрота поиска, зависит не только от скорости его хода и качества его чутья, но и от возможностей его психики быстро реагировать на изменения среды, что позволяет ему оптимизировать все свои перемещения в пространстве и быстро находить дичь. В своей статье Крушинский Л. В.¹¹ с соавторами отмечает: «Корреляция между качеством работы и активностью поиска несколько выше, чем между качеством работы и остротой обоняния... Очевидно, собаки, обладающие малоактивным поиском, несмотря даже на значительную чувствительность обонятельного аппарата, не используют его в должной степени. И наоборот, собаки, обладающие активным поиском, даже при невысокой чувствительности обоняния, могут его использовать в достаточной для данного вида розыскной службы степени». Хороший спаниель — это умная, а значит быстрая охотничья собака, быстрая во всем: и в ходе, и в отработке запахов, и в работе на подъеме птицы. Стремительность, энергия, смелость и решительность — именно эти качества собаки, являющиеся производными слава чутья, ума и охотничьей страсти, заставляют трепетать сердце любого истинного охотника, а тем более охотника со спаниелем.

Охота в высокой траве и камыше, в топких болотах и на воде на бегающую, плавающую и ныряющую дичь вкуче с постоянно возникающей необходимостью находить и преследовать подран-

ков требует от спаниелей очень большой настойчивости. Настойчивость спаниеля проявляется не только в стремлении смело и решительно обыскивать самые непролазные крепи и топи, но и в способности продолжать поиск запаха следа или дичи после его потери. Как бы это ни показалось парадоксальным, но чтобы чутя, собака должна время от времени терять запах. Вспомните, если вы долго находитесь в комнате, где постоянно курят, то через некоторое время поразивший вначале вас запах дыма перестает вами восприниматься, и чтобы его снова ощутить, вам придется некоторое время постоять на свежем воздухе. Спаниель не может не потерять запах птицы, прихваченный во время выпрыгивания из высокой травы, или запах следа, делая круговые охваты в поисках более сильной концентрации запаха. Промежутки времени между потерей и обретением запаха спаниелем могут быть очень большими, в особенности если спаниель пытается снова найти запах выпугнутой им, а затем битой или подраненной охотником птицы. Запоминать запах и длительное время продолжать его поиск могут только очень настойчивые собаки, какими и должны быть спаниели. Именно благодаря настойчивости спаниель залезает в самые невероятные заросли в поисках живой птицы и находит всю раненую или чисто битую дичь. Настоящий настойчивый спаниель не может бросить розыск битой птицы, а тем более бросить свежий след подранка, прельстившись запахом новой дичи. Действующие правила испытаний по болотной, полевой и боровой дичи отводят на оценку этого важнейшего спаниельского качества слишком мало баллов, а проверка собак по болотным видам на открытых участках вообще не позволяет его выявить в полной мере. Ведь недаром в Руководстве к проведению полевых состязаний¹², организуемых Ассоциацией полевых состязаний английских спрингер спаниелей США в разделе, посвященном требованиям к угодым, записано: «Спрингер спаниели известны как собаки, смело и с желанием работающие в густой, труднопроходимой растительности. Проведение состязаний на угодыях с невысокой, не представляющей никаких трудностей для работы собаки растительностью не позволит в полной мере выявить рабочие качества спаниелей».

В свою очередь, действующие правила испытаний спаниелей по утке предусматривают для оценки настойчивости избыточное количество баллов — целых 20:10 в разделе «Настойчивость»

¹¹ Крушинский Л. В., Чуваев А. В. и Волкинд Н. Я. Новые данные по изучению чутья у собак // Зоологический журнал, т. XXV, вып. 4. — 1946. — С. 373—382.

¹² Руководство к проведению полевых состязаний (перевод FIELD TRIAL MANAGEMENT // Клуб породы «Русский спаниель»: Интернет-сайт. Режим доступа: [http://www.ros.nnov.ru/news/files/rukovodstvo — 2006].

и 10 в разделе «Работа на воде». В разделе «Работа на воде» экспертам предлагается оценивать быстроту и умение спаниеля плавать, но я не знаю ни одной собаки, а тем более спаниеля, которая не умела бы плавать. Вода относится к трудным участкам угодий, и тот спаниель, который плавает неохотно, имеет проблемы с настойчивостью, поэтому способность спаниеля «к преодолению водных препятствий (сплешней водородослей, коряг и др.) и к длительной работе в воде» (Правила испытаний спаниелей и ретриверов по утке, 2005 г.¹³) относится к настойчивости.

Настойчивый спаниель сделает все, чтобы не оставить охотника без добычи, но большинство из нас ходит на охоту не для добывания мяса. Истинный ружейный охотник в охоте ценит прежде всего красоту работы породной, кровной собаки и никогда не опустится до стрельбы из-под добычливой, но беспородной шавки. В чем же заключается красота работы породистой охотничьей собаки? Обратимся к книге Гернграсса Р. Ф.¹⁴: «Всякое же породистое, кровное животное, полученное путем устойчивой передачи главных признаков породы, делается в своем роде красивым благодаря сильному, яркому выражению этих типичных признаков, проявляемых в работе...». Каждая группа пород охотничьих собак имеет свои, в полной мере присущие только ее представителям признаки, четкость, смелость и выраженность которых в работе и составляет главный предмет восхищения истинных охотников. Настоящий гончатник, готовый отдать последнее за возможность услышать неповторимую музыку гона стаи гончих, настоящий легашатник, наблюдающий затаив дыхание за летящей на непередаваемом аллуре легавой в ожидании момента, когда этот ход будет прерван аффектированной стойкой, и настоящий спаниелист, ждущий с замиранием сердца, когда решительный прыжок спаниеля в кусты или его звонкое взлаивание в камыше вдруг взорвут пространство хлопаньем крыльев, всегда будут считать досужими разговоры об универсальных собаках.

Установление связи между красотой работы, проявляющейся в ярком выражении главных признаков породы, и степенью кровности охотничьей собаки привело к включению в правила испытаний легавых раздела «Стиль работы», а в правила испытаний гончих — раздела «Музыкальность». Тем не менее, я думаю, присутствие в правилах испытаний спаниелей по болотной, полевой и боровой дичи разделов «Стиль хода» и «Стиль подводки» несколько надуманно. Спаниель не должен иметь какой-либо закреплённой манеры дви-

¹³ Правила проведения испытаний и состязания охотничьих собак. Киров, 2006. С. 120—124.

¹⁴ Гернграсс Р. Ф. Полевые испытания легавых подружейных собак. Изд. 3-е, пересмотренное и доп. М.-Л., 1935. С. 78.

Русский охотничий спаниель Марта (вл. Кистенев) в лугах

жения, особенно в части положения головы в поиске, так как его задача — искать запахи там, где его можно найти. Американцы в Комментариях к «Стандарту проведения состязаний»¹⁵, методическом пособии для участников и судей состязаний, еще более категоричны: «Поскольку функция спаниеля — поиск и выпугивание дичи, выбор манеры поиска должен быть полностью подчинен достижению этой цели, а не доставлению эстетического удовлетворения». Красиво смотрятся свечки спаниеля, когда он выпрыгивает из высокой травы для того, чтобы скоординировать свое положение относительно охотника или чтобы попытаться прихватить запах непосредственно от птицы. Но это больше говорит о стремлении спаниеля поддерживать контакт с охотником и об умении пользоваться ветром, чем о стиле. Пояснения же к определению стиля подводки в ориентировочной шкале примерных расценок правил испытаний спаниелей по болотной, полевой и боровой дичи во второй своей части («... работа собаки при «подводке» в полном контакте с ведущим и подъемом птицы с заходом на него») к понятию «стиль» вообще не имеют никакого отношения.

Красота работы спаниеля заключается не только в его неповторимой манере поднимать птицу прыжком, но и в беззаветном стремлении после удачного выстрела бережно приносить ее хозяину. Без подачи нет спаниеля, спаниель должен подавать всегда отовсюду. Для этого ему необходимо обладать некоторыми специфическими врожденными качествами. У спаниелей должны быть гипертрофированно развиты ориентировочные реакции в части хватания, в отличие от легавых, у которых в результате племенного подбора эта реакция заторможена на первых фазах. Следствие этого: потяжка, стойка, настороженная подводка. В то же время склонность спаниелей к подаче в части стремления схватить дичь, по всей видимости, связана со способностью спаниеля к решительному движению в сторону птицы после прихватки ее запаха. Замечено, что спаниели, которые колеблются перед тем как поднять птицу или делают по ней стойку, очень тяжело обучаются подаче. Крайний случай проявления такой боязни птицы в английской и американской литературе обозначается термином *blinking*. За отказ от выпугивания в Америке спаниель вообще снимается с испытаний. Причиной боязни птицы может быть как врожденный порок, так и ошибки владельца при натаске своей собаки. Желая выработать у спаниеля потяжку или даже анонс, владельцы в большинстве случаев вырабатывают отказ от выпугивания.

К специфическим качествам, обеспечивающим стопроцентную подачу

птицы спаниелем, относится также его способность замечать место падения битой птицы, с тем чтобы безошибочно выйти в эту точку. Эта способность спаниеля удивительна еще и тем, что идет он к этому месту часто не по прямой, а обходя различные препятствия.

К важнейшим врожденным качествам спаниеля относится его способность подчиняться человеку. «Прочие природные свойства могут быть очень высоки, но останутся совершенно неиспользуемыми, если собака не подчиняется охотнику» (Гернгросс Р. Ф.¹⁶). Нет ни одной подружейной собаки, которая могла бы охотиться для человека без какой-либо предварительной натаски. К сожалению, до сих пор в среде охотников бытует мнение, что спаниель не требует больших усилий в этом деле. Однако я убежден: научить даже очень способного спаниеля останавливаться на горячем следу по команде; без команды садиться при взлете птицы и выстреле; управлять им жестами и звуковыми сигналами, наводя его на место падения дичи, которого он не видел, и т. д. и т. п. под силу далеко не каждому натаскщику. Я не буду здесь говорить о методиках натаски спаниелей. Скажу лишь, что существующая по этому вопросу отечественная литература очень бедна и примитивна, в лучшем случае это компиляция из книг по натаске легавых таких блистательных авторов, как Домманже, Оберлендер, Яблонский и других. Посему я бы рекомендовал начинающему спаниелисту, если он знаком с английским языком, в деле натаски своего спаниеля взять на вооружение книгу американского натаскича спаниелей Джеймса Сенсера «HUP», а если нет, то обратиться к указанным выше первоисточникам.

Спаниель — серьезная специализированная охотничья собака. Его предназначение на охоте заключается в том, чтобы, находясь в полном контакте с охотником, быстро и с проявлением страсти обыскивать уголья с крепкими местами, находить и смело выпугивать птицу под выстрел, а после выстрела отыскивать убитую птицу или подранка и охотно приносить ее в руки.

Чем быстрее наши охотники и заводчики признают спаниеля специализированной, а не универсальной охотничьей собакой, тем осмысленней и целенаправленней будет вести племенное дело и тем больше в работу с этой группой пород придет настоящих охотников. Это признание будет стимулировать и рядовых пользователей изучать и анализировать рабочие качества спаниелей, поскольку успешная подготовка спаниеля к охоте требует не только терпения, труда, но и досконального знания особенностей его полевого досуга.

Евгений БЕРЕСТОВСКИЙ

Впервые я подержал это ружье в руках будучи еще студентом в тепер уже далеком 1975 году (фото). Тогда оно принадлежало бывшему фронтовому разведчику, заядлому охотнику и дяде моего отца Роману Ивановичу Финогонову. Потом по наследству это ружье перешло к его племяннику и охотнику не менее заядлому — к Константину Ивановичу Денисову, а теперь вот досталось мне.

Соответственно, захотелось узнать о нем побольше, поскольку кроме того, что эта курковая «иномарка» .410 калибра (этот калибр обозначают еще как 36. Диаметр канала ствола 10,3—10,5 мм) беспроблемно валила белок и куниц, в другие подробности как-то не вдавались, хотя и упоминалась фирма «Баярд». Ружье было вывезено из Германии в конце Второй мировой войны в качестве трофея.

По клеймам на стволе и колодке удалось выяснить, что это простенькое внешнекурковое ружьецо № 42697 (на стволах есть еще № 18653) изготовлено на бельгийской фабрике «Дюмулен» (F DUMOULIN C^{IE} LIEGE), вероятнее всего в конце 30-х годов прошлого века. Длина стволов 760 мм, вес 1050 г, диаметр каналов 10.33/10.3 мм, патронники 65 мм под латунную гильзу с толстым доньшком, сверловка цилиндрический цилиндр, испытаны дымным и бездымным порохом. Ложа и приклад из ореха были покрыты лаком светлокаштанового цвета. Затыльник металлический. Вес ружья 2140 г.

Если не принимать в расчет несколько боевых царапин, внешняя черненная поверхность стволов — без механических повреждений и следов коррозии. Сверловка почти идеальная, однако каналы чуть поведены в середине при пайке. Мелкая коррозионная шероховатость в стволах видна в основном за патронниками, но бросающихся в глаза раковин нет. На цефье и колодке, сделанных, по-видимому, из легированных сплавов, коррозия отсутствует.

Надо было найти этой «игрушке» достойное применение, чтобы не пылилась в сейфе, как декоративный экспонат. И такая вакансия у меня имелась под названием «за белыми куропатками по чернотропу». В это время чаще всего получается стрелять этих птиц или накоротке, или сидящих, поэтому метать «сарай» дроби из моих ружей 12 калибра в такой ситуации весьма неуместно и расточительно.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Пробежался по магазинам охотничьих товаров, поговорил с продавцами и выяснил, что на готовые патроны 410 калибра с гильзой 65 мм рассчитывать не приходится — не бывает такого товара. После долгих поисков нашел отечественные пластмассовые гильзы 410/76 с усиленным

¹⁵ Организация и судейство состязаний спаниелей (перевод THE CONDUCT AND JUDGING OF SPANIEL FIELD TRIALS) // Клуб породы «Русский спаниель».

¹⁶ Гернгросс Р. Ф. Полевые испытания легавых подружейных собак. Изд. 3-е, пересмотренное и доп. М.—Л., 1935. С. 86.

Маленькое ружье — большие заботы

донишком под «Магнум» и два десятка комиссионных бумажных «METIN» 410/65, войлочные пыжи и пластиковые пыжи-контейнеры, свинцовые пули «Блондо», порох «Сунар-410», ручную закрутку, высечку и шомпол с насадками. Вопрос с патронташем был решен оригинально и без затей — у меня уже давно лежала без дела кожаная охотничья сумка, внутри которой шиты кармашки под 8 патронов 12 калибра, и в одну такую ячейку аккуратно по размеру входят 2 патрона 410 калибра, а дополнительный боезапас можно хранить там же, в отдельном подсумке под 12 калибр.

Позже в автомагазине случайно наткнулся на струблевый набор из шести прекрасно заточенных высечек для пробивки отверстий диаметром 6,5, 8,5, 10,5, 12,5, 14,5 и 16,5 мм. Если бы вместо высечки 6,5 или 8,5 мм была 18,5 мм, то этот набор оказался бы универсальным для всех ходовых калибров! Причем войлочные и дробовые пыжи можно ими не вырубать, а вырезать простым надавливанием. Шикарной наковальной okazaлся толстый обрзок фторопласта.

Вопрос с навойниками был решен, когда я увидел выброшенные кем-то новые клапаны для различных двигателей. Один прекрасно подошел в качестве собственно навойника, а вторым, с коническим переходом, оказалось очень удобно выправлять дульца стреляных гильз и прижимать дробовой пыж.

Обычная ручная закрутка для 410 калибра сделана под гильзы 70—76 мм, поэтому для завальцовки укороченных до 65 мм гильз длины пресс-болта с матрицей не хватает. Из нескольких испробованных вариантов доработки наиболее простым и удачным оказался со вставкой резиновой или пластиковой пластинки под донишко гильзы. На бумажную гильзу перед завальцовкой дульца надеваю жесткую пластиковую трубку длиной 45 мм, которая не позволяет деформироваться гильзе при силовом давлении во время завальцовки.

Опыт показывает, что качественно капсулировать гильзы и декапсулировать стреляные предпочтительнее в стандартном УПСе, поэтому надо было лишь выточить посадочный штырь под гильзу 410 калибра, и на период снаряжения заменяю им штатный под 12 калибр.

Я не ставил перед собой задачи добиться максимальной кучности и резкости боя или равномерности осыпи, поэтому, почтаив литературу по охот-

ничьему оружию 410 калибра и снаряжению патронов к нему, решил, что для стрельбы дробью буду применять только пыжи-контейнеры, а вес снаряда мелкой дроби №5—8 утвердил для себя в $13\pm 0,5$ г, хотя в контейнер вмещается 10—11 г. Для рекомендуемой заводом-изготовителем «дозы» пороха «Сунар 410» в 0,95 г и для дроби сделал мерки, исключаящие «передозировку». Поскольку порох «Сунар 410» очень компактный, то места в гильзе для дроби остается предостаточно. На всякий случай снарядил несколько патронов с дробью №1, которая ложится в контейнере по 3 штуки в 7 слоев, и еще 3 слоя сверху умещается в кольцо, образующееся в результате обрезки пластиковой гильзы 410/76 мм. Кстати, для укорочения гильз сначала вставляю их в подобранную по внутреннему диаметру пластиковую трубку длиной 65 мм (другой ее кусок длиной 45 мм надеваю на гильзу перед завальцовкой дульца), а потом излишек отсекаю острым ножом и, разрезав получившееся кольцо с одного бока, использую его в качестве контейнера.

Покупные мохнатые войлочные пыжи 410 калибра проваливались в гильзы без признаков обтюрации, поэтому пришлось от них отказаться, а вырезать самому из плотного белого войлока толщиной 8 мм, полосы которого использую внутри упаковочных ящичков для приборов. Дробовой пыж пробовал высекать из разного картона и полиэтиленовых пластин, но наиболее удачным материалом оказался как мягкий, так и жесткий пенополиуретан толщиной 8 мм. При завальцовке дульца он упруго деформируется, подпружинивает дробь и, кроме того, создает влаго непроницаемую пробку. Придает веса в нем никакого, а номер дроби, подписанный водостойким маркером, вьедается намертво.

Несколько патронов снарядил картечью 8,5 мм, которая плотно ложится внутри контейнера из двух обрезков от гильз в столбик из трех штук. Свинцовая пуля Блондо 410 калибра нуждается в обработке задней торцевой части напильником для получения плоской поверхности. Вес ее $15\pm 0,5$ г. В гильзу эта пуля входит очень плотно — не выковырнуть — и потому можно обойтись без завальцовки.

Все, что я наснаряжал, было отстреляно с 20 и 35 м по диском-мишеням диаметром 45—50 см, вырезанным кем-то из дщиц пластиковых бочек и брошенным за ненадобностью. Результаты стрельбы из положения лежа удовлетворили меня совершенно. Делал по

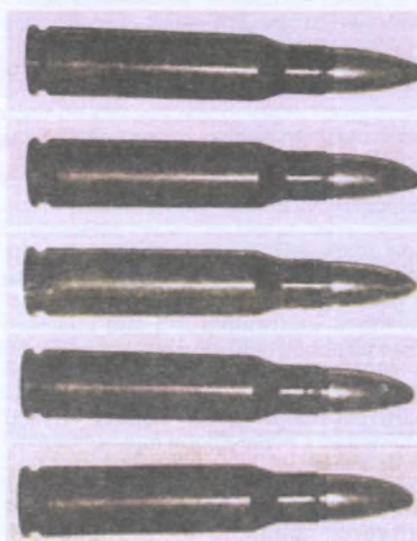

1 Общий вид ружья Дюмулен 410 кал.
2 Казенная часть стволов с надписью
3 а. колодка с частью ложи
б. цевье
в. нижняя сторона стволов с клеймами

3 выстрела из каждого ствола. Выстрел резкий, но отдача шутейная. Все пули легли ближе к центру, вся картечь оказалась в мишенях. На дистанции 20 м ни у сидящей куропатки (дробь №7—8), ни у зайца на лежке (дробь №5) шансов нет никаких, чего не скажешь про расстояние в 35 м, но для такого варианта охоты у нас есть 12 калибр. Тонкостенные донишки одноразовых гильз «METIN» 410/65 после выстрела «распухли», а капсюльные гнезда «разнесло», что не удивительно, поскольку патронник сделан под латунные гильзы с толстой закраиной. А вот обрезные усиленные 410/76 уже успешно пошли и по 3—4 кругу, но капсулировать их приходится или вровень, или даже недосаживая на 0,1—0,2 мм, иначе случаются осечки — не хватает длины бойков.

А теперь про охоту. Из внешнекурковых ружей раньше не стрелял, поэтому пришлось запомнить, что передний спуск — это правый ствол, а задний — это левый. После полуавтомата МЦ—12 в 3,7 кг изящная «бельгийка» в руках словно игрушечная, ношу ее вообще без погона. Вполне удачно стрелял по чернотропу белых куропаток, как сидячих, так и влет, на дистанции до 25 м, а вот до зайцев дело пока не дошло. И хочу отметить, что в такой охоте есть свой шарм и эстетика!

Пять писем на одну тему

Патроны кал. 7,62x51 после прогона через магазин карабина «Лось 7-1» (из письма А. Чайки)

К нам в редакцию пришло несколько писем от охотника из пос. Новый Ургал Верхнебуреинского района Хабаровского края. Тема их одна — плохое качество карабина Лось 7-1 производства ИЖМАШа. Возможно, кто-то подумает: сколько можно об одном и том же, написал раз — и хватит! Но обратите внимание на адрес автора этих писем — Верхнебуреинский район. Это промысловый район, охота там — занятие практически каждого взрослого мужчины. Это жизненно необходимая, серьезная составляющая бюджета многих семей. И отношение к нарезному оружию там совершенно другое в сравнении, например, с Европейской частью России или даже Западной Сибирию.

С давних времен повелось, что в Восточной Сибири, Забайкалье и на Дальнем Востоке на промысле основным оружием было «пульное» ружье — винтовка. Условия охоты требовали этого. И в годы резких ограничений на нарезное оружие все равно каждый охотник мечтал именно о винтовке. И появилась наконец возможность приобретения вожделенного оружия. А теперь представьте себе обиду и разочарование промыслового охотника (далеко не самая богатая часть нашего общества) после того как он, скопив денег и потратившись с получением лицензии, наконец-то покупает себе карабин.

Свой выбор он остановил на карабине «Лось» производства Концерна (!) ИЖМАШ — самого солидного производителя нарезного оружия в России. Дадим слово автору писем А. Н. Чайке.

«При осмотре в магазине каких-либо дефектов не заметил. Дома стал проверять, как он подает патроны из магазина, и обнаружил: гнет концы полу-

оболочек, гнет так, что о какой-либо точной стрельбе говорить вообще не приходится. Сделал оправку, концы пуль переформовал, деформация стала меньше, но совсем не исчезла. Пошел стрелять, ну нельзя полуоболочкой — буду оболочкой; а они не все заходят в ствол, некоторые утыкаются и вообще не идут в патронник. Один я силой деформировал, и чтобы вытащить, пришлось использовать нож.

Такого откровенного конструкторского брака и халтуры в нарезном оружии я еще не встречал. Номер ОТК-57 в квадрате, карабин — 05660654. Начальник ОТК ГП — так отписал вместо подлиси, цех № 10. Ни возиться с судом, ни везти его в ремонт я не могу — дорого! Остается только поодиночке патрон без магазина заряжать и стрелять. Пишу с надеждой, что письмо опубликуете и кто-то другой в такую беду, как я, не попадет. Знаю еще такие карабины, все они имеют дефекты».

А вот цитата из другого письма того же автора: «Я беру на себя смелость утверждать, что карабин Лось-7 имеет конструктивный брак, делающий его смертельно опасным в эксплуатации при охоте на таких зверей, как кабан и медведь... Для своего карабина я купил новый магазин, его цена 1450 руб. Ну, вроде бы входит нормально. Ходил, ходил с ним, а он раз — и упал: оказывается, он не фиксируется.

Знакомый тоже купил Лось-7-1. Все вроде бы хорошо, стал патрон гонять, а правый из одного магазина утыкается в срез ствола. Итак, я не знаю ни одного карабина Лось-7-1, который бы не имел проблем.

Дали мне ксерокопию статьи А. Корстелева в разделе «Оружие и сна-

ряжение». Там на стр. 30 описана система со свободной подачей. Автор назвал ее «достаточно надежной». Мы тут с охотниками судили-рядили и никак не поняли, что такое «достаточная надежность». Если судить по моему карабину и карабинам знакомых, то эта система очень ненадежна. Ну, например, падаем и перезаряжаем, упал на бок — перезаряжаем, на спину упал — перезаряжаем, по грудь в воде — перезаряжаем. Ведь в тайге мягкого стульчика под задом нет, обитого войлоком подоконника — тоже нет. Система должна быть абсолютно надежной, недостаточно надежная винтовка просто опасна... Какая может быть плавность движений при стрельбе по медведю под собаками или по козлу на бегу? Тут нужна скорость, надежность, точность, мощность. А вместо этого игра в рулетку. То ли патрон пойдет в патронник, то ли упрется в срез ствола, то ли стреляная гильза улетит далеко, то ли останется в коробке...

А. Дорф в журнале «Ружье» пишет: «Наши конструкторы способны решать самые неожиданные задачи». Ожиданные, запланированные не могут решать, куда уж там неожиданные, да еще и сложные. Эти самые «Лоси» — семерки и девятки, они как — ожидаемые? Или неожиданные? Вроде бы ожидаемые, а подача очень ненадежная, хром отлетает, мушки косые, патроны утыкаются и т. д. и т. п. Старый штатный охотник, имеющий в аренде охотничий участок, про карабин «Лось» сказал: «Это смерть!»

Через некоторое время в редакцию пришло еще одно письмо нашего же автора. Читаем. «...Мы привыкли безоговорочно верить нашим оружейникам. А надо ли? Вчера я осматривал ТОЗ-122. По сравнению с Лосем-7-1 (если следить по публикациям) — это просто «золушка». Ну, не классика! Но зато патроны подаются, оболочки, полуоболочки, длинные, короткие, с тонким фланцем, с толстым. Подаются в любом положении. Патрон садится в чашку затвора, когда он еще не вышел за габариты магазина, после этого практически в контролируемом варианте идет в патронник. Никаких утыканий! Все работает как должно. Вопрос — почему? Ответ прост — конструктор думал головой... умный и честный человек. Не имея ТОЗ-122, от своего имени и от имени охотников говорю: «Спасибо!» Подержал в руках вещь, и легче на душе стало. Да, вот еще одна беда у «лосиков» — в паспорте написано «пристрелян», а на самом деле СТП (средняя точка попадания) на 0,5 м в стороне — явление обычное».

Последнее письмо А. Н. Чайки, адресованное конструктору карабина «Лось-7-1» г-ну Шамаеву В. А., с публикацией фотографий патронов после «прогона» их через магазин карабина Лось-7, редакция нашего журнала решила опубликовать полностью.

«Господин Шамаев В. А.! Посылаю вам и вашему руководителю Суслопарову фотографии патронов, прогнанных через ваше изобретение — карабин «Лось-7-1». Плюс к этому опишу еще вот какую неисправность. Начинаем выбрасывать из карабина или гильзы, или патроны: первый вылетает далеко, второй ближе, третий — еще ближе, ну а последний иногда и в коробке остается. Полуоболочка, прогнанная через ваше изобретение, еще в ствол заходит, а оболочки же очень часто упираются в срез ствола и вообще в ствол не заходят.

Я очень небогат. Покупка карабина для меня — эпохальное событие. Действовать по закону о защите прав потребителя финансовых возможностей не имею. Если вы человек порядочный, жду ваших действий и объяснения. Мой адрес: 682071 Хабаровский кр., Верхнебуреинский р-н, п. Новый Урал. ул. Ростовская, д. 8, кв. 80 А. Н. Чайке».

Кто-то может сказать: ну, попался плохой экземпляр, может, даже не один, но Лось-7-1 выпускается уже давно, а раз выпускается, значит есть спрос и, возможно, не все так уж плохо. На это хотелось бы ответить следующей восточной поговоркой: «Если мне жмут ичиги, то какая польза, что мир широк».

А. БЛЮМ

А «Белку» сняли с производства

Написать вам письмо меня заставило купленное в этом году ружье ИЖ-94 «Север» 20x76+5,6x39. Мне 64 года, я ветеран труда, ваш журнал выписываю почти с 1-го номера и по сей день (с небольшими перерывами — армия, учеба...). 15 лет был охотником-договорником в коопзверопромхозе, имел участок. Добывал белку из ружья 12 кал. И, бывало, таскал с собой еще и «Бердан» 28 кал. За сезон добывал до 100 белок.

Была у меня одно время «Белка-3», потом у меня ее отобрали (начальнику милиции очень понравилась). Вот это была вещь! Удобство, дизайн, вес, неприхотливость — все продумано!

И вот теперь приобрел я этот «Север» с оптикой за 20 тыс. рублей. По замыслу — лучше не надо! Но даже по дизайну, не говоря уже об остальном, с «Белкой» и рядом поставить этого «урода» невозможно. База от ИЖ-27 — это, сразу скажу, губит замысел универсального промыслового ружья. Рычаг открывания на «Белке» — это удобство, быстрота. На «Севере» — это не для промысла: открывать, лезть рукой под оптику даже без рукавицы неудобно.

Ружье ИЖ 56-3 («Белка-3»)

Мушка болтается, какой-то дурацкий «Гнеток» вместо стопорного винта. Не мог вернуть мушку, смялась пружина. При установке кронштейна штатного Вологодского завода с минимальным натягом отвалилась планка под крепление «ласточкин хвост» — непропай. Это — качество изготовления.

Теперь при запрете переходника под кал. 5,6 бокового огня теряется всякий смысл универсального промыслового ружья. И что же получается? При таком изобилии охотничьего оружия мы опять не имеем более-менее универсального промыслового оружия. Нельзя же, в самом деле, ту же «Тайгу» назвать промысловым ружьем? Кто с ней охотится, еще не одним добрым словом не отозвался. Ну и вывод: опять, видимо, придется заниматься самодеятельностью.

Р.С. Помимо вашего журнала, выписываю еще один журнал — для богатых. Ваш журнал намного актуальнее, охватывает все области, постоянно публикует проблемные статьи, борется за сохранение природы, улучшает хозяйствования и т. д. А богатым это надо? Они больше все о развлечениях, «сафари» и т. д.

И еще. Начиная с 90-х годов пушнину у нас никто не брал. Три года не могли пристроить 5 шкурок куницы, двух соболей, 19 норок. Я сам 10 лет вообще не добывал пушнину. Теперь появляются какие-то скупщики, берут дешево, но хоть какой-то смысл появился добывать пушнину, а главное, общаться с природой.

В. РЫБАКОВ
г. Тобольск

Комментирует Алексей Блюм.

Не знаю, как другие, а я всегда испытываю чувство неловкости, читая письма,

в которых наши читатели высказывают жалобы и претензии в адрес наших изготовителей охотничьего оружия и патронов. Как же получается, что по качеству и номенклатуре армейского вооружения мы впереди планеты всей, а качество и ассортимент массовых образцов охотничьего оружия вызывает столько нареканий?!

И опять о промысловом ружье. Неужели трудно уяснить, что на пушном промысле основной патрон 5,6 кольцевого воспламенения (LR), а более крупные калибры работают только как вспомогательные. Патрон 5,6x39 — сколько раз за сезон им воспользуется охотник — 5—10 выстрелов, добыть может коосулю, кабаргу, северного оленя, ну глухаря метров за 150, и все! Расход же малокалиберных патронов при наличии белки исчисляется сотнями.

Гладкий ствол 20 или 28 кал. нужен, без него, бывает, не взять белку и иногда даже соболя или куницу в хорошем кедряче или ельнике. Да и выстрел пулей накоротке может пригодиться.

Промысел — это не любительская охота неделю-другую в году, когда можно примириться даже с тяжеловатым ружьем, а десятки километров изо дня в день, где лишние граммы постоянно дают себя чувствовать.

В конце концов, если конструкторам не под силу создать недорогое легкое комбинированное ружье для промысла с гладким стволом не крупнее 20 кал. и нарезным под 5,6 кольцевого воспламенения, то вернитесь к «Белке», потому что лучше нее таежникам до сих пор ничего не предложили.

ЗАКРАЙКИ

Николай СТАРЧЕНКО

Юбиляр Николай Николаевич Старченко

Нынешняя весна для нашего постоянного автора Николая Николаевича Старченко особенная — две памятные даты сошлись: 55 лет со дня рождения и 40 лет творческой деятельности. Ведь начал публиковаться рано — еще школьником, когда районная газета «Восход» Брянской области напечатала его первый рассказ «Кузя». Прототипом главного героя был односельчанин, старый партизан и охотник. В 1994 году окончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета. Прошел подлинную школу журналистского мастерства в областной и центральной прессе, все ее ступени — от корреспондента до главного редактора. Возглавлял Орловскую областную молодежную газету, всесоюзный журнал «Юный натуралист», а в 1994 году основал первый в России семейный журнал о природе «Муравейник». Через пять лет, в 1999 году, при журнале было открыто и книжное приложение — литературно-художественный иллюстрированный ежегодник «Охотничий сборник».

Николай Старченко — автор нескольких книг прозы: «Черемуховые холода», «Будет день», «Сутоки», «Монолог в апреле», «Косогор», «Небесная подкова», сами названия которых говорят о любви к природе. Его регулярные художественные очерки в журнале «Охота и охотничье хозяйство», посвященные сбережению природно-исторических мест, связанных с охотничьими маршрутами классиков русской литературы И. Тургенева, А. Фета, И. Бунина, А. Куприна, И. Соколова-Микитова, Ю. Казакова, находят неизменно живой отклик у читателей. Российским охотникам полюбилась книга охотничьих рассказов Н. Старченко «Закрайки», новые страницы которой мы сегодня публикуем.

Член Союза писателей и Союза журналистов, кандидат филологических наук, член-корреспондент Академии российской словесности. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Н. М. Карамзина «За Отечествоведение», премии имени А. К. Толстого «Серебряная лира» и премии имени С. Т. Аксакова за вклад в издательскую и просветительскую деятельность по охотничье-рыболовной тематике. Почетный гражданин Суражского района Брянской области. Почетный член Росохотрыболовсоюза, Заслуженный работник охотничьего хозяйства России.

Сердечно поздравляя Николая Николаевича Старченко со славными юбилеями, редакция нашего журнала желает ему крепкого здоровья, неиссякаемой энергии, житейского и охотничьего счастья, новых творческих успехов!

После тяги

Быстро летит время! Кажется, совсем недавно чуть ли не крадучись выходил я из родительского дома — благо, стоял он с краю деревни — на вальдшнепину тягу. И отходил нарочно подальше, за три версты, чтобы и выстрелы мои не доносились до деревни. Ведь никто тогда, четверть века назад, в наших краях не только не охотился на вальдшнепов, но даже и не слышал про такую птицу. И мне, признаться, очень не хотелось выдавать эту последнюю тайну нашего деревенского леса. Но проговорились мои домашние — и тут уж волей-неволей пришлось открыться перед земляками-охотниками... И вскоре вся округа апрельскими вечерами загремела от частой пальбы.

Вот и сегодня собралось нас на вальдшнепов аж восемь человек. Это все родичи моего друга-лесника: уже взрослые его сыновья, племянники, двоюродный брат, шурин, свояк — приехали из разных городов и весей накануне Радоницы, родные могилки навещать. Встали на тягу длинной цепью от бывшей жастковской фермы до самого Калугина болота. А вечер выдался мягкий, мгlistый, с теплым припарком от только что освободившейся от снега земли — и лесные кулики тянули невысоко и не спеша. Все стрелки отли-

чились, только шурин с Украины по неопытности не смог попасть, хоть и палил больше всех. И весело встретил нас мой друг-лесник на дороге у большой, поместительной телеги. На закате солнца он успел поставить под старыми березами ведра и бидоны под березовый сок, а потом и пару долгоносиков добыл. И вот стоит он широко, крепко, в победительной позе у своей телеги, на которой высоко, пышно уложено прошлогоднее, но все еще свежо пахнущее сено, а мы, подходя, кладем на это сено добытых вальдшнепов... Я повел лучом фонарика по верху — так и присвистнул лесник:

— Ого, вот это удача!

Я погасил фонарик, но меня попросили снова посветить, чтобы еще поудивляться необычной картине. И снова эти длинные-предлинные клювы, и рванулась душа туда, назад, к себе двадцатидевятилетнему, в тот давний апрель, когда я впервые в неизъяснимом восторге увидел тянувшего над родимым лесом вальдшнепа. И как приветливо горел на опушке костерок, что разогнали мы с пятилетним сыном Алейшей. И как все удивлялся мой 54-летний тогда отец: как же так, до таких лет дожил, а ни разу этой птицы не видел!

Теперь и мне самому уже пятьдесят четыре...

Однако пора трогаться нашему возу. И тут чутко улавливаем цикань вальдшнепа. Ишь, припозднись, над доро-

гой идет прямо на нас. Кто-то из молодых схватился было за ружье, но лесник вовремя прикрикнул:

— Ну-ка... Пускай хоть этот летит!

И, послушав протянувшего над нашими головами вальдшнепа, легонько подтолкнул меня к возу:

— Присаживайся, Николай... А молодежи полезно пешочком прогуляться.

Хорошо, конечно, ехать по весенней размытой дороге на телеге, на мягком сене. Да и просторно вдвоем, и вальдшнепов добытых не примем. Вот только нечаянно пришла на память давняя народная присказка: «А едем-то не на ярмарку, а с ярмарки уже...»

Все мосты порвём!

Старинный друг мой однажды рассказал, как еще в советское время заввернул на служебной машине в глухую деревеньку. Не по своему хотению, а по просьбе своего шофера: «Тут недалеко теща живет, как раз нас и ужином угостит». Друг мой с первых же минут понял, что шофер не в особой чести у тещи. Это если сказать мягко. С застарелым укором глядя на зятя, стала тут же выговаривать: крыша сарая раскрыта, изгородь завалилась, дров на зиму нету, а ему, мол, хоть бы что... А ведь клятвенно обещал!

Зять вяло отнекивался своей большой занятостью, но когда хватил стаканчик все же поднесенной тещей очень крепкой самогонки, сразу воодушевился и бодро возгласил:

— Не бойсь, мамаш... Если надо — все мосты в стране порвем!

Теща только рукой махнула... А зятек добавил из подкрашенного черничными ягодами графина и повторил еще звончее и убедительнее:

— Все мосты в стране порвем! — И с паузой: — Если надо...

Какие мосты? При чем тут они?..

Посмеялись мы тогда с другом, подзабылось со временем, но вот в прошлую весну неожиданно всплыло... По дороге на глухаринный ток подошли с егерем к бурной от весеннего половодья лесной речке под вечер. Нам нужно было перейти через нее по мостику. Еще поколебались: то ли на этой стороне постоять на вальдшнепиной тяге, то ли на той? Решили все же перейти. А у речки егерь недоуменно усталился на то место, где он своими руками пару дней назад наводил мостик из четырех березовых бревнышек. Моста не было! Нет, его не унесло талой водой — и с того, и с этого берега торчали изгрызенные березовые концы...

— Ишь, как карандаши заточенные... — вроде даже с одобрением заметил егерь. — Бобры поработали!

Пришлось нам срочно налаживать хоть какую-то переправу.

А когда возвращались на следующее утро, одна из двух лесин уже была подпилена бобром. Потом мне егерь сообщил в письме, что все лето и осень ягодники и грибники наводили через эту речку мосты, и всякий раз бобры их оперативно ликвидировали. И до чего расселились по всей речке, до чего численность их выросла! Как тут не вспомнить: «Все мосты порвем! Если надо...»

Наши записные реформаторы, буржуйские обустроители жизни очень любят потолковать о каком-то мосте в виде самой России — то между Востоком и Западом, то между Севером и Югом, то между разными цивилизациями, а на практике... Растаскивают, разворывают наше добытое потом и кровью многих поколений национальное богатство, вывозят его безостановочно во все стороны по бесчисленному, умело наведенным мостам, открыто грабят, при этом еще и глумливо пакосят саму нашу землю, наши святыни.

Так, может, услышим подсказку мудрых бобров?

Те два года...

Лет пятнадцать тому назад сентябрьским солнечным денечком копали мы с мамой картошку. Очень мне хотелось вечером сбегать на заветный лесной ручей, посторожить еще разок вальдшнепов «на грязи», да вот забо-

та держит, надо успеть сделать побольше, не оставлять на слабые мамини руки эти длинные борозды — ведь завтра я уезжаю.

— А может, денек-то один, сынок, перепустишь? — ласково говорит мне мама, зная, как ценю я всегда прощальный охотничий вечер перед отъездом в Москву, а тут вот придется копаться до самой темноты.

— Да что там денек... — вздыхаю я с досадой. — Не один денек, а целых два года мог перепустить!

— Это как же? — не понимает мама.

А вот так... Вчера утром зарастающей тропкой в поисках рябчиков вышел к Собнякову полю. Называется оно так потому, что жил тут до коллективизации крепкий мужик Прохор с семьей — особо от деревни. В нашей округе было несколько таких выделенных из деревенского мира наособицу односемейных хуторков. И звали их в народе кратко — собняки. На пригорке поля до сих пор лежат камни от фундамента. А недалеко, краем соснового бора, светлеет моя самая любимая дорога — из Осинки в Комаровку. Сколько по ней хожено, ежено с самых-самых моих ранних лет! Из Комаровки родом мой отец, там жили мои дед и бабушка, тетья и крестный, мои двоюродные братья и сестра.

По этой дороге мне после окончания нашей восьмилетки предстояло ходить два года во Вьюковскую десятилетку, которая от Осинки в семи километрах. Но отец почти силком наладил меня в Сураж, в наш районный город. За целых сорок пять километров! Там, мол, школа лучше. Кто ж спорит, суражская средняя школа № 1 была тогда самая лучшая в районе. Но тут и другое... Какие-то пустяковые распри случились на тот момент между моим отцом, директором восьмилетки, и директором Вьюковской средней школы — вот, мол, мой сын не в твою школу пойдет, а в сам Сураж! А как же тяжело и горестно жилось мне, пятнадцатилетнему, там на квартире, среди чужих людей, в неизбывной тоске по родной деревне. С какими переключными, на попутках и пешком, приходилось добираться на выходной денек — а то и всего-то на несколько часов — в родительский дом, в свою милую Осинку!

Не раз потом в своей жизни вспоминал те два года и про себя давно пришел к выводу, что свои заслуженные «пятерки» по любимым предметам — литературе, русскому языку, истории, географии — я бы получил в любом конце России, в любой школе. Ведь отдельные темы, будучи страстным книголюбом с детства, знал лучше самого учителя... Так что уж лучше бы ходил во Вьюково, не тратил бы зазря с таких юных, утренних лет свои нервы, не рвал бы с болью легкоранимую душу! «Слишком раннюю утрату и усталость испытать мне в жизни довелось...» — у Есенина это отнюдь не для красного словца сказано.

А сегодня вот тут, у Собнякова поля, неожиданно открылось и другое: это ж только представить, сколько могло быть счастливых охотничьих часов и дней у меня за те два года! Ведь у этой дороги на Комаровку, на Вьюково — самые-самые места... Бывало, в апреле все тут тогда гудело от тетеревиных токов. Осенью и зимой огромные, в две-три сотни голов, тетеревиные стаи кормились то на убранных гречишных и овсяных полях, то облепляли березы по всем Пасакам и Мохнатам. А у Выдерки, у старого ельника, случалось встретить и волков. Так я же бы ходил с ружьем. За волков-то хорошую премию давали! Ружье оставлял бы в Комаровке, у тети, а на обратной дороге из школы забирал. И еще успевал бы зайцев потропить. Или парочку тетеревов взять на закате — когда они уже свалились с берез и закопались на ночь в снег. А то и утром на лыжах подойти к лункам...

Ах, разыгравшееся охотничье воображение взволновало меня тогда сильно, вот и ответил маме с нескрываемой досадой. И не проходит ведь эта досада (не на маму, конечно) и по сей день. Таких два года в таком нежном возрасте, когда время длится и длится, почти на месте стоит, я бы еще мог жить в родном доме! Как измерить их ценность, их значение?.. И недоставало, чувствую, мне этих двух лет потом всю жизнь.

И разве я один такой? У каждого человека, если он задумается, наверняка найдется что тут вспомнить. И ведь сколько людей жило и надеялось хотя бы один год прожить так, как хочется, в полном ладу с самим собой. И каких людей! Вот недавно попали мне в руки редкие материалы о художнике Иване Николаевиче Крамском, который, обремененный многими обязательствами перед своей большой семьей, страстно мечтал хотя бы один год прожить своей подлинной жизнью. «Дайте мне год художественной жизни на пробу — и все, что будет сделано, — Ваше. Я хочу один год художественной жизни...» — молил Крамской Третьякова. Но не вышло, не был даден ему этот год. По воспоминаниям современников, Крамский умер за работой всего в пятьдесят лет: «...и как боец со знаменем, упал мертвый с кистью в руке... След от кисти прошел косой полосой падуцей звезды по полотну...»

Но все же надо надеяться, что когда-то (после шестидесяти, на пенсии?) удастся вернуть хотя бы в малой степени те два года жизни на родине. Ну хорошо, хотя бы один. Сначала на пробу, пусть и так... Приехать в Осинку прямо к 4 апреля и жить безвыездно — ходить на охоту, писать рассказы — до следующего своего дня рождения. Весна, лето, осень, зима, снова весна... Даже сердце замирает от такого возможного впереди счастья. Дай-то Бог!..

«Чиста работа»

Весна как-то вяло вступала в свои права. Дни она, конечно же, отвоёвывала у зимы, ночью слегка отступала, набиралась сил, чтоб окончательно прогнать неохотно уступающую соперницу.

Истомившись шестичасовой поездкой на двух автобусах, рад был несказанно ее окончанию. Предстоящий семикилометровый поход с тридцатью килограммами поклажи совсем не пугал. Шагалось легко, в охотку. Опять же весело было еще по одной причине: со мной рядом важно шествовала (ну прямо как взрослая) моя полугодовалая лайка Белка. Вот уж у кого оптимизм хлещет через край. Лайки в принципе отличаются бодрым духом. Да и внешне — голова высоко поднята, ушки настороже, хвост завернут в тугую крендель. От одного вида лайки настроение становится лучше. Идти вместе с ней не только веселее, но и легче. Белка со своим неумным щенячьим энтузиазмом тянула за поводок, облегчая мне дорогу. Но в какой-то момент, когда до цели оставалось около двух с половиной километров и я уже подустал, она стала особенно активно дергать поводок, всем своим видом умоляя отпустить на волю — порезвиться. Ну и не выдержало сердце — отпустил. Сучонка резвилась, радовалась всем существом. Да и понятно — с полей наносило массу новых, ранее ей неизвестных запахов. И запахи эти будоражили молодую охотничью кровь.

Восторгу песью предела не было, когда из-за придорожных кустов, с лужи, полной талой водой, поднялась пара чирковых уток и, загроможденно гомоня, бросилась в сторону леса. Первая встретила с дичью настолько воодушевила сучку, что она сломя голову бросилась в сторону леса, видимо полная надежд на новые встречи с вольными обитателями лесов и полей. Очень быстро ее белая с серыми пятнами спина исчезла из поля зрения. И как я ни присматривался к опушке близлежащего леса, сколь ни проче-

сывал взглядом коричневую даль полей, нет, любимица моя исчезла Бог весть куда. Уже на выходе из деревни Никулкино возле старинного дубняка она вывернула из кустов и с радостным лаем бросилась навстречу. Радовалась так, будто не виделась сто лет. Где она была и чем занималась в течение пятнадцати-двадцати минут, было неясно, а речь человеческой она, увы, не владеет. Размышлять на эту тему желания не было — поклажа давила на плечи. И от ее тяжести желание было одно — быстрее дойти до дома. Но и эта задача решалась с известными затратами под шлепанье сапог по лужам разбитой тракторами и весенней распутицей дороги. Чтоб сучонка вновь не убежала и чтоб не потянуло ее на какие-нибудь подвиги, усадил проказницу на поводок. Так мы и дошли до деревни.

Дело шло к полудню. Но не терпелось, несмотря на усталость, поскорее дойти до леса, глянуть, каков разлив, и просто постоять на его краю, послушать голоса птиц и шум талой воды на ямах перед лесом. Однако сразу уходить было нельзя, чтоб не обидеть дядьку с теткой, истомившихся за зиму от недостатка общения. Вот и засиделся до самого вечера, проведя время в бесконечных разговорах о родственниках и детях. Оно и к лучшему. И стариков потешил, и отдохнул от изрядно утомившей дороги.

А на охоту не терпелось вырваться. Очень было интересно, как поведет себя моя псина на воде. Сможет ли хорошо плыть? Каково ей вообще на весенней охоте?

В итоге порадовала собачка сверх меры. Уже на выходе из деревни азартно бросилась обшаривать кустарники вдоль дороги. Подняла на полевых лужах бекасов, бодро облаивала кружащих в воздухе чибисов. Пока шли до леса, больших и глубоких луж не встречалось. А было очень интересно, как она будет преодолевать водные преграды. Наконец дошли до ям, заполненных талой водой необычайно

щедро. Я, конечно же, сердце рвал, изво всех сил сдерживая себя, чтоб не обернуться назад и посмотреть, как реагирует моя любимица на перспективу предстоящего холодного купания. Пройдя уже метров восемьдесят, услышал ее взволнованный лай. Малявка, вся в волнении и нерешительности, металась вдоль воды, но, наконец преодолев свои страхи, храбро бросилась за мною вслед. Холодная вода, видимо, ее взбодрила, и сучка резво поплыла, держа хвост устремленным в небо и забавно вибрирующим в такт ее движению. С этого дня уже больше никогда не возникало вопросов о том, каково моей любимице на воде. Настроение было радужным. Но сохранить его не удалось. На мое радостно-возбужденное повествование о совместных с щенком успехах тетка радовалась как то необычно сдержанно. Выслушав до конца мои восторги, тяжело вздохнула и промолвила многозначительно:

— Да вот не все хорошо выходит... Новости плохие есть.

— Какие новости? — спросил я бодро, а в груди шевельнулось нехорошее предчувствие. Не обмануло.

Тетка, с напряжением в голосе и взгляде, расправила скатерть на столе и продолжила:

— Тамарка Брусова приходила из Никулкино. Вся в слезах. Сказывала, что Белка наша ей четырех кур да петуха затрепала. Нехорошо выходит. Ты уж дойди к ней завтра да договорись как-нибудь. Сучка-то мала. Глупо еще дело. Откуда ж ей знать, что кур нельзя давить?

Вопрос повис в воздухе. Да и ответа не требовал. И так все понятно. Это был первый случай в нашей с Белкой жизни, когда мне пришлось платить за ее шалости. Впоследствии нечто подобное повторялось, но воспринималось не так болезненно, как впервые.

На следующий день, весь в растрепанных чувствах, усадил свою разбойницу на поводок и совсем без настроения пошел в соседнюю деревню улаживать столь неожиданно возникший

конфликт. Белке тоже передалось мое состояние духа. Она как-то вяло шла рядом, даже за поводок не дергала. Лишь периодически заглядывала в глаза виноватым взглядом. Откуда ей было знать, что идем ее прегрешения улаживать?

Хозяйка задавленных Белкой кур встретила такими завываниями и причитаниями, словно речь шла не о гибели домашней птицы, а о проблеме вселенского масштаба. Пришлось выслушать длительное повествование о том, с каким трудом возвращены убиенные курицы, какие они славные несушки были и как удал был задавленный вкуче с ними петух. С одной стороны, она конечно же права. С другой — все равно получалось что-то вроде превращения мухи в слона. Именно это давило на настроение, каковое и так оставляло желать лучшего. В конечном итоге о возмещении понесенных потерь договорились легко и просто. Причиной легкой сговорчивости стало страстное желание побыстрее закончить тяготивший меня разговор. Уже уходя, услышал оклик успокоившейся хозяйки:

— Ты что хмурой пошел? Или не веришь, что собака курей подавила? Вон, поди глянь, у двора она лежат.

Любопытства ради вернулся, оглядел растерзанные куриные тушки с четкими отпечатками щенячьих зубов и глубокими кровоподтеками под ними. Определенно тяжело дался им Белкин охотничий кураж

Белка, все это время вяло шествовавшая у моих ног, тоже была в препоганом расположении духа. Уши развесила чуть не до брылей, в глаза не смотрела. Даже хвост из тугого кренделя развернулся и повис поленом. По всему видно было — переживает. Но переживания переживаниями, а педагогика — педагогикой. В целях воспитательных подвел сучку к курам, носом натыкал в холодные тушки, отшлепал по сытой заднице газетой, свернутой в жгут и припасенной заранее для этого трепетного деяния. Жаль было малявку, конечно, но и без мер карательных тоже никак нельзя. А то возьмет себе за правило работать на разорение хозяйского кошелька... И чего тогда?

Словом, процедуры воспитательные настроение сделали еще более поганым. Крепко выругавшись про себя, двинулся в обратный путь. Казалось, что в этот день настроение ничем уже не поправить. Но не все так плохо, как нам порой представляется. Вот и в этот

раз сменилось все неожиданно. Встретился, уже на выходе из деревни, невесть откуда взявшийся дядя Витя Брюсов — хозяин загубленных Белкой куриц. Был он мужиком веселым, безвредным, да еще и с юмором редким. Местные жители именовали его своеобразно — «Витюк Чиста работа». Звали его так из-за того, что при любом удобном случае, в дело и не в дело, он употреблял это словосочетание: «Чиста работа». В его устах это всегда и однозначно означало крайнюю степень восторга чем бы то ни было. Ну, к примеру. Как-то в крепком подпитии толковал он об ограблении телятника в соседней деревне. Повествовал, как ловко грабители смогли все сделать. Никаких следов не оставили. И заключил речь свою, заявив восторженно: «Одним словом — чиста работа!» Речь его вообще была полна всяческих сокращений, а уж в прилагательных он любил опускать последнюю гласную букву.

Так вот. Увидев меня, понуро шлепающего сапогами, он еще издали закричал:

— Здорово, охотник! Ведешь бандитку свою? Живая еще? Не застрелил?

— И, не дожидаясь ответа, продолжил:

— Сильно хороша у тебя собачка! Дав-

но таких не видывал. Знаешь ли, как дело-то было?

Вопрос поставлен был формально, интонационно ответа не требовал. Не дожидаясь согласия, дядя Витя оживленно заговорил, сопровождая речь округлением глаз, выкатыванием их из орбит, хищным прищуром, массой движений рук и всего тела, имитирующих описываемые им события.

— С утра-то сидел я себе, чин-чинном, на терраске, корзины стары правил. Вдруг слышу: куры на воли всполошились. Глянул в окошко — орут, летят со страху в разные стороны. А с чего? Понять не могу. Потом окно открыл, глянул... Мать честная! По двору, будто дома у себя, волокется собачница... Красавица писана! Статями — чиста волчица! И, прикинь только, несет на спине курицу. Мою курицу! Ах ты ж, стерва такая-сякая! Выбег на волю, вижу — еще одна несушка, задавленная, у двора лежит. Зорал на всю деревню, сколь было сил. Собака-то оглянулась на меня, да и бросила курицу, подалась к лесу. А я-то немного умом не тронулся с наглости такой. Да и запустил ей вослед поленом. Думал, напугается. А вышло наоборот: она возвратилась да еще пару курей задавила. Я, верно дело, пытал их отбить. А выходит, только раззадорил псину пуще прежнего. Хотел ей по хребту ведром треснуть — промазал. Так она мне за такой привет еще и петуха удавила. Во как!

Дядька на мгновение замолчал. Отдышался. Любовно потрепал Белку по голове и закончил, восторженно повысив голос:

— Красавица писана! А уж дельна да шустра — не высказать! Хороша работница растет. А уж как курей увалила! Чиста работа!

Пока он с восторгом повествовал о безвременной кончине невинно убиенных кур, настроение стало неспешно меняться. И не в том было дело, что хвалил собаку мою. Все проще. По добrote душевной гасил дядька накал страстей, на ровном месте выросший. Мы еще какое-то время толковали о случившемся, о собачках, о предстоящей охоте. Настроение стало совсем иным.

Шел я обратно заметно повеселевшим в компании со своей взбодрившейся любимицей. И от всего происшедшего осталась в памяти только восторженная фраза добрейшего дяди Вити: «Хороша у тебя собачка, мил человек! Чиста работа!»

Рисунки В. Шишкина

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ, ДРУЗЬЯ!

Спешите подписаться на журнал «ОХОТА И ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО» на второе полугодие 2007

Наш индекс 70673 по каталогу Распечати

Леонард Францевич Винницкий

В. СМРНОВ

Редко какая из публикаций, посвященных медвежьей охоте, обходится без ссылок на авторитет знаменитого медвежатника князя А. А. Ширинского-Шихматова. Споры нет, авторитет князя в охотничьих вопросах высок, а его книга об охоте на медведя — один из шедевров охотничьей библиографии. Однако же, называя его по числу трофеев (250 или 300 зверей) «самым результативным», авторы допускают неточность.

В вышедшей в 1915 г. книге белозерского охотника Н. А. Мельницкого «Медведь и охота на него» не раз упоминается Леонард Францевич Винницкий, по его словам добывший «не менее 600 штук медведей». И это не похвальба, да и был инженер изпод Вытегры человеком благородным и скромным, подтверждением чему служит талантливый очерк Н. Н. Изнара «Медвежья охота в Олонецкой губернии», впервые появившийся в 1909 г. в журнале «Наша Охота» и опубликованный в № 1—2 «Охотничьих проторов» за 2006 год.

Готовя текст Изнара к переизданию, я получил из Вытегорского краеведческого музея Вологодской области фото Л. Ф. Винницкого и копии некоторых его рисунков. Из письма главного хранителя Л. К. Казариновой явствовало, что «Леонард Францевич является основателем нашего музея в 1913 году. Большинство таксидермических чучел зверей и птиц в отделе природы сделаны по его заказу, а некоторые им самим».

Тогда же из поселка Девятины, что в нескольких километрах от Вытегры, пришло письмо от ученика 11-го класса девятинской средней школы Виктора Александровича Смирнова, под руководством преподавательницы истории Г. Е. Антоновой выполнившего целое историческое исследование о Л. Ф. Винницком. Благодаря энтузиастам — учителям и школьникам, в этой школе уже более сорока лет живет и процветает историко-этнографический музей, а некоторые из выполняемых учениками школы краеведческих исследований занимают призовые места на конференциях и конкурсах.

Достойную оценку получила и работа В. А. Смирнова. «Моя исследовательская работа о судьбе удивительного человека Л. Ф. Винницкого, — пишет он, — на областной конференции в Вологде была отмечена высоко: из 10 баллов поставили 8, и я был приглашен на Всероссийскую конференцию «Отечество», которая проходила в Москве в начале апреля 2006 г. Здесь я получил диплом второй степени и счастливый вернулся домой. Выпускные экзамены в школе сдал успешно, аттестат без троек».

В заголовке своей работы девятинский школьник вынес слова Л. Ф. Винницкого: «Всякое созидание увеличивает сумму человеческого счастья». Созидательный труд юных вологодских краеведов, конечно же, заслуживает всемерной поддержки.

М. ПОДДУБНЫЙ

Л. Ф. Винницкий (1861—1918)

Люди, преданные своему делу, ищущие, деятельные, достигающие своей цели, всегда интересны. Таким был Леонард Францевич Винницкий — инженер водных путей сообщения, природовед, страстный и умелый охотник, образованный человек, бескорыстный меценат, создатель уникальной коллекции таксидермических скульптур (чучел), патриот нашего края и просто честный и порядочный человек. А между тем о его профессионализме, общественной деятельности, увлечениях, обогативших культуру края, мало что известно.

В 1861 году в Варшаве в польской семье потомственного дворянина Франца Винницкого родился ребенок, которого назвали Леонардом. Он был единственным сыном состоятельных родителей, обучался в Варшавском реальном училище, которое и окончил в 1879 г. В этом же году он подает прошение о допуске к вступительным экзаменам на 1 курс Петербургского института инженеров путей сообщения.

Летом 1882 года после 3 курса института Леонард уехал в качестве практиканта на сооружение моста: строилась стратегическая железная дорога от ст. Жабинка (Московско-Брестской ж. д.) до Пинска. Уже тогда начальство отмечало в молодом человеке исполнительность и сильную страсть к охоте. Вот как об этом пишет Н. Н. Изнар в своем очерке «Медвежья охота в Олонецкой губернии»: «В числе прикомандированных ко мне студентов... был Леонард Францевич Винницкий, который, несмотря на крайнюю интенсивность, с которой велась постройка, ухитрялся находить время пострелять бекасов близ моста, за сооружением которого он наблюдал. Так как во все время работ, продолжавшихся 100 дней, Леонард Францевич всегда был на своем месте и порученное ему дело вел образцово, то я сначала смотрел сквозь пальцы на его кратковременные отлучки, а потом соблазнился и сам пошел с ним на охоту...»

Есть такие периоды в жизни любого человека, которые особенно значимо влияют на его дальнейшую судьбу. В 1885 году, перед защитой дипломной работы, Леонард Францевич был направлен в Прионежье на изыскания.

Здесь его внимание привлекали виды величественной северной природы, несколько суровой, но столь богатой разнообразием пейзажей. Он любовался живописными холмами, поросшими густым лесом, ровными полями, лугами, выходящими речками, озерами. «Будучи очарован красивой местностью сел Маркове, Девятины и других, — читаем в хранящихся в Вытегорском музее воспоминаниях А. П. Родиной, — он сразу же после окончания института выразил желание поехать сюда на работу».

25 августа 1886 года Л. Ф. Винницкий был определен на службу в Ведомство путей сообщения, где долгие годы являлся заведующим 3-го технико-инспекционного участка и инспекции судоходства, помощником инспектора судоходства Мариинского водного пути Вытегорского округа.

Это был самый сложный густошлюзованный участок Мариинской системы, состоящий из 27 деревянных шлюзов. Кроме того, здесь находилось четырнадцать плотин и два подъемных моста. Все эти сложные деревянные гидросооружения были очень износимыми объектами и требовали постоянного контроля и ремонта. Были и другие проблемы, связанные с существовавшей тогда людской и конной тягой судов. «На этом участке, — читаем в воспоминаниях А. П. Родиной, — Л. Ф. Винницкий работал начальником примерно 25 лет. Никто так долго не работал до него и после него на этом посту».

Перед нами фотография, запечатлевшая Леонарда Францевича в форме гражданского чиновника Ведомства

путей сообщения. Здесь ему лет сорок. Это худощавый человек высокого роста. Наше внимание привлекает красивое лицо, обрамленное опрятно подстриженной черной бородкой и усами. Волнистые темные волосы аккуратно уложены. Умный взгляд выразительных глаз и высокий лоб говорят о его интеллекте. Как удивительно сочетаются во взгляде ум, прямота и доброта человека, в душе которого, вероятно, никогда не было злых умыслов. Его доброта подчеркивается и поворотом головы вправо — в сторону добра. Это описание соответствует воспоминаниям людей, хорошо знавших его и отзывавшихся о нем с большой теплотой и уважением. В воспоминаниях А. П. Родиной есть такая запись: «Долго не был женат, но очень любил людей, и дом его всегда был открыт. Всегда его окружали люди. Сослуживцы его очень любили и уважали. Это был человек большой культуры и благородства».

Неудачная первая женитьба наложила отпечаток на его последующую жизнь. Вторично он женится лишь в сорок девять лет на дочери известного в крае учителя Ослопова — Ольге Петровне, которая была младше его на двадцать четыре года. По профессии она тоже была учительницей. «Жизнь этой пары, — вспоминал другой местный житель, В. А. Бардыгин, — была очень интересной, оба они были заядлыми охотниками. Увешанные коробками и сачками, они уходили в леса в поисках интересных видов бабочек и насекомых».

Приступив к службе, Винницкий поселился в провинциальном доме, находившемся в старинном селе Марково Вытегорского прихода. Существует село и по сей день. Принадлежавший Леонарду Францевичу большой деревянный дом стоял в тенистом саду на так называемой Барской горке.

Леонард Францевич внес немалый вклад в развитие с. Марково. В 1902 году в селе был выстроен новый храм, как сообщали «Олонецкие Епархиальные ведомости»: «Из благодетелей особенное горячее участие принимал Л. Фр. Винницкий, в участке которого воздвигнут храм».

При Марковском земском училище, благодаря инициативе и средствам Винницкого, была оборудована столярная мастерская, где под руководством мастера работали 11 мальчиков. Затем при этом же училище Леонард Францевич открыл шорную мастерскую на 8 мальчиков.

Винницкий жертвовал деньги и на другие социальные нужды, например на приюты. Так, во «Втором годовом отчете Вытегорского уездного попечительства детских приютов за 1902 год» значится: «...единовременные пожертвования почетных членов:.. Л. Ф. Винницкий — 500 рублей». С 1902 года он был старшиною Вытегорского детского приюта, а с 1905 года — пожизненным почетным членом Вытегорского уездного попечительства детских при-

ютов ведомства учреждений императрицы Марии.

Жизнь в российском захолустье, где витала атмосфера особой духовности, где нерасторжимо слились работа, природа, охота, простодушная приветливая архитектура провинциального дома, целиком устраивала образованного дворянина Леонарда Францевича. «Живет в двадцати верстах от Вытегры круглый год почти безвыездно, — читаем в очерке Н. Н. Изнара, — и очень доволен своим положением. На мой вопрос, почему он, человек сам по себе состоятельный, не нуждающийся в службе для существования, служит в такой глуши, Леонард Францевич ответил, что дело, ему порученное, — дело живое, его интересующее, что положение он занимает более или менее независимое, а чтение и охота вполне удовлетворяют его потребности».

Особого внимания заслуживает его занятие охотой, превратившееся в страсть — истинную и глубокую, на всю жизнь. Судя по имеющимся материалам, «Леопард», как в шутку называли Винницкого друзья, был великодушным знатоком всякой охоты, особенно медвежьей. Обычно на таких охотах правой рукой Винницкого был знаменитый шимозерский медвежатник Мартемьян Петрович Мартянов, в обязанности которого входила покупка берлог в шести уездах Олонецкой губернии. На закупленные берлоги им составлялся список с таким названием: «Маршрут медвежьих охот Леонарда Францевича Винницкого на такой-то год». По нему и проводились охоты.

Интересные данные о Винницком как охотнике можно почерпнуть из книги Н. А. Мельницкого «Медведь и охота на него». Автор очень хорошо знал Винницкого и при написании книги пользовался его охотничьим дневником. Книга частично проиллюстрирована фотографиями, среди них встречается несколько с пометкой: «Из фотографий Винницкого».

Примерно в 1912 году Л. Ф. Винницкий в чине статского советника оставил службу. В последующие годы он проживал в Вытегре на улице, которая сейчас называется Советский проспект, в доме № 13. В этот период все свободное время Леонард Францевич посвящал своему любимому занятию — охоте. Среди его новых друзей — директор Вытегорского реального училища Георгий Александрович Сергеев. Предложение Винницкого организовать в училище музей фауны директор принял с радостью.

Работа по созданию музея по-настоящему захватила Леонарда Францевича. Природовед, страстный и умелый охотник, он за короткий срок сам отстрелял в Вытегорских лесах птиц и зверей. На собственные средства Винницкий заказал изготовление чучел. Как свидетельствуют документы, препарировались и изготовлялись чучела птиц и зверей в одном из помещений реального училища «большим мастером, привезенным из Петербурга». Кроме того, Винницкий сам оплатил все расходы по оформлению музея, где экспозиции были исполнены по времени года. Выяснилось, что Винницкий

После медвежьей охоты. Знаменитый олонецкий окладчик Мартемьян Петров (слева), рядом сидит Л. Ф. Винницкий. (Фото из книги Н. А. Мельницкого «Медведь и охота на него»)

и сам неплохо рисовал. В фондах музея имеются созданные им красочные рисунки с изображением животных, которые, скорее всего, являлись наглядными пособиями. Вместе с женой он собрал и оформил большую коллекцию бабочек. Как свидетельствуют документы, коллекция Винницких, насчитывающая 4872 вида особей, была оформлена в 63-х застекленных коробках. Такую коллекцию, безусловно, мог сделать только увлеченный, глубоко любящий природу человек. Многие из собранного Винницким с течением времени было утрачено. В настоящее время в Вытегорском краеведческом музее из большой коллекции местных бабочек на хранении находятся лишь 34 коробки.

Открывшийся 9 ноября 1913 года в здании Вытегорского реального училища музей фауны пользовался большим успехом и был гордостью не только учеников, но и горожан. В 1918 году он был преобразован в краеведческий.

1918 год стал последним в жизни Леонарда Францевича. Он смертельно заболел (рак печени) и умер в Петрограде. Место его захоронения неизвестно.

Примечательно, что в 2003 году (юбилейный год музея) состоялось торжественное открытие нового здания Вытегорского краеведческого музея, где после длительного перерыва вновь можно увидеть уникальную коллекцию таксидермических скульптур, созданную Л. Ф. Винницким.

Без знания прошлого не будет и завтрашнего дня. Как дерево не может

жить без корней, так и человек не может ощущать себя счастливым и гордым, не зная тех, кто навсегда прославил свое имя, а следовательно и тот край, место, где он трудился и творил, где провел свою жизнь.

Все экспозиции Вытегорского краеведческого музея привлекают внимание посетителей. Но перед уникальными экземплярами добытых Винницким на охоте зверей и птиц, обитателей вытегорских лесов, люди задерживаются долго, оглядывая каждый экспонат с необычайным вниманием. Около них всегда скапливаются небольшие группы настоящих любителей природы. При входе висит мемориальная доска из комнаты бывшего музея местной фауны с высеченными на ней словами: «Эта комната посвящается имени инженера Леонарда Францевича Винницкого, благодаря трудам и средствам которого осуществлена идея открытия музея местной фауны при Вытегорском реальном училище. 9 ноября 1913 год».

Девять десятилетий Вытегорский музей, благополучно пережив все трудности, продолжает выполнять просветительские и воспитательные задачи среди населения, оставаясь самым посещаемым и привлекательным объектом района. И очень жаль, что имя Л. Ф. Винницкого незнакомо нашим землякам. Неплохо бы увековечить память о нем среди жителей вытегорской земли: присвоить его имя музею, назвать его именем одну из улиц города, более широко информировать население края о его славных делах.

В. МИХАЙЛОВ

Являясь постоянным читателем журнала «Охота и охотничье хозяйство», с удовольствием читаю рассказы об охотничьих экспедициях. Иногда набегают легкая грусть, но она проходит, когда вспоминаются охоты, участником которых приходилось быть.

Автору этого повествования волею судьбы и армейского руководства с августа 1985 по июнь 1992 года посчастливилось служить в одном из красивейших мест Западной Украины, во Львовской области. Рядом находились Карпаты с их разнообразным животным и растительным миром. Перейдя проходившую рядом с нашим жильем городком международную трассу «Киев-Чоп», оказывался в царстве смешанного леса, кустарников и буйства цветов всех расцветок и форм. Осенью не надо было далеко уходить за грибами — они росли здесь же, надо было только не лениться. Ночами часто можно было услышать рев косули. Углубившись далее в отроги Карпатских гор, можно было попасть в такое место, где, казалось, никогда не ступала нога человека. Здесь доводилось совершенно случайно потревожить семейство кабанов, вспугнуть лосей или же табунок косуль. Осенью в этих местах случалось такое обилие зимних опят, что в начале тебя охватывало чувство радости, что больше не надо искать грибы, а через некоторое время хотелось просто все бросить и убежать, оставив это богатство другим. Особенно же меня радовало обилие дичи и возможность поохотиться на нее.

В коллективе военных охотников нашей воинской части царил доброжелательная обстановка и вместе с тем железная дисциплина. Коллектив был закреплен за военно-охотничьим хозяйством, принимал самое активное участие в заготовке сена и веников для подкормки диких животных в зимнее время, охранял охотугодья, устанавливал кормушки и солонцы, т. е. делал все то, о чем наши молодые друзья по страсти даже не знают.

Вся зимняя охота проходила по разовым путевкам в декабре — первой декаде января. Причем на зайцев и лис можно было охотиться только в декабре, по воскресеньям, и добыть за выход только одного длинноухого. Такое отношение к организации охоты в области шло на пользу делу — число зверя не уменьшалось. За пять дней декабря даже при наличии большого количества охотников в угодьях практически каждому удавалось за зимний день выдуть десятки зайцев, выполнить норму отстрела и получить удовольствие от общения с зимней природой.

В декабре начиналась охота на копытных. Наш коллектив, как правило,

Зайцы. Рисунок Л. Ф. Винницкого из фондов Вытегорского краеведческого музея. Публикуется впервые

Незабываемое

не обижали и несколько лицензий на козулю и кабанов нам давали. Реже получали лицензии на лосей. И вот на эти охоты мы выезжали в Карпаты.

Карпаты, или Карпатские горы, простираются по территории Словакии, Польши, Венгрии, Румынии и Украины. Самая большая гора Герлаховски Штит — 2655 метров. До высоты 1600 — 1800 метров произрастают широколиственные и хвойные леса, выше — субальпийские кустарники и луга.

Мне же хочется вспомнить одну из наших охотничьих экспедиций, которые в ту бытность назывались просто коллективными выездами на охоту. Чаще мы выезжали на охоту на копытных в охотхозяйство, что находилось на границе с Польшей. Охоты здесь всегда проходили удачно, охота в приграничной полосе была строго ограничена, поэтому зверь здесь держался. По прошествии времени в памяти остаются, как правило, только хорошие воспоминания о бывших охотах и зачастую трудно выделить какую-то одну из них. Тогда мы были молодые, уже закончился Афган, а другие войны, которые были впереди, большинству из нас даже во сне не предвиделись.

... Темное декабрьское утро, наш армейский «Зил-131» с трудом преодолел последние метры до охотбазы и остановился. Всю более чем двухсоткилометровую дорогу мы пролежали в кузове на сене, порядком продрогли и, выпрыгнув, разминались. Окна охотбазы были освещены, спустя мгновение, как заглух мотор нашего «Авто», гостеприимно открылись двери и ее хозяйка, жена руководителя охотничьего хозяйства, гостеприимно позвала нас отведать чаю.

Через несколько минут все мы сидим вокруг стола и, обжигаясь, пьем вкусный, заваренный по особому рецепту чай. Согревшись, слушаем рассказ руководителя хозяйства, из которого явствует, что зверь в угодьях есть и наши шансы на успешную охоту велики.

Затем следует строгий инструктаж о правилах поведения, безопасности на облавной охоте, и вот мы уже трясемся на «газоне» охотхозяйства по лесной дороге. Еле брезжит рассвет, мороз крепчает, но нас он только бодрит, а ожидание охоты берedit нашу молодую кровь.

Останавливаемся внезапно на углу какого-то лесного квартала. Выходим, видимость хорошая, наши руководители слушают доклад егерей. Они, оказывается, уже обошли квартал и видели следы кабаньего стада и нескольких козулю.

Руководители решают сделать загон.

Опять краткий инструктаж, скоро одна из групп — стрелки на номерах — ушла от нас. Мы, загонщики, на «газоне» поехали на другую сторону квартала.

Даже через десятилетия со дня этой охоты помню встающее из-за Карпат зимнее солнце, ощущаю теплоту его лучей, вижу блестящие снежинки, слышу крики пробуждающихся птиц и скрип снега. Справа и слева от меня раздаются крики загонщиков; тут и лай собак, удары по стволам деревьев, крики, которые больше похожи на крики радости, чем на угрозу для копытных. Что-то кричу сам, крепко сжимая в руках свою «Ижевку», смотрю вперед и вокруг себя в надежде, что зверь или поднимется рядом или же набегит от других загонщиков. Впереди, там, где стоят стрелки, тишина, и они все ближе и ближе.

И вдруг впереди раз за разом раздаются пять выстрелов из охотничьего полуавтомата. И тишина. Еще несколько минут, и выходим на линию загонщиков, а затем по снегу бредем к стрелку.

Он стоит растерянный и что-то рассказывает подошедшим раньше нас руководителям охоты. Оказывается, на его номер, когда уже слышались шаги загонщиков, вынеслись три козулю. Он пропустил их через линию стрелков, а когда они, отбежав метров пятьдесят, внезапно остановились, открыл стрельбу. Как оказалось, все пять патронов были пулевыми, так как он рассчитывал стрелять по кабанам. Пройдя по следам козулю метров двести, мы так и не увидели признаков того, что наш герой-охотник хотя бы зацепил их.

Затем был переезд на другое место охоты. Солнце поднялось еще выше, лес сияет от искрящегося снега, зеленеют лапы елей. Теперь я стою на линии стрелков, рядом небольшой овраг, поросший кустарником, и мне все кажется, что через него ломится стадо кабанов. Я готов к их встрече, закрыт березкой, стою на утоптанной площадке, в одном стволе у меня картечь, а в другом пуля. Очень трудно сдерживать сердце, которое, казалось, хочет прямо-таки вырваться из груди.

Напряжение нарастает с приближением криков загонщиков, и вдруг от них с левого края раздается дуплет, а затем шум и какой-то визг. Через пять минут на линию стрелков выходят загонщики, о чем-то негодующе разговаривают с дородным прапорщиком из нашей части. Узнаем, что шагах в двадцати от него из-под елочек вырвалось стадо кабанов, которое лентой стало убегать вдоль линии загонщиков, и он, нарушая все требования безопасности,

дважды стрелял в эту ленту картечью. Ему бы простили даже это, но ни одна его картечина не достигла цели.

Пока мы стояли и ждали руководителя охоты, шагах в ста от нас раздался одиночный выстрел и чей-то радостный крик: «Дошел!»

Спустя еще пятнадцать минут из леса вышел наш председатель охотколлектива, волоча по снегу за ногу сеголетка кабана килограммов на двадцать.

Как оказалось, дуплет загонщика имел и положительный результат: стадо кабанов разбежалось. Наш председатель увидел сеголетка шагов за сто. Кабанчик рылся в снегу и хрустел кореньями. Было интересно за ним наблюдать, но когда он приблизился шагов на сорок, инстинкт охотника взял верх и прозвучал роковой для сеголетка выстрел.

Было всего одиннадцать утра, а у нас оставались не закрытыми две лицензии на козулю. И опять был переезд, два пустых загона. Все уже порядком подустало, ощущался голод и росла обида на егерей. Она, конечно, была неуместна, так как они делали все, чтобы сделать удачной нашу охоту.

Солнце вот-вот должно было скрыться за Карпатами, его косые лучи светили в глаза, когда начался наш последний загон. Первый выстрел и крик «дошел!» раздался минут через двадцать после начала загона. Затем воцарилась тишина, приближались загонщики, и стало темнеть. Вот и загонщики уже показались, а зверя не было. И вдруг раздался дуплет у «газона», где находился водитель и один из егерей. Подойдя к ним, мы узнали, что уже после окончания загона из леса выскочил козел, по которому успел выстрелить егерь, но козел умчался в глубь леса. Пройдя шагов сто по следу, крови мы не увидели, но единственная лайка, которая была с нами, взяв этот гонный след, умчалась в лес. Уже в машину была погружена отстрелянная козуля, когда из леса раздался пронзительный крик и послышался злобный лай. Думаю, не стоит особо расписывать то, как мы почти все бросились на этот лай, а потом каждый старался хотя бы погладить лайку, которая догнала и остановила козла. Оказалось, что в козла навывлет попала всего одна мелкая картечина, а первая капля крови по следу появилась через триста метров.

Затем было возвращение на охотбазу, праздник «на кровях», разговоры и воспоминания об охотах бывших и прошедшей. И все они были неповторимы, и каждая из них и останется в моей памяти.

Квадриплет

Побережье северо-восточной Кореи — бухты и бухточки. Песчаные или усыпанные серой галькой берега перемежаются обрывистыми скалистыми утесами. Это столбовая дорога перелетных птиц: весной на север, осенью обратно. Осенний перелет сильно растянут, зато весной — это вал. Шумный, радостный праздник для всех охотников! Правда, длится всего три-четыре дня, редко дольше, все зависит от погоды.

Этот поток упирается в российское Приморье, Хасанские угодья, а далее растекается в двух главных направлениях. Первый поток — дальше, вдоль берегов Японского и Охотского морей: на Сахалин, Камчатку, Магадан, Чукотку. Второй — к озеру Ханка. А оттуда по Уссури — уже на Амур с притоками. И далее в северную тундру.

Промысловики-охотники всегда ждут этого весеннего праздника с бьющимся сердцем. На востоке Корейского полуострова это событие протекает во второй половине марта.

В сорока верстах восточного городка Чхонгджин (Сейсин, как его именовали в те годы) вдоль моря залегают пять больших пресных озер: Первое, Второе, Третье, Четвертое, Пятое. Наш отец Юрий Михайлович облюбовал хуторок из двух фанз с соломенными крышами, приютившихся под низким перевалом между Первым и Вторым озерами. Хозяин, пожилой, с седенькой бородкой дождичком Ким по кличке Аха-Чирон¹, старый охотник еще с кремневым ружьем, рассказывал: «В мои юные годы гуся было черно. Только ружья — дрянь. Порох — из спичек, дробь — чугунные капли после отливания котлов. Подползали к стае вплотную. Как вытянут шею, как дашь! Если, конечно, осечки не случится... А теперь вы вон в небе их сшибаете...» С годами семейство Аха-Чирона стало нам очень близким.

Добирались мы туда как могли. Пока оставались привезенные из России лошади, разумеется, верхом. Когда их не стало, на весельном с парусом вельботе. Когда и он погиб, отправлялись по шоссе через высокий перевал пешком, погрузив припасы на двухколесную корейскую арбу, запряженную рыжей коровенкой. Позднее обзавелись велосипедами и катили группой, приспособив

¹ Аха-Чирон (корейск.) — «Ой, 7 рублей!» (Так отреагировал Ким при знакомстве, услышав цену на убитую охотниками косулю. Отсюда родилось прозвище).

груз на багажниках. И лишь через десять лет после бегства из России дружно трудившейся эмигрантской семье удалось приобрести старенький автомобиль «шевроле». Словом, как угодно добирались в Ёнджон, или Янчен, как окрестил его наш отец. Охотились там и на фазанов и на коз.

Вдоль гребня перевала между Первым и Вторым озерами с интервалами в 60—70 шагов были вырыты окопчики — «засадки». Их маскировали ветками молодых дубков и орешника с неопавшим желтым листом, под общий фон окружающей растительности. Там, встав в рост, охотник мог спокойно обозревать горизонт, оставаясь незаметным для приближающейся стаи. В горячие дни весенних перелетов в этих скрадках-засадах простаивали от зари до зари, наблюдая за круглым озером и похожей на булку хлеба сопкой на противоположном берегу (ее отец прозвал польским словом Турек). Там появлялись сперва едва заметные облачка: стаи лебедей, журавлей, уток или вожаделенных гусей. И первый, кто их заметил, приглушенно оповещал: «Гуси (утки) с фронта!» Но бывало: «Караул сзади!» И все, повернувшись, замирали.

А облачко над мысом Турек все росло и принимало очертание клубка или строчки разной формы и цвета перелетных птиц. Важно, казалось медленно, шли стаи белоснежных «плачущих» лебедей, черно-белых курлыкающих журавлей и айстов, грациозных белые цапель с роскошным вуалевым оперением «эспри», очень модным украшением для шляп среди львиц избранного общества. Тянулись колпицы с черными, лопаткой, носами, розовые длинноклювые ибисы...

Экзотических птиц не стреляли. За редким исключением, когда добывали по специальному заказу для орнитологических музеев. Главным объектом охоты были, конечно, утки и гуси. Выпадали дни, когда утка валила огромными стаями почти непрерывно. Кряк-ва, шилохвость, крохаль, чернеть, чирки и клоткуны. Связь и косатка. Этот вид мало кому знаком в европейской части России, но его селезень — «лира» — по своей красоте может смело конкурировать с роскошной мандаринкой.

Гуси, гуменники и серые обычно шли первыми в начале полета. Словно тяжелые бомбардировщики, строго держали строй, разговаривали низкими голосами. Даже после пальбы быстро

восстанавливали классические треугольники. Позднее появлялись пестропузы казарки и звонкоголосые пистульки. Они мчались неорганизованно, часто клубясь, перестраиваясь на ходу. Их было слышно издалека. Одним словом, картина на нашем перевале, напоминающем слегка разогнутую подкову, выглядела такой красочной, что раз увидев, ее было трудно забыть.

Однако трогать птиц, опустившихся на озеро, главный «хозяин» угодий — наш отец — категорически запрещал: «Пусть передохнут, откормятся». На еще не растаявшем льду и по берегам Первого озера мы заранее рассыпали несколько кулей овса и ячменя. И в бинокли наблюдали хороводы и потасовки между осевшими на отдых пернатыми. По ночам оттуда доносился концерт: диалог, обмен новостями между обитателями озера и вновь прибывшими...

Мне исполнилось тринадцать лет, когда папа разрешил пользоваться завещанной дедом курковой зауэровской трехстволкой 16 калибра, заказанной в Германии по его чертежам. До этого я имел право охотиться только с длинной легонькой шомполкой 14 калибра, с которой начинал охоту сам отец. Она была выше меня ростом. Заряжать, то есть засыпать дымный порох, дробь и заколачивать шомполом пыж из мятой газеты, я мог только наклонив эту фузею под углом 45 градусов, иначе не доставал. Родитель объяснял свой запрет пользоваться современным оружием так: «Палить из скорострельного всегда успеешь. Сперва научись беречь снаряд, бить наверняка...»

Во то памятное утро на перевале нас было всего трое. Папа и десятилетний брат Арсений занимали центральную, самую «боевую» точку. Я — в сотне шагов правее. Выглядывал, вертелся и вдруг заметил трех гусей, тянувших с Первого озера. Они направлялись между нашими скрадками. Папа их тоже заметил. Они с Арсением выбрались из своей засадки и, прячась за реденькими кустами, начали забегать наперез. Однако гуменники их «засекли» и стали отклоняться ближе ко мне. И вот они уже надо мной! В волнении я взвел только один курок, про второй начисто забыл. Но выцелил правильно. Уже не помню, который из тройки вывалился, но в небе вдруг осталось всего два гуся: третий рухнул отвесно, я услышал глухой удар о землю. Так и не используя второй ствол, в неопишемом во-

сторге я бросился к своему трофею. Схватил гусака за теплую пушистую шею и помчался к своим. Папа потрепал по плечу: «Молодец!» Вообще он был скуп на похвалу.

После того как купили автомобиль, решили построить свой охотничий домик. За оврагом от усадьбы Кима, у подножия перевала, встала длинная одноэтажная глинобитная постройка под оцинкованной крышей. Тамбур, большая столовая-спальня с нарами на десятках охотников, с длинным столом. На нарах выделен угол: «женская комната». Порою наши и приезжие из Маньчжурии и Китая дамы выражали желание принять участие в охоте, а вернее побродить по сопкам и у моря.

За столовой располагалась кухня, а за ней еще просторная кладовая. С полками, стеллажами и крючками для развешивания дичи. В том числе фазанов и козель, в зависимости от сезона.

По утрам корейки из соседней рыбацкой деревушки, в белых коротких кофточках и длинных черных юбках, приносили на головах в огромных, выдолбленных из ствола тополя корытах дары моря: рыбу, кальмаров, устриц мидии в овальных серых раковинах. И, конечно, яйца и квашенную с красным перцем капусту и редьку — кимчи.

За десяток лет существования этой базы в ней пребывало много извест-

ных гостей. В том числе иностранцев. Несколько раз посещали братья Леонид и Борис Бриннеры. Борис Юльевич — отец знаменитого голливудского киноартиста Юла Бриннера. В 1938 году, перед отправкой сына на учебу в театральную Америку, Борис Юльевич привозил его к нам в Корею и побывал с ним на охоте. Кстати, мы с Бриннерами не такие уж дальние родственники: наши бабушки, иркутские бурятки Куркутовы, — двоюродные сестры. И все годы эмиграции между нашими семьями поддерживались самые теплые отношения. Юл Бриннер, как сообщает в своей книге «Человек, который мог стать королем» его сын Рок Бриннер, став голливудской знаменитостью, покорила сердца таких звезд экрана, как Марлен Дитрих, Мэрилин Монро, Дебора Керр, Джейн Фонда. Причем иллюстрирует пребывание этих див в своем доме их фотографиями.

С годами я сменил дедовскую трехстволку на пятизарядный бельгийский браунинг 16 калибра. Сделал из него по

Гензана. Кто знает, может охотник и приврал, сбил пять из пяти не одной очередью. Я загорелся повторить рекорд. Но шли годы, а кроме редких триплетов ничего не получалось.

В последнюю предвоенную весну, вовсе не предполагая что для нас она последняя, 22 марта мы прикатили в Янчен небольшой компанией. Иркутский богатырь дядька Виктор, двоюродный брат отца; мой самый младший брат Юрий; один из постоянных помощников-поваров на охоте кореец Ан Ынчери. И я. Кстати, наш Юля (Юрий) минувшей зимой спас папу из объятий раненой тигрицы. И свалил последнего из тройки самца, когда тот сделал огромный прыжок за сворой наших собак. Стрелок превосходный.

Прибыли на этот раз на форде по прозвищу «Голубок». На крышке радиатора той универсальной машины «сидел», расправив крылышки, серебристый металлический голубь. Четырехцилиндровые «формы» начала 30-х годов (в отличие от восьмицилиндровых) имели, кроме задней, всего три передачи скорости. Однако на третьей развивали до ста километров, а на второй легко брали очень крутые виражи-подъемы. Не говоря о том, что при высокой посадке свободно бегали по самым примитивным тележным дорогам. От главного шоссе к фанзе Кима «Голубок» легко преодолевал тележную тропу в семь верст и оставался отдыхать во дворе фанзы за высоким ивовым плетнем. Перебраться через овраг к охотничьему домику уже не мог.

Два дня этой последней охоты 41-го года прошли очень удачно. На крючках кладовой уже висело несколько десятков выпотрошенных и подсолненных красавцев селезней всех цветов радуги. Кряквы, шилохвости, косатки, связы, клокуны, не считая серых уток. С другой стороны развешаны гуси: гуменники и казарки². Впереди было еще три дня охоты, как вдруг погода нахмурилась, похолодало. Лёт сразу превратился. Более того, много стай на большой высоте повалили обратно на юго-запад.

Целый день без дела провалились на нарах и надумали сделать глубокую разведку на Четвертое и Пятое дальние озера. Прежде такой поход пешком, да еще через три перевала, занимал более полдня. Но на «Голубке», даже сделав большую петлю, можно добраться за час. Назад на шоссе, по нему дальше на север, а там снова тележной тропой к морю и озерам.

Оставив Ынчери сторожить домик и дичь, отправились втроем. Наш фазтон легко преодолел все немыслимые для современных городских машин тропы. Достиг берега большого, вытянутого вдоль моря Четвертого озера.

Я поставил машину слева от тележной дороги (в те годы движение в Корею было левосторонним). Мы накры-

гусям много красивых дуплетов; несколько раз удавалось выбивать по три. Но вот однажды в сеульском американском журнале прочел рассказ очень удачливого стрелка. Было и фото автора с пятью взятыми из одной стаи гуменниками. Роскошная фотография — на рисовых полях неподалеку от

² Хотя сроки охоты соблюдались строго, никаких количественных ограничений на отстрел не существовало.

ли «Голубка» большим, специально сшитым для таких путешествий бязевым чехлом с завязками. Только успели их закрепить, как Люля, оглянувшись, просипел: «Смотрите, смотрите, гуси!»

В самом деле, над Пятым озером разворачивалась стая в два десятка самых крупных серых гуменников. Они сделали разворот и опустились на середину почти круглого, расположенного у подножия горы водоема.

Между двумя озерами пролегла сухая, поросшая ковылем и полынью ровная низина. А со стороны высокого хребта, постепенно понижаясь, протянулся острый кряжик, упирающийся в эту низменность. Подкрасться незаметно к зорким и крайне осторожным птицам не было ни малейшей надежды. И родилась мысль попробовать обмануть. Я заберусь и спрячусь на остром хребтике, а ребята крайнут подходить с двух направлений так, чтобы спугнуть стаю на меня. Тем более учитывая ветер: гусь, как правило, снимается против ветра. Решили использовать этот единственный шанс.

Я демонстративно, на виду у наблюдавших за нами на расстоянии полуверсты зорких сторожей, ушел далеко в сторону. Скрывшись с глаз стай, незаметно взобрался на разделяющий озеро кряжик. Выглянул. Стая вела себя спокойно, но на таком расстоянии о стрельбе не могло быть и речи.

Глянул в сторону компаньонов. Они,

разойдясь, медленно продвигались к берегу Пятого озера. Гуси, вытянув шею, стали сбиваться в кучку. И вдруг сорвались, сразу набирая высоту, и, как я и предполагал, разворачивались против ветра, прямо на меня! Ближе, ближе... Тяжелые птицы медленно набирают высоту. Встречный ветер прижимает к земле. Должны налететь метров на двадцать.

Счет пошел на секунды. Щелкнул предохранителем — браунинг готов. Что-то толкнуло меня в последний момент обернуться. Вероятно, привычка почувствовать, что происходит вокруг. Обернулся и вздрогнул: со стороны Четвертого озера на меня несся по ветру одиночка гусь! По опыту понял: на секунду-другую он опередит стаю, нужно начинать с него. Поймал на мушку, учитывая скорость, сделал большой вынос и угадал точно. Он шел низко и с ходу врезался в куст, забил крыльями.

Гильза отлетела в сторону, затвор щелкнул, встал на место. Понял: пора. Развернулся, а стая — вот она, уже надо мной. Ясно видны розоватые пухлые животы, прижатые к ним оранжево-розовые лапки. Плывут медленно, ветер тормозит тяжелых, по 4—5 килограммов каждый, «речников».

Шепчу себе (а может быть, думаю): «Спокойно, не горячись!» Бью «передовика». Он падает камнем. Это уже второй — есть дуплет! Ловлю третьего. Английские патроны марки «Диана» — два нуля, по-английски «БИ-БИ», при-

везенные мной два месяца назад из Шанхая, делают свое дело безупречно: гусь валится замертво. Значит, триплет. Понимаю: у меня в запасе еще два патрона. Если свалю еще пару, осуществлю давнюю мечту: догнать того американца, что хвалился в охотничьем журнале, — добыл пять гуменников не сходя с места...

Четвертый выстрел. Гусь покосился в воздухе, опустил лапы, качается, но сразу не падает. Есть еще время бить по пятому, но вдруг и этот утает? На решение остаются мгновения, и... я расходую последний патрон на добивание... очевидно, уже готового упасть гуся. Он падает отвесно, но затвор браунинга раскрыт, то был последний патрон. Хотя гуси в панике и еще вполне досягаемы, добыто всего четыре. Квадриплет!

Все равно здорово, случай редчайший. Дядя и брат наблюдали его воочию. Они машут руками и кричат: «Ура, молодец! Bravo!»

И я был, конечно, доволен. А главное, поверил, что может получиться и пять из пяти. При соответствующих условиях и везении, конечно.

Все же за восемьдесят сезонов — ежегодно (с перерывом только на восемь «сезонов» сталинских «университетов») — у меня был лишь один квадриплет. И ни одного «пять из пяти».

Рисунки Б. Игнатьева

Производственное предприятие индивидуального предпринимателя
Федотова Алексея Витальевича.

ПАВЛОВО

1566

1. Самая полная информация на: www.pavlovokuznez.ru
2. Адрес: ИП «Федотов А.В.» 606108, Нижегородская обл., г. Павлово, ул. Новаторов, 7 - 1.
3. Тел/факс: 8(83171)3-70-12. Мобильный: 8-910-393-92-02 - Алексей Панов.
4. Адрес электронной почты: info@pavlovokuznez.ru
5. Вся наша продукция сертифицирована в ЭКЦ МВД РФ и не является холодным оружием.
6. Предлагаем сотрудничество физическим и юридическим лицам.
7. Отправляем ножи почтой в любой регион РФ и мира, от одной штуки.
8. Стоимость заказа и почтовых расходов определяется индивидуально.
9. Средняя стоимость ножей:
 - с клинками из стали «Дамаск» - 2500 рублей.
 - с клинками из листовой нержавеющей стали марки 65X13 - 800 рублей.
 - с клинками из кованой нержавеющей стали марки 95X18 - 1500 рублей.
 - с клинками из углеродистых инструментальных сталей - 1200 рублей.
10. Все ножи продаём в кожаных чехлах с приложением сертификата.
11. Для защиты клинка из углеродистых сталей от ржавления, применяем химическое воронение. Клинок приобретает чёрный гляцевый цвет.
12. Рукояти ножей изготавливаем из ценных пород дерева, бересты и африканской древесины.
13. Изготавливаем ножи и клинки по эскизу Заказчика.
14. Устанавливаем на навершие рукояти литые головы животных.
15. Выполняем гравировальные работы.
16. На обухе любого клинка можно оставить следы ковки, что придаёт ножу уникальный вид.
17. Высылаем каталоги нашей продукции.

«Финский» Д. клинка - 150. Т. обуха - 2,4.

«Сиг 2» Д. клинка - 140. Т. обуха - 2,4.

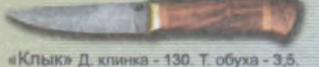
«Кедр 3» Д. клинка 140. Т. обуха - 2,4.

«Лось 1» Д. клинка - 115. Т. обуха - 2,4.

«Олень 1» Д. клинка - 150. Т. обуха - 2,4.

«Клык» Д. клинка - 130. Т. обуха - 3,5.

«Тавжный 1» Д. клинка - 170. Т. обуха - 5,0.

«Сиг С» Д. клинка - 110. Т. обуха - 3,2.

Любые клинки и поковки на заказ

«Сиг 3» Д. клинка - 170. Т. обуха - 5,0.

«Подручный» Д. клинка - 110. Т. обуха - 3,0.

«Филейный 3» Д. клинка - 180. Т. обуха - 1,7.

Волгоградская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

Приспособились

Рассказы бывалых рыбаков о том, что в низовьях Бухтарминского водохранилища рыбы водится «видимо-невидимо», полностью подтвердились. Рыба в самом деле клевала хорошо, и в моей одноместной лодке скоро набралось десятка полтора окуней и увесистых лещей.

Я сижу в лодке и наслаждаюсь теплом. Рыбы уже вполне достаточно, и от нечего делать с удовольствием наблюдаю за тончайшими паутинами, струящимися над водой, как на сказочных коврах-самолетах уносящими своих владельцев в неведомые дали. Представляю, сколько неожиданных преград возникнет на пути этих маленьких путешественников и как рискуют они, отправляясь в столь далекое далеко.

К полудню со стороны водохранилища потянул свежий ветерок, он набирал силу с каждой минутой, поверхность лагуны вмиг стала как стиральная доска, а вскоре и волны, угрожающе шипя, забились о борта моей лодочки, обдавая лицо и руки колючими брызгами. Стало неуютно и, не испытывая судьбу, быстренько поднимаю якорь и спешу к берегу. Издалека вижу, как мои товарищи сгрудились у палатки, бегают, суетятся, временами слышу их встревоженные голоса. Видимо, что-то чрезвычайное произошло в мое отсутствие. Встревоженный, налегаю на весла. По мере приближения к стоянке причина беспокойства стала проясняться. Усилившийся ветер погнал воду на пологий берег, и наши пожитки в считанные минуты оказались в воде. Будь мы внимательнее при выборе места под бивак, этого бы не случилось. Через полчаса, мокрые и злые, кое-как устроились с пожитками на одном из барханов, окруженном водой, бурно обсуждая происшествие. Ветер прекратился только к заходу солнца, вода медленно уходила, обнажая кусты полыни и обширные клочки земли с зеленой не по-осеннему травой. Незаметно как-то исчезли и лужи на песчаной почве. Так вот почему в этом месте сохранилась зеленая травка, в то время как вокруг, насколько хватает глаз, вся растительность поблекла.

Не ожидая темноты, переносим пожитки на новое место и, как выяснилось позже, поступаем правильно. «Наводнение» повторялось ежедневно с завидным постоянством, но нас оно уже не беспокоило.

В один из дней, оставшись на берегу в качестве дежурного, заканчивал хозяйственные дела и невольно обратил внимание на появление множества различных куличков и скворцов. Случилось это примерно около часа дня, перед тем как начаться приливу. Стайками и в одиночку с пронзительным криком они кружились над лагуной, в воздухе стоял невообразимый гвалт. С воды потянули чайки и тоже вперемешку с куличками закружились над берегом, как будто в ожидании чего-то. Поодаль на барханах расселись степенные вороны и с важным видом приводили в порядок свое оперение. Планируя на упругих крыльях, появились и полевые луны. Все это смахивало на птичий базар, раньше мне не приходилось встречать подобное скопление разных птиц.

И вот пошла вода. Что тут началось! Все это множество птиц немедленно поднялось на крыло и затрепетало над наступающей на сушу водой. Хаос птичьей разногласицы резал слух. Я уже догадывался, в чем дело, но чтобы убедиться окончательно в своих предположениях, натянул на ноги болотные сапоги и зашагал вслед за наступающей водой. Не прошел я и полусотни метров, как увидел плывущую мышь. Она поплыла к кусту полыни, на котором еще с прошлого наводнения остался клочок сухой травы, ловко взобралась на него и, не обращая на меня внимания, принялась умывать мордочку передними лапками. А несколько в стороне, старательно изгибаясь телом, плыла к берегу ящерица. Так вот чего дожидались вороны и луны. С чайками и куличками все ясно. На мелководье вместе с водой, видимо, пошла молодежь рыбы, с влажной земли поднимались тучи различных мел-

ких насекомых, а вот что могут найти здесь скворцы, предстояло еще выяснить, и я брел по воде, внимательно поглядывая вокруг. Когда же наконец «догнал» воду, то ларчик открылся просто. Затапливая сушу, вода поднимала в воздух бесчисленное множество саранчи. Теперь все встало на свои места. Вечером, когда утихал ветер и уходила вода, полакомиться свежей травкой спешили различные грызуны и насекомые, потому что вокруг лежала выжженная солнцем песчаная равнина, а этот зеленый оазис как магнит притягивал к себе. Всю ночь и еще полдня эти полчища травоядных «пировали» на сочной траве в свое удовольствие, а к концу дня, застигнутые водой, спасались как могли. Птицы быстро приспособились к графику и в нужный час ежедневно собирались у кормного места.

Б. РЕПИН

Шуток медведи не понимают

Эту достаточно курьезную историю я услышал в охотничьей избушке, расположенной в двух сотнях километров от Архангельска за традиционной вечерней «рюмочкой чая». И хотя она случилась не с охотниками, а с двумя рыбаками, но ее третий участник, медведь, — вполне охотничий объект. Рассказчиком же был архангельский охотинспектор Юра Шестаков.

Два парня отправились порыбачить на одно глухое озеро в самом начале осени, когда березки только начали ронять желтые листочки. Ночи уже случались холодные, но днем еще было тепло, почти как летом. Только-только полетели паутинки с крошечными паучками на них, а в небе появились первые стаи перелетных птиц. Одним словом, стояло бабье лето, прекраснейшее время года.

Рыбачить там можно было только с лодки, так как озеро окружала широкая полоса тростника. Поставив палатку и накачав резиновую лодку, ребята поплыли искать свое рыбацкое счастье. И оно их не обмануло. Улов на труднодоступном и поэтому не обловленном озере оказался на славу. Но когда они вернулись, то увидели, что в их отсутствие в лагере побывал непрошенный гость — медведь.

Надо сказать, что в архангельском крае и охотники, и рыбаки, и ягодуники с грибниками в лес или на речку ходят только с выпускаемыми в Северодвинске легкими дюралевыми заплочными коробами. Съестные припасы в них оказываются недоступными для мышей, в них же удобно выносить добычу.

Так вот оказалось, что медведь вытащил один короб из палатки, открыл его и полакомился банкой сгущенки. Других вредностей не причинил. То ли не успел, услышав приближающуюся лодку, то ли оказался не таким вредным, как обычно бывают медведи. Но ребята не оценили «благородство» лесного хозяина и решили отвадить его совсем. С этой целью на следующее утро перед тем, как отплыть на лодке, они насыпали на крышки коробов черной молотый перец, полагая, что запах перца медведю не понравится и он уйдет восвояси. Увы, они просчитались.

Даже обладая большой фантазией, трудно представить себе, какое выражение появилось на лицах молодых людей, когда, вернувшись, они увидели в своем лагере полный разгром. Короба были сплющены в лепешки, палатка повалена и изодрана в лохмотья, все их имущество разорвано когтями и разбросано на поляне. По всему было видно, что, нюхнув перца, медведь пришел в неопишемую ярость и разнес лагерь в пух и прах.

Решив больше не искушать судьбу, ребята быстро собрали уцелевшие пожитки и, поминутно оглядываясь, поспешили домой. По сути дела у них осталась только лодка, рыболовные снасти да последний улов. И еще твердая убежденность, что медведи шуток не понимают и впредь лучше не допускать с ними никаких вольностей.

Ну, как тут не вспомнить и не перефразировать Козьму Пруткову: не шути с медведем, эти шуточки глупы и неприличны.

Владислав ОКУНЬ

Биоразнообразие охотничьих

животных о США

В. ДЁЖКИН

Методы по сохранению и увеличению биоразнообразия охотничьих зверей и птиц. Работа ведется постоянно и параллельно в двух направлениях: сохранение и восстановление экосистемного биоразнообразия и сохранение и восстановление организменного биоразнообразия. Необходимо всегда помнить об этом.

Биотехнические мероприятия. Кажется бы, богатая природа Соединенных Штатов позволяет американским охотоведам обходиться без специальных мер по улучшению охотничьих угодий и оказанию помощи диким животным. Однако это не так. Они не только энергично работают в области биотехники сами, но и привлекают к этому делу соседей по природопользованию — лесников, аграриев, ихтиологов, специалистов по охране почв и вод. Именно комплексный подход, основанный на современных эколого-экономических принципах, позволяет США добиваться таких значительных результатов, о которых было рассказано выше.

Огромнен масштаб работ по акклиматизации и реакклиматизации диких животных, нередко, правда, имеющих последствием биологическое загрязнение фауны. Мы уже упоминали о массовом, иногда не обоснованном вселении чужеземных видов в штат Техас, куда за несколько десятилетий было завезено 18 тыс. диких копытных животных, относящихся к 28 видам.

Безусловно, только положительно могут быть оценены результаты акклиматизации на континенте фазана, превратившегося в один из основных объектов охоты для миллионов американцев. Первая неудачная попытка акклиматизации этой красивой птицы, отсутствовавшей на континенте, была предпринята еще в 1773 г. Успех пришел в 1881 г., когда в штате Орегон прижились 28 выпущенных фазанов. Уже в 1891 г. на них разрешили охоту. Масштабы мероприятия увеличивались с каждым годом. Только за 1938—1967 г. в 27 штатах было выпущено 339,3 тыс. птиц. Племенной материал для акклиматизации первоначально поступал с фазаньих ферм Великобритании, Германии, других стран Европы, а также из азиатских стран. Фазаны свободно скрещивались между собой, образовывались гибридные формы, так что со временем определить их систематическую принадлежность стало невозможным. Появился «охотничий фазан», встречающийся на пространстве от бе-

регов Атлантического до берегов Тихого океана.

Другой успех принадлежит аборигену Северной Америки, дикой индейке, когда-то в огромном количестве населявшей леса континента. К 1900 г. численность этой великолепной птицы на большей части территории США была сведена к минимуму. Восстановлению индейки способствовали вырубка неблагоприятных для нее типов леса и создание видовых заказников. В 1930 г. началось широкое разведение индейки на специальных фермах для ее последующего выпуска в природу. Фермовских самок помещали в гнезда в открытых биотопах, где их могли встретить и покрыть дикие самцы. Только за 1938—1967 гг. в 33 штатах интродуцировали 16024 диких индеек. Если в семидесятых годах прошлого столетия дикая индейка обитала в 42 штатах и численность ее превышала 1,25 млн. особей, то к 2001 г. численность этой птицы в лесах США достигла 5 млн. особей.

Третий пример феноменального успеха реакклиматизации — канадский бобр, все население которого на кон-

Канадский бобр

тиненте в начале XX века не превышало 10 тыс. особей. Напомним, что в настоящее время, по данным Р. Башера (2002), в США имеется от 6 до 9 млн. бобров. Этих грызунов начали энергично расселять в 40—50-е годы прошлого столетия. В 1952 г. восстановлением ареала и численности бобра занимались 22 штата. За 11 лет в них отловили и выпустили в новые местообитания более 50 тыс. животных. В дальнейшем эта работа продолжалась, причем кое-где приходилось принимать меры и по переселению и вылову размножившихся и вредящих бобров (в конце 40—50-х гг. в США появился выразительный термин «бобровая угроза»).

Здесь приведены лишь три наиболее ярких примера успешного расселения в США охотничьих зверей и птиц. Объектами акклиматизации и реакклиматизации были еще десятки видов животных. Эта работа была удачной не только потому, что имелась возможность вкладывать в нее значительные финансовые средства. Американские охотоведы, зоологи, экологи квалифицированно обследовали места будущего выпуска животных, организовывали их охрану, в том числе путем создания видовых заказников, регулировали численность хищников и т. д. Охотничья и природоохранная общественность всегда была в курсе проводимых мероприятий и способствовала их успеху.

Большое внимание уделялось (и уделяется) сохранению и улучшению условий обитания охотничьих зверей и птиц в различных типах местообитаний, причем эти работы часто проводятся на межведомственной основе, с участием землевладельцев и землепользователей. Они относятся к сфере экосистемного биоразнообразия.

В лесных угодьях разрабатываются и внедряются выгодные для лесного хозяйства и охотничьих животных методы рубки леса. Один из них — создание и поддержание разновозрастных, разновозрастных и разнополотных участков леса. В заказнике Пьедмонт в Джорджии такая система базируется на 80-летней ротации и 8-летнем цикле рубок леса. Биотехнические мероприятия в лесах заключаются в увеличении мозаичности угодий, повышении протяженности внутренних лесных опушек, улучшении кормовой базы и поддержании диких зверей и птиц в трудные для них периоды. В штате Оклахома, например, под руководством охотоведов в лесах создаются кормовые поля, на которых высевают и высаживают зерновые культуры, коровий горох, различные виды леспедецы, чуфу, коричнеголовое просо, сорго, кукурузу, земляной орех, гречку заметную, ежу сборную, розу многоцветковую. Кормовые поля в штате занимают в общей сложности 0,15 % стаций охотничьих животных.

Широко практикуются контролируемые лесные палы, особенно в климатических лесных насаждениях, которые повышают содержание минеральных веществ в почвах, улучшают появление побегов у некоторых видов кустарников, обогащают кормовую базу растительноядных животных. Масштабы применения палов в некоторых штатах (например, в Калифорнии) определя-

Окончание. Начало см. в № 4

Фазан

ются сотнями тысяч гектаров. Их проводят весной и осенью при высокой влажности почвы, чтобы избежать ее эрозии и «не упустить» огонь в кроны деревьев.

Интересная форма лесной биотехники — создание временных «зеленых резервуаров». Перед половодьем устраивают запруды в приустьевых частях лесных рек и ручьев, чтобы создать условия для гнездования водных птиц. Когда у птиц появляются выводки, воду из запруд спускают. На состоянии деревьев в зонах кратковременного затопления это мероприятие отрицательно не сказывается.

С сельскохозяйственных угодий в США в конце прошлого столетия получали до 80 % всей полевой дичи и около 40 % пушных зверей. На них приходилось 90 % выездов охотников. Неудивительно то внимание, которое американские охотоведы оказывают работам по сохранению и повышению биологической продуктивности полевых охотничьих угодий. Помимо обычного набора биотехнических мероприятий, это создание зеленых изгородей на окраинах полей из защитных и кормовых кустарников (общая протяженность тысячи километров), защита охотничьих зверей и птиц во время сельскохозяйственных работ, регулирование численности нежелательных видов хищников. Но, несомненно, охотничье хозяйство получило (и получает) очень большой выигрш от сотрудничества с сельским хозяйством в рамках комплексных программ по охране и восстановлению почв, в том числе по осуществлению противоэрозионных мероприятий, и в программах по охране водосборных бассейнов рек.

В комплекс противоэрозионных мероприятий входит создание почвозащитных лесных полос, в которых находят корма и укрытия многие виды полезных млекопитающих и птиц, в том числе охотничьих, и специальные гид-

ротехнические сооружения: строительство перепадов, прудов, лиманов, обвалование вершин оврагов, укрепление берегов водоемов деревьями и кустарниками и т. д. В них находят свои ниши рыба, водные и околводные охотничьи звери и птицы, певчие птицы, полезные насекомые. Лишь за 1930—1960 гг. в рамках нескольких целевых программ в США было сооружено 1665 тыс. различных водохранилищ (преимущественно маленьких, с незначительной площадью испарения), 3034 тыс. противоэрозионных плотин, дамб, систем перепадов, 1564 тыс. водных резервуаров для скота, созданы контурные посевы на площади 5794 тыс. акров, защитный растительный покров на площади 74496 тыс. акров, деревья высажены на площади 2991 тыс. акров. Работы продолжались и в последующие годы. Несложно себе представить, как все это отразилось на условиях обитания и численности охотничьих животных.

Ну и, наконец, несколько слов о биотехнике в водно-болотных угодьях США. Здесь применяется множество биотехнических мероприятий, упомянем о двух своеобразных группах. Первая — проведение комплексной мелиорации водно-болотных угодий, предусматривающей как интересы сельского хозяйства, так и интересы водно-болотных экосистем и диких животных. Бюро мелиорации США выделяло значительные суммы денег на проведение исследований и проектных изысканий для развития рыболовства и охоты на образуемых землях. Например, из 100 тыс. мелиорируемых земель в Северной Дакоте на 80 тыс. га предполагалось сохранить условия для рыбалки и охоты (с соответствующим финансовым обеспечением этих работ).

Вторая группа — выкуп переувлажненных земель и водных угодий у фермеров в штатах США и провинциях Канады, расположенных в прериях Великих Равнин. Здесь расположены важные районы гнездования водной дичи Северной Америки, и спасая их от грядущего осушения, охотничьи и природоохранные организации поддерживают высокопродуктивные популяции водоплавающей дичи континента. Объем регулярных выкупов этих ценных для охотничьего хозяйства угодий составляет сотни тысяч гектаров, а затраты на эти цели — сотни миллионов долларов. На выкупленных у фермеров землях осуществляются самые различные биотехнические мероприятия.

Самый беглый очерк о биотехнических мероприятиях, проводимых в США, свидетельствует об их огромном объеме, разнообразии, исключительной роли в существовании и постоянном прогрессе охотничьего хозяйства

Дикая индейка

этой страны, о высокой квалификации работающих в нем специалистов.

Ущерб от излишков дичи. От американских исследователей не могут укрыться процессы, связанные с увеличением численности и недостаточным промыслом популяций некоторых видов охотничьих животных («заслуги» абстрактных природоохранников, тормозящих нормальную охоту). При отсутствии должного контроля они приводят к возникновению значительного хозяйственного ущерба. Так, в конце 70-х годов ежегодный ущерб, наносимый 22 видами зверей и птиц, составил 1 292 528 000 долл. Главный «вредитель» — многочисленный белохвостый олень, являющийся причиной большинства транспортных происшествий с участием диких животных (ущерб превышает 1 млрд. долл.). На втором месте находится канадский бобр (свыше 109 млн. долл.), далее следуют сурки (почти 43 млн. долл.), енот (почти 42 млн. долл.), койот (13,67 млн. долл.), чернохвостый олень (около 13 млн. долл.), голуби (11,7 млн. долл.).

Закключение. Несомненно, высокая эффективность охотничьего хозяйства США определяется прежде всего благоприятными природными условиями этой страны и большими возможностями государства и охотников вкладывать огромные средства в поддержание и развитие охоты, в том числе — на биотехнические мероприятия. Однако это далеко не все. Значительную роль играет отношение к охоте как одной из форм комплексного биологического природопользования и учет ее интересов в деятельности сельского, лесного, водного, рыбного хозяйства.

Вниманию наших авторов!

Налоговая инспекция требует от редакций сведений об авторах: фамилия, имя, отчество; день, месяц и год рождения; ксерокопии паспорта и страхового пенсионного свидетельства; домашний адрес с почтовым индексом; ИНН. Просим присылать перечисленные сведения вместе с материалами, предлагаемыми для публикации. Присланные рукописи не рецензируются и обратно по почте не возвращаются.

Уважаемые работники редакции! Пишут вам с Алтая охотники со стажем более четверти века, большие любители исконно русской охоты — охоты с гончими. Много лет содержим русских пегих гончих, охотимся с ними, занимаемся совершенствованием и продолжением этой замечательной породы. Пишем впервые, хотя журнал читаем с незапамятных времен (выписывали еще наши отцы).

В 2007 году исполняется 80 лет удивительнейшему, чудному, доброму, богатому душой человеку — Микрюкову Борису Николаевичу, проживающему в далеком, но очень близком для нас городке Воткинске, что в Удмуртии. Рыбалка и охота, особенно охота с гончей, — его любимейшее занятие. Первую гончую Борис Николаевич приобрел в 16 лет.

В 1944 г. он вступил в Воткинское общество охотников. С 1948 г., после окончания Воткинского машиностроительного техникума, работал в военном предствительстве на машзаводе — до 1986 года. Впервые возглавил бригаду охотников-волчатников в 1962 г. Тогда за совхозом «Воткинский» взяли за один раз 4 волков.

Б. Н. Микрюков — ветеран труда, почетный член Всероссийского и Удмуртского ООИР. За 60 с лишним охотничьих сезонов его бригадой истреблено более 250 волков. Он и его бригада не раз награждались дипломами 1 и 2 степеней, многочисленными грамотами, получали множество благодарственных писем.

Дважды Борису Николаевичу, как победителю республиканского конкурса, предоставлялась возможность приобрести вне очереди машину за свой счет (тогда это был дефицит). В 1990 году он приобрел «Ниву», которая до сих пор ему служит. Его статьи как заводчика и охотника публиковались в газетах и на страницах вашего журнала.

С 1943 года у Бориса Микрюкова было много гончих, в основном русско-пегие. С 1949 г. его собачки на испы-

таниях гончих по зайцу получали дипломы за полевую работу, становились победителями многих состязаний и выставок. Неоднократно питомцы Б. Микрюкова становились чемпионами республиканских выставок, обладателями медалей, призерами состязаний гончих Удмуртии.

За щенками к Борису Николаевичу приезжали из разных уголков нашей страны. И к нашим словам уважения и благодарности, думаю, присоединятся многие охотники-гончатники, которым довелось приобрести выжлят у этого замечательного заводчика и человека.

И сегодня у Микрюкова живут гончие: Оха — призер республиканских соревнований и молодая Журка, которая еще только постигает охотничье мастерство. Многие годы большую помощь Борису Николаевичу в содержании и воспитании гончих оказывала его жена — Камила Ивановна. Сегодня у этих замечательных людей подрастают 6 внуков и две правнучки.

Борис Николаевич и Камила Ивановна Микрюковы
г. Воткинск, Удмуртия

Еще раз хотим выразить большую благодарность Б. Н. Микрюкову за его подвижничество в деле развития охотничьего собаководства в нашей стране.

С. БОНДАРЕНКО, И. АЛЬБЕРТ,
охотники с Алтая

ЕЩЕ НЕМНОГО О ТОЗ-34

Приклад с усовершенствованной системой крепления

Здравствуйтесь, уважаемая редакция. Спасибо за публикацию моих фото и заметки о Горной Шории в журнале № 12, 2005 г. Прочитал статью (№ 2, 2006) И. Алехина о ружье ТОЗ-34. Человек прекрасно разбирается в оружии, приятно читать грамотную статью. На мой взгляд, ружье ТОЗ-34 имеет два существенных недостатка — слабое крепление приклада и недостаточно мощные пружины (боевые). Сейчас с пружинами нет проблем, в любом оружейном магазине можно купить запасные. А с креплением приклада я проблему давно решил. Поверьте, это хорошее техническое решение, и если вы напечатаете чертеж, то очень многим охотникам поможет избавиться от последнего недостатка прекрасного ружья.

Я многим охотникам на ТОЗ-34 (можно и на ИЖ-49, ИЖ-54, Зауэр, Зимсон) поставил стяжной винт, как на ижевских ружьях, но только не ставлю средник, как у ИЖ-58, в который вкручивается стяжной винт. Вместо средника стальная трубка, через которую проходит поперечный винт 1, другой конец с резьбой М-6 для стяжного винта. Главное в этой работе — точно просверлить отверстие в прикладе. Если сами не сможете, то всегда найдется человек, который поможет в этом.

При сборке приклада хорошо затяните винт 1 и уже потом затягивайте винт 2, а при снятии приклада достаточно винт 2 ослабить на 2–3 оборота, и дальнейшая разборка как обычно. Отверстие в дереве под винт 1 расширить в сторону затыльника приклада 3. Такое крепление, наверное, даже прочнее, чем

на ружьях с традиционным стяжным винтом.

С уважением, охотник-любитель

Ю. КОРЖЕВ
Горная Шория

В редакцию поступило письмо от нашего читателя М. Бейсова из Хантымансийского АО, где он возмущается запретом любительской охоты с малокалиберными винтовками и карабинами, считая этот запрет необоснованной инициативой местных чиновников.

Уважаемый тов. Бейсов! Редакция получила Ваше письмо и по существу вопроса может ответить следующее. Спортивная и любительская охота с малокалиберными винтовками и карабинами запрещена уже много лет.

Если мы посмотрим типовые правила охоты доперестроечного периода, то и там найдем этот пункт. Тот, кто много охотился с оружием под патрон кольцевого воспламенения (бокового огня), знает, что патрончик обладает достаточной убийностью только для рябчика и куропатки, а из пушных видов — для белки, соболя и куницы. Стрельба по тетереву и глухарю приводит к появлению очень большого количества подранков.

В настоящее время выпускается несколько типов патронов повышенной мощности с экспансивными пулями (Сурок, Соболь). Они обладают лучшей убийностью, но особенностью всех патронов кольцевого воспламенения (в т. ч. и усиленных) является очень крутая траектория полета пули. Ошибка в определении дистанции на 15–20 м ведет к чистому прома-

ху или попаданию пульки в неубойное место — и, как результат, опять появление подранков.

В 50—60-е годы, когда в южных районах Западной Сибири практиковалась промысловая охота на тетеревов с чучелами или с подъезда на лошади, основным оружием охотника была малокалиберная винтовка. Практически все опрошенные охотники сошлись на том, что количество стреляных и не взятых птиц составило не менее 50 %. Поэтому ограничения, которые вносятся правилами охоты на использование в любительских охотах винтовок и карабинов под патроны кольцевого воспламенения, на наш взгляд, оправданы.

Однако вам, как владельцу комбинированного ружья «Север», опасаться репрессий не следует, так как в правилах записано четко, что запрет касается винтовок и карабинов. Ваше же ружье комбинированное, оно не относится ни к винтовкам, ни к карабинам. Но воспользоваться на охоте нарезным малокалиберным стволом запрещено и вам.

Редактор отдела оружия
А. БЛЮМ

Дорогая редакция любимого журнала! Позвольте мне рассказать о вялотекущем экологическом беспределе в уникальном уголке природы — цепи озер Кумо Маньчской впадины, от Маныч — Судило до Чограйского водохранилища. Дело в том, что через эти озера пролегают трассы перелетных птиц — гусей, уток, куликов осенью на юг, к местам зимовий, а весной — в обратном направлении на необъятные просторы России вплоть до берегов Ледовитого океана. По этой причине все приозерные уголки общего пользования стали Меккой для охотников Ставрополя, да и не только. Часты здесь гости из Москвы, Краснодарского края, Ростовской области и Калмыкии. И все было бы хорошо, если бы не одно «но».

Я охочусь уже 40 лет, но с такими безобразиями стал сталкиваться лишь послед-

ние 10—15 лет. Охотники, приезжающие сюда, как правило уже с путевками, выкупленными в краевом обществе, и не представившись егерю, располагаются в приглянувшихся местах на 2—3 суток охоты и так же незаметно отбывают восвояси. Но то, что остается на их биваках, приводит в ужас: консервные банки, битое стекло, пакеты, бутылки, пластиковый ширпотреб, остатки ковриков. В очередной заезд для «отдыха» на природе они вновь выбирают наиболее приличные поляны, которые после отъезда этих «охотников» остаются неизвестными — сплошная мусорная свалка. И так из года в год.

Я об этом неоднократно писал в районную газету, но, видно, не все ее читают, а приезжие и не подозревают о моем возмущении. Я вносил предложения, чтобы егеря, члены общества охотников в порядке трудоучастия два раза в год производили санитарную очистку угодий от всевозможного мусора. Реакции — никакой.

А когда бесчинство ненаказуемо, оно переходит в закономерность, принимая новые формы. Для некоторых уже считается чуть ли не шиком отправить в казан лебедя, колпицу или краснозобую казарку. Это уже не назовешь просто падением нравственности, охотничьей этики — налицо разнузданное хамство, беспредел и произвол. Взирать на это невозможно, нужно начинать что-то делать. Может, по всей России ввести стандартные бланки охотничьих путевок, на обратной стороне которых отпечатать краткую памятку охотнику о его этической обязанности в отношении редких и краснокнижных животных, охраны природы и санитарии угодий, противопожарной безопасности, бережного отношения к фауне и закончить противоалкогольной пропагандой. Конечно, закоренелого матерого хама не перевоспитать, а менее безнадёжные, возможно, устыдятся своего свинства, и что-то все же изменится к лучшему. Очень хочется надеяться на это.

Василий ИВАШИНА
Ставропольский кр.

Здравствуйте, уважаемая редакция! Пишет вам охотник из далекой Якутии. Рыбалкой и охотой начал заниматься с детства, учила всему и воспитывала меня мама — одна, а нас у нее четверо. Мы все ей бесконечно благодарны.

С шести лет я начал рыбачить с удочкой. В 10 лет принес маме своего первого зайца. Я поймал его в петлю. С тех пор лес стал моим домом. Люблю природу, она у нас богата зверем и птицей. Охочусь обычно с братом Александром, а мама у нас занимается живописью и таксидермией. Ее работы разошлись по всей Якутии, есть и во Франции.

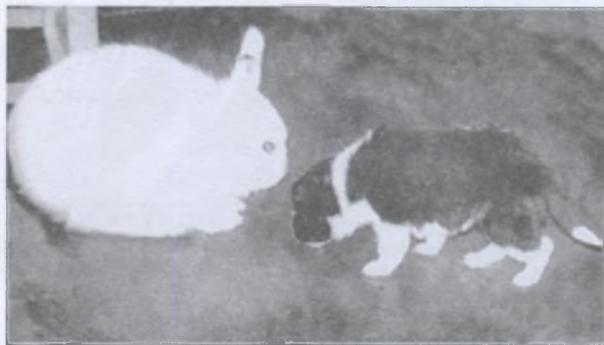
Живем мы рядом с лесом, заяц, белка совсем близко бегают, горностаей целый год

жил в нашей кладовке. Принес я как-то живого зайца, назвал его Коськой. Жил он хорошо, ночью ел, днем спал, оказался совсем не трусом. Пытался дружить со щенком, пока у того не проснулся охотничий инстинкт и он не начал гоняться за зайцем. Ел Коська все подряд — ветки, сено, сахар, печенку, все что угодно, вот только капусту с морковкой не ел.

Решил я принести из леса еще одного зайца, чтоб ему не было скучно. Что тут началось! От нашего нового друга ключья шерсти полетели. Пришлось его убрать в другую комнату.

Очень прошу напечатать мое письмо и фотографии.

А. ЦЫГАНКОВ
Якутия

Заяц Коська с щенком Байкалом

Цыганкова Анна Николаевна со своими работами

КУЗЯКИН В. Статистика — мониторинг — управление	1
СЕВАСТЬЯНОВ А. В майское утро	4
ПАВЛОВ М. Наука о вальдшнепе	6
САФОНОВ В. Сергею Александровичу Корытину — 85 лет	8
АНТОНОВ О. Из опыта применения, Magnum 12/76	9
СИВКОВ А. Тетерева с передатчиками	10
ГУРОВ В. С охотой об руку по жизни	12
КИЗИЛОВ Г. «Человек с ружьем» — еще не охотник	15
КАЛИНИН М. Моя Синяя птица	16
МАМОНОВ Л. Пантовка	18
УСИКОВ С. Охота на бурого медведя на Камчатке	20
МАЦОКИН А. Идеальный спаниель	24
БЕРЕСТОВСКИЙ Е. Маленькое ружье — большие заботы	28
Пять писем на одну тему	30
СТАРЧЕНКО Н. Закрайки	32
ГЕВЕЛЬ С. «Чиста работа»	32
СМИРНОВ В. Леонард Францевич Винницкий	34
МИХАЙЛОВ В. Незабываемое	36
ЯНКОВСКИЙ В. Квадриплет	38
ДЁЖКИН В. Биоразнообразии охотничьих животных в США	40
Письма читателей	44
Реклама	42
ШИШКИН В. Воробьиные	48

На первой странице обложки:
Если вы хотя бы раз в жизни побывали на тетеревином току, вам его не забыть

Фото А. Севастьянова
к фотоочерку «В майское утро»

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:
М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), Л. А. Гибет, В. В. Дёжкин, А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Б. Чернышев, В. С. Шишкин

Зав. отделом писем И. И. Полосухина

Художник Т. В. Баженов

Художественный редактор М. Л. Кнёрцер

Корректор Л. Н. Иконникова

Фотокорреспонденты:

А. Ф. Дигилевич, В. И. Животченко, А. А. Севастьянов

Сдано в набор 26.02.2007 г. Подписано к печати 29.03.07 г.

Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,04. Тираж 30 050 экз. Заказ 4472. Цена 37 руб.

Адрес редакции: 107996, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спасская ул., 18
Тел.: 207-24-05, 207-20-91

Отпечатано в ОАО «ЧПК»

Сайт: www.chpk.ru E-mail: marketing@chpk.ru

факс 8(49672) 6-25-36, факс 8(499) 270-73-00

отдел продаж услуг многоканальный: 8(499) 270-73-59

В случае обнаружения полиграфического брака

обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии

Зарегистрирован Государственным комитетом по печати

12.10.90 № 452

Птицы с простым названием — мухоловки продолжают будоражить ученые умы весьма непростыми вопросами. Это касается происхождения и объема семейства мухоловок в отряде воробьиных. И в узкой трактовке семейства насчитывается более 100 видов из Африки и Евразии. Включая же монархов, веерохвосток, ряд родов австралийских птиц, число видов в семействе увеличивается до 400. Крайняя точка зрения — объединить в гигантское семейство мухоловок еще и дроздовых, славковых, корольковых, сutorовых, тимелиевых. Тогда такое семейство станет самым крупным в отряде — 1,5 тыс. видов. И в узкой трактовке семейства самый обычный вид **мухоловка-пеструшка**, гнездящаяся у нас в лесной зоне от Карелии до Енисея (залеты до Прибайкалья) в дуплах и искусственных гнездовьях, озадачивает нестабильной окраской самцов. Эти небольшие птички (длина 14 см), обычно охотящиеся с присады (сидящая мухоловка часто вздрагивает крыльями), могут иметь контрастную черно-белую окраску и серую, «самочью», а также ряд промежуточных форм. У обитающей южнее в Европейской части России и на Украине **мухоловки-белошейки** самцы строго черно-белые, белые поля на крыльях больше, белое кольцо охватывает шею. Промежуточная форма — **полушейниковая мухоловка** с Кавказа и из Крыма часто выделяется в отдельный вид. Настоящая радуга в оперении самцов у наших дальневосточных мухоловок — **желтоспинной** (ярко-желтый цвет на брюшной стороне, пояснице), сменяющей ее на Сахалине **японской** (бровь желтая, зоб оранжеватее) и поразительной по красоте **сибирской мухоловки**. У ее самцов на спинной стороне цвета чередуются от бирюзово-синего до темно-лилового, брюхо белое, грудь и горло черные. Синие мухоловки гнездятся чаще не в дуплах, а в нишах, углублениях между корней. Самцы **таежной мухоловки** похожи по схеме окраски на самцов **желтоспинной**, но брюшная сторона ржаво-рыжая, белого на брови и крыле меньше, поясница бурая. Гнездится таежная мухоловка еще более открыто, чем синяя, часто на ветвях, распространена от Сахалина до Алтая. В Сибири таежная мухоловка встречается с более мелкой, но расселившейся гораздо шире **малой мухоловкой** (от Камчатки до Прибалтики), оставшейся приверженной гнездованию в полудуплах и дуплах. Отличительный признак — Т-образный темный рисунок на белом поле хвоста, у самцов рыжее пятно на горле (сибирский подвид), заходящее на зоб (европейский подвид). Группа серых мухоловок включает крупную, широко распространенную **серую**, могущую загнездиться хоть за наличником окна, замещающую как бы ее на восток от Байкала **сибирскую мухоловку** (нет светлых пестрин на лбу, зоб темнее), **ширококлювую мухоловку** с однотонным зобом (обычна от Алтая до Приморья), **пестрогрудую мухоловку** (Дальний Восток, Камчатка) и **рыжехвостую мухоловку** (юг Ср. Азии). Названия последних говорят сами за себя. Посланцем неведомого дивного мира можно считать **райскую мухоловку** из семейства монархов. На темной голове синие очки, синий клюв, хохол, брюхо беловатое (среднеазиатский подвид) с темным зобом (дальневосточный подвид), спинная сторона рыжая, у самцов длинный (до 50 см) хвост. Есть белая морфа. На Дальний Восток залетает **черная райская мухоловка** (белой остается нижняя часть брюшной стороны). Райская мухоловка занесена в Красную книгу России.

Близки к мухоловкам самые мелкие наши птицы корольки (вес 4—8 г, длина 10 см). В отличие от мухоловок, наш самый обычный **желтоголовый корольек** не улетает на зиму, кочует часто с синичьими стаями. У самца «корона» более оранжевая, у самки — желтая. В Восточном Причерноморье, в Крыму, Прибалтике, Карпатах с желтоголовым встречается обычный для Европы **красноголовый корольек** с белой бровью, серыми щеками, лобной черной перемычкой желтого поля. На о. Врангеля из Америки залетел **рубиноголовый корольек** с красной отметиной на темени у самцов (у самок — нет). В горных арчевниках юга Ср. Азии обитает близкая к королькам **расписная синичка**. В буром оперении самцов переливаются розовато-лиловато-голубоватыми оттенками участки на шее, боках, груди, надхвостье, способные поразить воображение даже искусственного художника.

В. ШИШКИН

Красноголовый, желтоголовый и рубиновоголовый королек, самцы

Черная райская мухоловка, самец

Мухоловка-белошейка, самец

Мухоловка-пеструшка,

самцы темной и «самочей» морф

Райская мухоловка, самка на гнезде

Пестрогрудая мухоловка

Полуошейниковая мухоловка, самец

Малая мухоловка, самец

Сибирская мухоловка Японская мухоловка, самец

Серая мухоловка

Синяя мухоловка, самец

Желтоспинная мухоловка, самец

Рыжехвостая мухоловка

Ширококлювая мухоловка

Таежная мухоловка, самец

Расписная синичка, самец

мухоловка-пеструшка

райская мухоловка

Малый зуек

Он довольно обычен в средней полосе России, но встречается не так часто, как многие другие виды куликов. Как и все зуйки, малый зуек – обитатель открытых пространств. Ему необходим какой-нибудь водоем, от больших рек и озер до маленьких непересыхающих луж, и чтобы по их берегам не было растительности, или она была очень низкая и редкая. Чаще всего он гнездится на песчаных и галечниковых косах и отмелях рек и озер. Гнездо малого зуйка – это незаметная ямка среди гальки, песка или земли. Как правило, в кладке 4 яйца, но изредка бывает 3 или 5. В насиживании принимают участие оба родителя. В зависимости от погоды насиживание длится 22-27 дней. Птенцы вылупляются очень маленькими, весом 5 г. При опасности они затаиваются, а родители стараются заманить врагов подальше от них, неуклюже убая, распуская и взмахивая крыльями. Пока птенцы не подросли и не научились летать семья держится по берегам водоемов, а с подъемом молодых на крыло зуйки начинают кочевать по различным водоемам и постепенно в августе-сентябре отлетают на зимовку.

В. Ерохин, фото автора.
Фотоконкурс «Охота и природа, 2006»

